

АНТОЛОГИЯ ТАТАРСКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ

АНТОЛОГИЯ
ТАТАРСКОЙ
БОГОСЛОВСКОЙ
МЫСЛИ

مِرْجَانِي

Коллектив авторов
Р. А. Гиззатуллин
Шихабутдин Марджани.
Сборник статей, посвящённый
100-летию Ш. Марджани,
изданный в Казани в 1915 г.
Серия «Антология татарской
богословской мысли»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32827333

Шихабутдин Марджани: сборник статей, посвящённый 100-летию Ш. Марджани, изданный в Казани в 1915 г. [авт. предисл.

Р. Мухаметшин ; сост. и подготовка к изд., научн. ред. Р. А. Гиззатуллин]: Татарское книжное издательство; Казань; 2015

ISBN 978-5-298-02985-8

Аннотация

Книга посвящена известному татарскому учёному-историку, религиозному и общественному деятелю, мыслителю Ш. Марджани. Впервые она была издана в 1915 г. к 100-летию учёного на средства купца Салиха Губайдуллина, куда

вошли статьи и воспоминания 23 авторитетных татарских учёных и общественных деятелей, осветивших биографию, научно-педагогическую и общественную деятельность учёного. Вниманию читателей предлагается обновлённое издание сборника, переведённое на русский язык.

Содержание

Предисловие	8
Марджани	25
Введение	26
Биография Марджани	31
Ш. Шараф	31
Имя, род, семья Марджани. Краткая информация о его предках и их трудах	32
Рождение и смерть Марджани. Смерть его матери. Детство и воспоминания юности Марджани	38
Воспитание и обучение в деревне. Учителя. Уроки. Старание и талант. Обучение и его методы. Первые уроки	45
Путешествие в Бухару. Дорожные воспоминания. Троицк. Торговые дела Марджани	59
Обустройство жизни в Бухаре. Учителя. Отношение к порядкам в Бухаре.	65
Получение образования. Жизнь в Бухаре	
Путешествие в Самарканд. Кади Абу Са'ид. Библиотека кади. Становление взглядов и утверждение принципов. Принятие Курсави. Повторное путешествие в Бухару	81

Второй раз в Бухаре. Беседы.	97
Старательность. Занятия историей.	
Труды в Бухаре. Занятия суфизмом. Как складывалась жизнь	
Возвращение из Бухары. Путевые заметки.	115
Встреча с отцом	
Приглашение в Казань. Экзамен на собрании алимов. Назначение имамом.	117
Поездка в Уфу	
Медресе. Первые уроки и первые ученики.	123
Черты характера, проявившиеся в медресе	
Ибрахим-бай. Исламские суды в Казани.	126
Характер Ибрахим-бая, его отношение к Марджани и другим людям. Развитие медресе. Труды в области религиозных знаний	
Уход из медресе. Здание медресе «Галия».	140
Порядки в медресе. Образовательные программы	
Известные ученики Марджани, послужившие народу	151
Закон об обучении на русском языке.	170
Взгляды Марджани. Открытие русской мужской школы для подготовки учителей.	
Работа Марджани. Отставка – отстранение от службы	

Поездка Марджани в хадж. Подготовка к нему. Завещание. Путешествие. Нижний Новгород. Стамбул. Измир. Египет. Медина. Мекка. Возвращение из хаджа[55]	181
Отношение к ахунам. Ахунство. Что он ждал от Духовного управления. Вопрос должности муфтия	208
Конец ознакомительного фрагмента.	216

**Шихабутдин Марджани.
Сборник статей,
посвящённый 100-
летию Ш. Марджани,
изданный в Казани в 1915 г.
*Сборник***

© Татарское книжное издательство, 2015

Предисловие

Два года тому назад, во время посещения Казани, известный учёный из Палестины Исмаил Булбул был приятно удивлён тем, что Шихабутдин Марджани является татарским учёным. Он поведал о том, что до сих пор в крупнейшем исламском университете мира «Ал-Азхар» его книги используются как учебное пособие. Таких учёных с мировым именем, труды которых до сих пор не потеряли свою актуальность и представляют научную и богословскую ценность, на самом деле, не так уж и много.

Представляя современному читателю этот сборник, по сути дела, являющийся энциклопедией по жизни и деятельности Шихабутдина Марджани, подготовленный в основном его учениками, но включающий и воспоминания, статьи и высказывания крупнейших татарских богословов начала XX в., я счёл нужным обратить внимание читателей на ряд моментов.

Татарская богословская мысль начала XX в. даже на примере этого сборника показала свою зрелость в осмыслении серьёзных богословских проблем. Труды и деятельность Ш. Марджани стали практически для всех крупных учёных образцом новых подходов в понимании многих сложных богословских вопросов, которые требовали, действительно, иного понимания. Необходимость преодоления косности и фанатизма, которые для мусульманского сообщества стали непреодолимым препятствием для дальнейшего развития,

понимали многие. Но как это сделать, где эффективные инструменты их преодоления? Именно на эти вопросы в трудах Ш. Марджани находили ответы татарские богословы начала XX в. Богословская значимость трудов Ш. Марджани проявляется и в том, что он сумел разработать эффективную методологию развития религиозной мысли, отбрасывая устаревшее, но и не выходя за пределы устоявшихся канонов ислама, шариата и богословско-правовых традиций самих татар. Среди современных татарских учёных преобладает мнение о том, что сегодня только исторические труды Ш. Марджани представляют интерес, а остальное его богословское наследие – это позднее Средневековье, дескать, уже вчерашний день. К сожалению, такой подход относится не только к наследию Ш. Марджани, но и ко всему богословскому наследию своего народа, в основе которого лежит глубокое заблуждение о сущности богословского знания, которое пытаются сравнивать со светским знанием. Богословское знание и богословские традиции имеют свою внутреннюю логику. Позиция Ш. Марджани, как совершенно точно обратил внимание известный татарский богослов Ахмад-Хади Максуди, «проявлялась в полном следовании Корану и сунне и отказу следовать чему-то другому без веских доказательств». В данном случае на первое место выходит сохранение религиозных знаний в первоизданном виде, изложенных в основных первоисточниках. Поэтому задачей и заслугой Ш. Марджани является определение инструментов именно воссо-

здания истинных религиозных знаний у мусульман. Как отмечают авторы данного сборника, то, что было сделано Ш. Марджани, является величайшим событием не только в татарско-тюркском, но и во всём исламском мире. Также А.-Х. Максуди в своей статье обратил внимание, что в этот период «учёным, далёким от следования за другими, обладавшим свободной мыслью, руководствующимся только Кораном и сунной, был лишь Шихабутдин ал-Марджани. Я говорю, что он был первым не только в наших краях, но и во всём исламском мире... В исламских государствах... было много людей, считавшихся алимами, но никто из них не смог избавиться от влияния мыслей и мазхабов, официально принятых в то время и активно применяемых в политических целях. Они были вынуждены следовать за каждой из таких мыслей и на практике использовать политику этих официальных течений. После Ибн Рушда, Ибн Халдуна и имама ал-Газали первым, кто постарался в необходимой мере подвергнуть критике исламское вероубеждение и её решения и, не боясь никого, использовать её в размышлениях и исследованиях, был Марджани». Другой известный религиозный деятель Ризаэтдин Фахрутдинов, указывая на роль Ш. Марджани, отмечает, что причиной «гонений на Марджани со стороны его современников заключается в том, что его противники занимались лишь критикой реформ. Наиболее сложно давались реформы в области религии и всего, что имело хоть малое отношение к шариату. Один из алимов сказал:

«Возвращать к основам и первоначальному виду религию, которая подверглась изменениям со стороны людей, ещё труднее, чем создавать новую религию».

Данный сборник разносторонне освещает жизнь и деятельность Ш. Марджани. Правда, среди авторов статей нет ярких противников мыслителя, которых, судя по статьям и материалам сборника, было более чем достаточно. Нет среди авторов и таких ярких представителей левого крыла татарской реформаторской мысли, как Муса Бигиев, Зия Камали, Габдулла Буби и др. Скорее всего, это тоже не случайно. Авторы сборника – это умеренное крыло прогрессивной татарской богословской мысли. Они пытались объективно показать жизнь и деятельность богослова, сводя до минимума комплиментарность, излишнюю эмоциональность суждений. Конечно, каждый из авторов имеет своё отношение к наследию мыслителя. Они, естественно, не всегда совпадают. Хотя и нет кардинально противоположных суждений о мыслителе, но есть очень интересные нюансы оценки роли и места Ш. Марджани в истории татарской богословской мысли. Например, кем является мыслитель, как можно оценивать его идеологическую и богословскую позицию? Этот вопрос, действительно, не простой. Так, Хади Атласи называет его «татарским Лютером», великим реформатором, ему вторит и Ризаэтдин Фахрутдинов, подчёркивая его реформаторскую деятельность. Ахмад-Хади Максуди его называет «совершенным муджтахидом шариата», Хасан-Гата Габаша пи-

шет, что он является «муджтахидом и обновителем (муджаддидом) своего времени». Крупнейший татарский богослов Мурад Рамзи даёт нейтральную, но очень высокую оценку как «мухаккик (обретший истину учёный)», избегая каких-либо идеологических оценок.

Этот сборник интересен, в первую очередь, ещё и тем, что он даёт разностороннюю характеристику эпохе Ш. Марджани, его месте в мусульманской умме России. Авторы сборника характеризуют различные аспекты довольно плачевного состояния духовной жизни мусульманского общества того времени. Это и низкий уровень системы образования, интеллектуальный облик алимов, наличие огромного количества богословских проблем, по которым татарское мусульманское сообщество шло на поводу псевдоучёных и т. д.

Подробно о состоянии системы образования у татар и о заслуге Ш. Марджани в её преобразовании описано в статье Хасан-Гаты Габаша. Он, намекая на то, что у нас нет сведений об исконных истоках исламского образования, отмечает, что «в истории не сохранились сведения о том, какие предметы преподавали, какие книги читали и какими методами руководствовались в обучении в Булгаре, Сарае и Казанском ханстве». Далее он излагает довольно любопытную, но не бесспорную идею дальнейшего развития образования у татар: «... после того, как эти земли оказались под властью Российской империи, в них стали преподавать на основе хорошего метода, пришедшего из Дагестана. Заботясь о получе-

нии хороших знаний по арабскому языку, исламскому праву, исламской этике, акиде, Корану и сунне, преподавание по большей части велось по книгам, написанным древними учёными». После того как в силу ряда причин Бухара становится центром исламского образования для тюркских народов Российской империи, «наши торговцы стали возить шакирдов в Бухару. Эти шакирды, после обучения в Бухаре в соответствии с принятыми там методами, вернувшись оттуда, становились у нас учителями. Они уничтожили прежние методы преподавания, и начали строить процесс образования по новым правилам и книгам». Х.-Г. Габаши считает, что «некоторые люди из нашего народа, не имея достаточных знаний, на основе лишь одних предположений заявляют, что методы, используемые сейчас в Бухаре и некоторых наших медресе, являются методами наших предков. В действительности это вовсе не так, а совсем наоборот. То есть сторонники методов Бухары и те из нас, кто слепо последовал за ними, просто отrekliсь от методов прежних святых мусульман и алимов прошлого». Он считает, что результатом таких кардинальных изменений стало то, что «методы Бухары не только не укрепляют в людях самостоятельность мышления и не рожают инициативу, но, наоборот, убивают их».

Ситуация в системе образования, как зеркало, отражала всю сложность духовных поисков татарского общества, силу и мощь устоявшихся представлений, которые выдавались за истину. Ученики Марджани тесно общались и устраива-

ли дебаты с шакирдами других медресе. Как утверждает Ш. Шараф, «все его ученики были вынуждены следовать за течением того времени и посвятить себя таким предметам, как логика и калам. Шакирды той эпохи говорили: «Хорошо зная логику, можно изучить всё. Философские понятия являются ключом ко всем наукам». Поэтому они не уделяли должного внимания религиозным предметам». Ш. Шараф даже предполагает что «если бы Марджани обучал по методу, указанному в книге «Мукаддима», ученики, подверженные влиянию общего течения, покинули бы медресе, так как в нём не изучали бы считающиеся в то время важные предметы».

Сам Марджани очень переживал, что его реформаторские идеи не оказывают влияния на людей и что в их продвижении у него мало союзников. Иногда он открыто выражал недовольство методами преподавания и говорил: «Все мои планы относительно преподавания, которые я строил в Бухаре, не осуществились. Здесь тратят время на бесполезные занятия, а нужных предметов не изучают. Ах, такое уж время, что поделать! Я бы не преподавал ни один из нынешних предметов».

Ш. Шараф, подводя некоторые итоги деятельности Ш. Марджани в области образования, утверждает: «... хотя мысли Марджани о реформировании методов преподавания не встретили доброжелательный приём, они сделали своё дело. Его мысли и произведения распространились среди народа и

дали толчок общественной мысли. Они подготовили народ к всеобщему пробуждению. С этого времени стали очевидны недостатки методов преподавания Бухары, появилось желание изменить школы и медресе. Когда был поднят вопрос о джадидском методе преподавания, прогрессивные татарские мыслители быстро поняли суть проблемы и стали преподавать, изменив систему образования в школах и медресе».

В сборнике представлены очень серьёзные статьи Ш. Шарфа, К. Тарджемани, Т. Ильяса, Г. Баруди и др., которые представили Ш. Марджани крупнейшим богословом. Его вклад в развитие богословской мысли, действительно, является настолько значимым, что он, вне всякого сомнения, внёс свой огромный вклад в возвращение богословской мысли в то русло, в которое, благодаря огромным интеллектуальным усилиям, её направили ещё в VIII-X вв. основоположники четырёх мазхабов, ученики Абу-Ханифы, Абу Мансура ал-Матуриди и др. Особое место в истории мусульманской богословской мысли занимает конец IX – начало X в. Именно в этот период развернулась борьба против идей мутазитов и практически окончательно сформировались основы богословско-правовых школ, в частности, ханафитский мазхаб с матуридийской акидой. Хотя и прошло почти тысяча лет, Ш. Марджани сталкивался со схожими проблемами. Это, в первую очередь, было обусловлено тем, что за этот длительный период произошло смешение трёх фундаментальных явлений ислама – вероубеждения, теологии как

науки (калам) и богословских традиций. Даже не просто смешение явлений, а подмена понятий и неправильная расстановка приоритетов. К. Тарджемани пишет, что до появления трудов Ш. Марджани, которые чётко объясняли сущность вероучения, смысл калама как науки и роль традиций, «калам и вероучение воспринимали как одно и то же, и всё, о чём писалось в книгах по каламу, считалось исламским вероубеждением. Однако большинство наших книг по каламу не имело отношения к вероубеждению, т. е. написанное в них не имело твёрдых доказательств, существовало множество утверждений, по разным причинам просто помещённых в книги по каламу... И те, кто не верил хотя бы в одно из этих утверждений, обвинялись в заблуждении и неверии (куфр). Таким образом, среди мусульман продолжали господствовать раздробленность и разногласия». Ш. Марджани в своих трудах чётко расставил акценты. В своей книге «ал-Хикма ал-балига» он писал, что «так как доказательства вероубеждения основываются на предание (накл) и священное откровение (вахи), оно является истинным знанием, здравый ум также согласуется с преданием. Но так как разум, не укреплённый доказательствами из традиции, не может полностью избавиться от сомнений и фантазий, в религиозных делах он не может действовать самостоятельно. Поэтому каждая группа, которая в вопросах религии опирается лишь на разум, как мутакаллимы, не сможет достичь истины и гармонии».

Как видим, в своих произведениях Ш. Марджани резко отзывается о каламе, не считает калам наукой. Поэтому некоторые его современники и богословы XX в. выражали удивление в связи с тем, что он и сам занимался каламом, по крайней мере в своих трудах много внимания уделяет богословским проблемам. Причина такого неприкрыто негативного, иногда враждебного отношения к каламу у Ш. Марджани было обусловлено, в первую очередь, тем, что калам в XVIII-XIX вв. стал тем учением, который отдалял мусульман от основных первоисточников – Корана и сунны. Опираясь только на калам, философию и логику, мусульманские учёные стали рассуждать о фундаментальных понятиях ислама. Не глубокие знания первоисточников, а логически правильно выстроенные поверхностные представления о вере для мусульманской молодёжи казалось наиболее эффективным методом самоутверждения в мусульманском обществе. А.-Х. Максуди в качестве примера приводит такую ситуацию, сложившуюся в татарских медресе: «Так как шакирды Кшкара были слабы в области религиозных знаний, но натасканы по логике, каламу и мудрости, они были сильны в диспутах. В спорах, возникавших на собраниях по религиозным вопросам, они даже стали побеждать. Так, слушающие это простые люди начали считать, что кшкарцы более образованы». Поэтому даже сам Марджани, «поддавшись влиянию этого, был вынужден разрешить преподавание этих наук, привезти книги из Египта, Стамбула и Ин-

дии и проводить эти уроки чаще остальных». Безусловно, Ш. Марджани и сам является крупнейшим представителем мусульманской богословской мысли. Он, критикуя мусульманское богословие – калам, в первую очередь имел в виду его мутазилитский период, представители которого были очень близки к арабо-мусульманской философии. Нельзя не обратить внимание и на то, что Ш. Марджани практически никак не оценивает наследие Абу Мансура ал-Матуриди, одного из крупнейших представителей постмутазилитского калама X в. Остаётся догадываться, что используя понятие «ханафитская акида», он в принципе был согласен со многими положениями учения ал-Матуриди, т. е. классический калам ему был не так и чужд. Это ещё раз подтверждает мнение практически всех авторов сборника о том, что Ш. Марджани очень тонко чувствовал глубинные проблемы мусульманской богословской мысли и очень остро и точно реагировал на них.

Среди таких проблем, на которые особо обращал внимание Ш. Марджани и нашли отражение в данном сборнике, К. Тарджемани выделяет такие как «таухид и калам, атрибуты и имена Аллаха, возникновение и вечность Вселенной, пророчество и чудеса, определение группы «спасшихся», вопрос сотворённости Корана, халифат и достоинства сахабов, вопрос, что делает человека неверным, отношение философов и мыслителей к исламу».

Подчёркивая то, что все эти вопросы для богословской мысли во все времена были актуальными, хотелось бы вы-

делить несколько из них, которые и сегодня являются более чем актуальными.

Например, проблема обвинения в неверии сегодня некоторыми экстремистскими группировками превращается главным инструментом борьбы с теми, кто являются другими по образу жизни, по мировоззренческим установкам и т. д. К. Тарджемани пишет, что ещё тогда «этот вопрос среди мусульманских учёных стал подлинным бедствием. Он настолько распространился и утвердился в исламском мире, что лишь немногие из великих учёных, служащих религии и знанию, смогли остаться в стороне от него. Если мусульманские учёные или простой человек увидит что-то или услышит о чём-то, что противоречит их обычаям, привычкам или слабым риваятам, переписанным у алимов позднего времени, они будут считать это неверием и заблуждением, начнут проклинать, даже если это дело никак не противоречит шариату. Вред, причинённый этим исламу, очень велик». Свою позицию Ш. Марджани по этому вопросу излагает очень убедительно, утверждает К. Тарджемани, приводя его высказывание о том, что для обвинения человека в неверии «нужно знать, что он без всяких объяснений отрицает существование чего-то, что было передано от Пророка надёжным путём, и обвиняет Пророка во лжи. Для этого необходимо доказать, что отрицаемый человеком текст передан надёжным путём и отрицающий знает об этом, что человек отрицает текст без всяких объяснений и осознанно. Однако узнать всё

это может лишь очень умный, обладающий трезвым умом и хорошей нравственностью человек, который к тому же хорошо осведомлён о взглядах и вероубеждении отрицающего». Даже при соблюдении всех этих условий, считает Марджани, нужно действовать «на основе хадисов Пророка «Если кто-то скажет другому: «Эй, неверный!», один из них будет неверным», «Закрывайте глаза на ошибки тех, кто произнёс «Ля иляха иллял-лах», не обвиняйте их в неверии», «Если кто-то обвинит в неверии человека, произнёсшего «Ля иляха иллял-лах», он сам будет ближе к неверию». Этот же принцип он распространяет и на мусульманских философов, которых пытались обвинять в неверии. К. Тарджемани приводит высказывание Ш. Марджани о том, что уважаемый всеми мусульманами мыслитель Газали «говорит такие слова, в особенности, обвиняет таких чистых от неверия людей, как Фараби и Ибн Сина, в неверии, совсем не соответствует его образованности и знаниям, степени его наставления и сострадания к творениям Аллаха. Какое же доказательство он нашёл для обвинения этих двух в неверии? Конечно, причиной этого может быть лишь излишний фанатизм в отношении философов».

Чётко обозначил свою позицию Ш. Марджани и по отношению к науке и разуму. Он считал, что вражда с мыслителями, восприятие шариата как противника разума вредит исламу и является преступлением против него. Поэтому при каждом удобном случае он в своих книгах спорил с таким

суждением. В сборнике приведены его высказывания из книг «Назурат ал-хакк» и «Хакк ал-ма'риффа» о том, что «Шариат не выставляет ложью мысль, а мысль – шариат. Они подобны паре близнецов, родившихся от одной матери по имени «истина». Также шариат не считает ложью дела и суждения, доказанные разумом и необходимостью. Кто утверждает это, тот клеветает на религию, потому что даже если между шариатом с одной стороны, выводами разума и необходимыми решениями с другой и есть сомнение противоречия, для объяснения необходимости и вынужденности нужны доказательства из шариата».

Оценивая заслугу Ш. Марджани для своей эпохи и для развития ислама в целом, авторы неоднократно обращают внимание на то, что ему было вдвойне сложно, поскольку единомышленников было очень мало, и общество не было готово воспринимать его глубокие идеи. Р. Фахрутдинов пишет, что «Марджани обвинялся своими современниками, его труды не признавали, самоотверженности не замечали, о нём ходили самые дурные толки. Его снимали с занимаемых должностей, обвиняли в шиизме, ваххабизме, атеизме и безбожии. В то время многие из членов Оренбургского духовного управления были врагами Марджани, они не поддерживали ни одно дело, лишь наблюдали со стороны. Но, несмотря на это, Марджани не изменил своим идеям, своему вероубеждению». Ш. Шараф обратил внимание, что «хотя среди наших татарских алимов и были поддерживающие

его, такие как ишан Гали из Тюнтер, ишан Махмуд Дагестани из Астрахани, Хасан-хазрат из Курсы, шейх Зайнулла из Троицка, Курсави Гатаулла-хазрат и др., но тех, кто открыто защищал его и давал ему оценку, практически не было. Почти все алимь Казани были против него. Лишь в последние годы его жизни казанские имамы дамелла Галимджан ал-Баруди, Хусаин-хазрат и его сын Зариф Амирхани, мулла Мухаммад-Шакир ибн Габдулджаббар стали его сторонниками». Габдрашид Ибрахимов высказал те же идеи, но более пафосно: «Какие бы великие мысли ни имелись у Марджани, его эпоха не была ему помощником в донесении этих взглядов до общественности, поэтому я считаю, что Марджани был рождён не вовремя, потому что в его время, по мнению простого народа, были более великие личности».

Предложенный на суд читателя этот сборник трудов и воспоминаний о Шихабутдине Марджани, вне всякого сомнения, является прекрасным источником по истории татарской богословской мысли, который нам раскрывает различные грани жизни нашего народа в изложении таких известных деятелей, сведения такого характера ещё где-либо найти довольно сложно. Тем более, всё это рассматривается в очень широком историческом контексте, пропущенный через взгляд такого величайшего мыслителя как Марджани.

Сборник, несомненно, станет настольной книгой вдумчивого читателя, стремящегося познать объективную историю своего народа.

Рафик Мухаметишин, доктор политических наук

Марджани

Шеһаб‌الدین المرچانی حضرت تالریناڭ ولادیتینه یوز یل طولو
(۱۲۳۳-۱۳۳۳) مناسبتیه نشر ایقولدی.

مَرْجَانِي

«شهاب‌الدین من برایدی؛ قدر و قیمتنی بامک
آنڭ ایچون دگل، بزار ایچون افتخارد.»
۱. غصپرینسکی.

Введение

Народы и племена, жившие на земном шаре, старались развивать культуру и оставляли её детям и внукам в качестве наследия.

Служение культуре является долгом человечества, а сама культура – общим итогом его деятельности. Функционировавшие в течение сотен лет центры культуры назывались по-разному в разные эпохи, так как менялись их служители и сам их дух. В древние века способы сообщения, хранения, передачи информации не развивались, область распространения тех или иных культур была невелика. Так как в последние века число названных причин, препятствующих распространению культур, уменьшилось, то и культура всё более глобализируется. Но национальные культуры, входящие в её состав, не исчезнут. Наоборот, глобальная культура так богата потому, что включает в себя так много разного.

Национальные культуры, являющиеся частью общей культуры, отличаются друг от друга религией, языком, литературой, некоторыми обычаями и традициями. Если, вдобавок ко всему этому, национальная культура обладает богатой историей, внесла вклад в мировую культуру своей литературой или искусствами, имеет героев, которыми можно гордиться, то и её степень в контексте общей культуры будет выше. Представители этой культуры начинают воспринимать себя

как воспитанную и уважаемую нацию, и лишь такой народ может жить сплочённо. Люди помнят о светлом прошлом и выдающихся личностях, с рождения доказавших величие их нации, поэтому у них крепнет уверенность в себе и надежда на будущее.

Народы, обладающие выдающейся культурой, стараются беречь свою религию и национальную историю, помнить биографии народных героев и знакомить с ними детей с самого юного возраста. Открываются школы, медресе и библиотеки, носящие имена выдающихся личностей, нарекают в честь них города, улицы, деревни, пароходы или что-либо ещё, в честь них организуют различные благотворительные общества.

При взгляде на наше религиозное и культурное прошлое мы видим исламский мир, внёсший свой вклад в мировую культуру, а также великих прославленных гениев, выросших среди татар.

Но память о внёсших свой вклад в раскрытие национальной мысли и в национальную культуру учёных, занимавших важные общественные позиции выдающихся личностях, искусства и ремесла, религиозная и национальная история живущей в Российской империи тюрко-татарской нации по различным причинам были утеряны. Наш народ пережил длившийся 200–300 лет застой и пребывал в безразличии.

Он пребывал в таком состоянии вплоть до XIII в. по хиджре (XIX в.), религиозное и светское образование и культура

были на низком уровне, находясь на грани исчезновения. В это время под влиянием различных течений начали просыпаться наши религиозные учёные. Такие личности, как Абун-Насир ал-Курсави, показали, что в религиозных и светских вопросах мы довольно сильно отклонились от Корана, сунны и пути, которого придерживались праведные предки.

Из-за распространения безразличия и ограниченности мнений многих из тех, кто именовался алимами, их слова не воздействовали нужным образом.

И вот в это время и появился уважаемый Марджани-хазрат, который постарался направить наш народ на путь совершенствования и прогресса, призывал к Корану, сунне и образу жизни праведных предков. Помимо необыкновенного таланта, обладая широким мировоззрением, осведомлённостью, обоснованностью своего пути, долголетием, занимая важную должность, он добился большего, чем его предшественники.

Вдобавок к своим религиозным трудам Марджани создал нашу историю, собрав сведения о наших великих предках и выдающихся учёных. Исследовав причины нашего падения и исчезновения, выпустил книги, доказывающие, что на пути знаний мы выбрали ошибочное направление и нашу систему образования необходимо совершенствовать. Показал верные пути получения современных знаний и образования, обучения профессиям и искусству.

Поэтому Марджани по праву считается одним из пер-

вых, пробудивших сознание нашего народа, он стоит во главе истории нашего пробуждения, культуры, образует отдельную эпоху. Марджани осветил одну самую важную страницу истории нашей культуры. Начало прогресса нашего народа неизменно связывается с его деятельностью.

Поэтому знание жизни и деятельности Марджани необходимо не только для изучения его самого и его трудов, но и для знания истории нашей культуры и литературы.

Прошло 100 лет со дня рождения окружённого глубоким почитанием нашего наставника Шихабутдина (Шихаб ад-дин) ал-Марджани (да будет доволен им Аллах) и 25 лет со дня его смерти. С приближением этой даты увеличилось число людей, желающих вспомнить его и считающих необходимым подробно описать жизнь и труды учёного. Озабочившись этим делом и договорившись друг с другом, мы решили выпустить данный сборник, так как это является нашим долгом перед культурой и литературой.

Один из наших товарищей Габдельгазиз-эфенди ('Абд ал-'Азиз) (принадлежащий к богатой казанской семье) поведал об этом своему отцу Салиху Губайдуллину (Салих 'Убайд ал-лин). Тот же рассказал, что уже давно имел намерение сделать что-то в память о своём наставнике Марджани и обещал издать данный сборник.

После этого мы приступили непосредственно к работе над сборником. Для лучшего ознакомления с личностью Марджани и для более глубокого понимания его взглядов и на-

учных трудов мы прочли все его произведения и сделали для себя выводы; изучили все рукописи и книги из его библиотеки, которые нам удалось найти. Для получения сведений о его биографии мы обращались к его современникам, ученикам и прочим близким ему людям. Мы обратились к известным писателям и людям, изучавшим его деятельность с просьбой написать об их отношении к Марджани, поделиться воспоминаниями о нём. Многие из них благосклонно отнеслись к нашей просьбе и написали содержательные статьи.

Накопив столь обширную информацию о Марджани, мы обсудили содержание сборника, первую главу посвятив биографии учёного, вторую – статьям и воспоминаниям различных людей. В конце книги мы поместили различную информацию и материалы, опубликованные на страницах газет и журналов.

В создании этого труда большую помощь оказали работы ученика Марджани – Габдрахмана Гумари (‘Абд ар-Рахман ‘Умари), жившего в Астрахани. Мы благодарим всех тех, кто помогал нам в создании данного сборника, в частности тех, кто, написав статью, способствовал его выходу в свет, а также издателей.

Члены редколлегии: Шахар Шараф, Кашафутдин Тарджемани (Кашаф ад-дин Тарджемани), Габдулла ибн Тухфатулла Гисмати (‘Абд Аллах ибн Тухфат Аллах ‘Исмат), Тахир Ильяс, Газиз Губайдуллин (‘Азиз ‘Убайд аллин).

Биография Марджани

Ш. Шараф Предисловие

Несколько человек, глубоко уважающих обладавшего выдающимися достоинствами дамеллу Шихаб ад-дина ал-Марджани, отдавая должное его усилиям на пути служения религии и нации, решили выпустить сборник, посвящённый его биографии, книгам и трудам.

Так как мы решили сделать эту работу, распределив обязанности, мне было поручено написать главу о биографии дамеллы. Считая себя недостаточно подготовленным, я медлил с ответом, около месяца изучая материалы о Марджани.

В итоге, уповая на Аллаха, я всё-таки согласился выполнить данную работу, несмотря на то, что составление подробной биографии нашего национального и религиозного историка и великого учёного является сложной задачей. Друзья, участвовавшие в составлении данного сборника, всячески содействовали мне.

Понимая важность этого вопроса, я постарался снова прочесть все труды Марджани и ознакомиться с книгами, сборниками, произведениями, записями и письмами из его библиотеки; пообщался лично или посредством переписки с

людьми, которые были как-то связаны с учёным или могли дать о нём какую-либо информацию; постарался собрать и упорядочить различную информацию о нём, попытался не оставлять белых пятен в его биографии и при этом писать её непосредственно, предоставив читателям и последующим поколениям самим сформировать их философское мнение о Марджани, который в жизни испытал много всего, что может быть уроком для будущих поколений, а также совершил множество деяний, заслуживающих похвалы и уважения.

Помогает мне только Аллах. На Него одного я уповаю, к Нему одному обращаюсь [Коран, 11:88. – *Примечания научного редактора Гиззатуллина Р. А.*]¹.

Имя, род, семья Марджани. Краткая информация о его предках и их трудах

Род Марджани, вышедшего из татар и совершившего великие труды на пути служения религии и нации, таков: Шихабутдин ибн Бахаутдин (Баха‘ад-дин) ибн Субхан ибн ‘Абд ал-Карим ибн ‘Абд ат-Тавваб ибн ‘Абд ал-Гани ибн ‘Абд ал-Куддус ибн Йадаш ибн Йадкар ибн ‘Умар.

Так как его дед ‘Абд ал-Куддус первым поселился на этом месте и основал деревню Марджан², позже их род стал называться именно так. Деревня Марджан расположена в 50 км

¹ Далее – Г. Р.

² Мустафад ал-ахбар. – Т. 2. – С. 140.

от Казани.

Мать Марджани – Хубайба бинт ‘Абд ан-Насир ибн Сайф ал-Мулк ибн Музаффар ибн Муртада ибн ‘Али ибн Йусуф ас-Сембери ал-Чокалы.

Так как предки Марджани как со стороны матери, так и со стороны отца были выдающимися учёными своего времени, и из этого рода вышло много имамов, то положительные черты Марджани и часть его совершенств являются наследством, оставленным ему предками. Перечисляя имамов из своего рода, Марджани называет более 20 деревень³.

* * *

Марджани писал, что его дед Субхан с детства отличался усердием в области получения знаний и во время своего ученичества переписал около 60 книг на арабском и персидском языках. Среди них есть такие труды, как «Таудих» («Разъяснение») и «Джами’ ар-румус» («Собрание символов»), состоящие из двух томов.

Марджани воспринял от своего деда много исторической информации, так как Субхан был хорошо осведомлён об истории и состоянии своего народа, в том числе и в очень далёкие времена. В книге «Вафиййат ал-аслаф» («Некроло-

³ Они упоминаются в небольшом труде Марджани «Шаджарат ал-аждад ва ал-даждат, ансаб ал-аба’и ва ал-уммахат» («Дерево дедушек и бабушек, родословная отцов и матерей»).

ги предшественникам») Марджани пишет: «Мой дед Субхан был человеком, общаться с которым было крайне приятно, он многое знал и помнил, в то же время любил и шутки, часто рассказывая истории, касающиеся прошлого, прошедших событий. Иногда бабушка Биби-Загифа высказывала своё недовольство его рассказами и упрекала его, говоря, что всё это осталось в прошлом, и нет никакой пользы от пересказа всего этого. Тогда дедушка отвечал ей: «Я рассказываю лишь то, что случилось в прошлом. Если ты знаешь, что случится в будущем, поведай нам, а мы с удовольствием слушаем».

По словам Марджани, он с великим удовольствием слушал рассказы деда и даже записывал некоторые из них. В одном месте он даже сожалеет, что не запомнил одну из историй деда Субхана. В одном из рукописных сборников Марджани есть тетрадь с записями Субхана, касающимися некоторых событий, произошедших в его эпоху либо относящихся к его торговым операциям и трудам. Эта тетрадь также говорит о том, что Субхан был крайне внимательным человеком.

Этот Субхан 25 лет был имамом и преподавал в деревнях Большие Яки и Кысна. После, уйдя с этой должности, он занялся торговлей и умер в Кысне в 1249 х./1834 г. в возрасте 87 лет. В это время Марджани было 16 лет.

Дедушка Субхан очень любил Марджани, часто брал оставшегося без матери мальчишку с собой. А когда Мар-

джани повзрослел, он под диктовку писал некоторые письма своего деда.

После возвращения из Бухары Марджани установил надгробный камень на могиле деда.

* * *

Отец Марджани Бахаутдин в своё время был одним из почитаемых людей, обучавшихся в Бухаре, пользовался уважением эмира Бухары Хайдар ибн Масума⁴, участвовал на собраниях, проводимых эмиром в своём дворце, был обласкан им и получал подарки от него даже в те времена, когда вернулся в свою деревню и стал жить там.

Бахаутдин в течении 40 лет был имамом и преподавал различные предметы сначала в Ябынчи, а потом – в деревне Ташкичу⁵, обучив множество учеников. В одном из своих рукописных сборников Марджани упоминает около 35 его учеников своего отца, ставших имамами.

Бахаутдин знал биографии многих учёных-татар и учёных из Бухары, и Марджани пользовался его знаниями. В книгах «Вафиййат ал-аслаф», «Мустафад ал-ахбар» Марджани пе-

⁴ Амир Хайдар ибн Масум умер в 1242 х./1826 г. Из-за его искренней любви к знанию, учёных собраний, проводимых им в своём доме уроков, даваемых им самим и выдаваемым одно время стараниям выучить Коран народ Бухары называл его Эмиром Сагидом.

⁵ Ташкичу находится в 70 км от Казани.

редаёт много сведений, услышанных им от своего отца. Бахаутдин-хазрат умер в 1273 х./1856 г. в возрасте 72 лет.

Мать Марджани Биби-Хубайба была очень умной, умеющей наладить отношения с людьми и набожной женщиной. Она умерла в 1238 х./1823 г. в возрасте 29 лет. Марджани пишет, что его мать умела правильно и красиво писать, и у него даже сохранился листок с некоторыми молитвами, написанный рукой матери⁶. В 18 лет Марджани установил на могиле матери надгробный камень, сам сделав на нём надпись.

* * *

Дедушка Марджани по материнской линии ‘Абд ан-Насир ибн Сайф ал-Мулк был имамом и учителем в сибирских деревнях Чокалы и Ашит, всю свою жизнь посвятил служению знаниям и поклонению. В книге Марджани «Мустафад алахбар» и в работе Риза ад-дина Фахр ад-дина «Асар» упоминается множество имамов, обучавшихся в его медресе. Марджани так пишет об этом: «Дедушка был известен своей набожностью, религиозностью, хорошим знанием исламского права, терпеливостью, правильным вероубеждением, во всех вопросах он старался действовать на основе шариата и сун-

⁶ Могилы Бахаутдина и Биби-Хубайбы находятся рядом в Ташкичу. Позже Марджани устанавливает для них общий надгробный камень с надписями с четырёх сторон.

ны Пророка, в его одежде и жизни отсутствовала всякая напыщенность, он никого не боялся и всегда говорил только правду, а в поклонении старался следовать всем мазхабам». Несмотря на то что дедушка Марджани получил свидетельство (иджаза) ишана от самого Хабибуллы ишана ибн Хусаина⁷, он скромно не показывал его никому до самой смерти. Имамом в погребальной молитве (джаназа), совершённой по нему, был ахун Фатхулла ибн Хусаин, который сказал: «Сегодня в фикхе и в приведении доказательств своим словам, что так необходимо нам, не осталось подобных ему». Дедушка Марджани умер в 1249 х./1833 г. в возрасте 75 лет.

Так как Марджани много времени проводил с дедом, это развило в нём любовь к Корану и сунне, широкое и равное отношение ко всем мазхабам, имеющимся в фикхе. Всё это, во-первых, осталось Марджани от деда в качестве наследства, во-вторых, своё влияние оказали и собрания, проводимые дедом.

⁷ Хабибулла ибн Хусаин и Фатхулла ибн Хусаин были родными братьями. В своё время они были известны как алимы, были имамами в деревне Ор. Хабибулла умер в 1232 х./1817 г., а Фатхулла – в 1259 х./1843 г. Их биография описана в работах «Асар» и «Мустафад ал-ахбар».

Рождение и смерть Марджани. Смерть его матери. Детство и воспоминания юности Марджани

Марджани родился 7 раби ал-аввала 1233 х. / 3 января 1818 г. в деревне Епанчино (*Ябынчы*)⁸, когда наступило время ночного намаза. Умер 29 шаабана 1306 х. / 18 апреля 1889 г. после вечернего намаза в возрасте 74 лет и был похоронен на казанском кладбище. Он был первым ребёнком в семье. Его отцу тогда было 32 года, а матери – 24. Мать Марджани Биби-Хубайба не смогла оправиться после следующих родов и умерла, так, в 5 лет Марджани лишился ласки родной матери⁹.

Так как Марджани очень рано остался без матери, он пишет, что в его воспоминаниях о ней осталось лишь следующее: «Однажды я возле воды играл с котёнком. В это время меня привели домой, сказав, что меня зовёт мама. Она тогда болела. Когда я подошёл к ней, она посмотрела на меня глазами, полными печали. После этого она расплакалась и сказала: «Сын мой, кто же будет тебе матерью после меня? Ко-

⁸ Деревня Епанчино (*Ябынчы*) находится в 50 км от Казани, по соседству с Марджаном.

⁹ После смерти Биби-Хубайбы Бахаутдина женился на её сестре Хабибе. Так как первую жену звали Хубайбой, а вторую – Хабибой, последнюю в семье стали называть Хаббой.

го ты будешь называть мамой? Кто будет воспитывать тебя и заботиться о тебе?»»

После этого моя мама умерла. На её похоронах один шакирд до самого кладбища нёс меня на руках. Про свою мать я ничего больше не помню».

А вот как он рассказывал о некоторых событиях своего детства, приключившихся с ним в возрасте 3—4 лет: «Во время переезда из Епанчино в Ташкичу меня везли в лубяной лодке. Помню, нашу корову перевозили в санях. Тогда я ещё удивился, что «и корова тоже ездит верхом на лошади».

Способность сохранять воспоминания детства является одним из проявлений незаурядного ума. И то, что эти события остались в памяти Марджани, говорит о его одарённости и смекалке. А удивление и критика того, что люди перевозили корову на санях, свидетельствует о внимательности и способности к критическому мышлению.

Младший брат Марджани Садрутдин-хазрат (Садр ад-дин)¹⁰ рассказывает следующее о его юности и отрочестве: «В детстве Марджани любил играть с такими домашними животными, как петух, гусь, индюк, кошка и собака. Ему нравилось устраивать сражения между ними. Придя к какой-то новой мысли относительно чего-либо, он старался во-

¹⁰ Садрутдин-хазрат был с Марджани в Бухаре и хадже, в те годы (1332 х./1914 г.) ему было 90 лет. Приведённое здесь было записано под его диктовку его сыном Закариёй (редактор газеты «Кояш»).

плотить эту мысль в жизнь. Например, он не любил пёстрых кур, а хотел, чтобы вся птица в доме была белого цвета, так как сам предпочитал этот цвет всем остальным. Однажды он даже решил было заводить только белых кур. Для осуществления своего плана Марджани нацеплял петушиные хвосты пёстрым цыплятам и курам, стараясь, таким образом, чтобы домашние принимали их за петухов. Так он добился того, что все эти пёстрые куры были забиты. Об этом его плане никому из домашних, кроме меня, не было известно, и я способствовал его осуществлению.

Позже Марджани признал ошибочность своей задумки, сказав: «С нашей стороны было глупостью поменять пёстрых кур на белых. Разные цвета красивы сами по себе, это проявление красоты природы. Поэтому собирание разных цветов и оттенков является собиранием красот природы, а это лучше однообразия».

Из рассказа Садрутдин-хазрата можно сделать вывод, что Марджани с детства обладал самостоятельностью в принятии решений, на всё обращал внимание, оценивал и критиковал по-своему, вырабатывал свой план и старался действовать согласно ему. Поняв, что для него является истиной, он придерживался этого, даже если окружающие были против. И даже наоборот, он и их старался приобщить к своей идее, повести за собой. Поняв свою ошибку, он предпочитал не следовать словам других людей, а, выводя свои доказательства и опираясь на свою мысль, действовал в соответствии

со своими критериями, так, как велела его совесть.

У Марджани было ещё одно важное занятие в юности. Говорят, что одно из важнейших направлений развития детей – это развитие их фантазии. Выдумывание неведомых доселе вещей, идей развивает таланты подростков, укрепляет их уверенность в себе, зарождает в них мысль.

Даже если Марджани не получил должного воспитания в этой области, он от природы был наделён большой фантазией. По этому поводу Садрутдин-хазрат пишет следующее: «Во время игр Марджани старался придумывать новые, до этого дня неизвестные развлечения. Например, во время обучения в деревенской школе он из дерева смастерил маленький мяч, привязал к нему тонкую, невидимую человеческому глазу нить. Второй конец нити он незаметно для остальных привязал к ножке стола. После этого он начертил круг и завлекал детей тем, что предлагал награду тому, кто сможет закатить мяч в этот круг, дунув на него». (Возможно, для этого Марджани использовал ещё какие-то хитрости, например, создавал вокруг стола затемнение.)

Эта ситуация говорит, насколько внимателен, ловок и талантлив был Марджани, как он по своему хитроумию превосходил сверстников.

Часто пишут, что многие гении были очень озорными детьми. В нашем народе существует даже поговорка о таких шалунах, гласящая: «Если у тебя есть ребёнок, пусть он бу-

дет озорным, а если он не таков, лучше пусть его не будет». Вполне естественно, что здоровые дети любят играть. Марджани в детстве тоже очень любил играть, резвиться и обычно был предводителем в играх. Садрутдин-хазрат так описывает его озорство: «В детстве он иногда пугал детей и стариков, надевая на лицо маску, сделанную из бумаги. Однажды он в такой маске проходил мимо ворот одного человека, откуда случайным образом выходила бабушка с тазиком, направляясь на речку полоскать бельё. Приняв Марджани за джинна, бабушка от испуга этим тазом дала мальчику по голове».

Марджани иногда вспоминал эту историю и, смеясь, говорил: «У меня искры посыпались из глаз. Я подумал, что моя голова треснула. Странно, что она все ещё цела».

Озорство Марджани один раз проявил и в Бухаре. Он рассказывал некоторым шакирдам: «Однажды, надев на лицо бумажную маску, я постучал в дверь к одному шакирду. Открыв дверь и увидев меня, юноша вскрикнул и упал. Я же быстро убежал к себе в комнату. После этого случая тот шакирд болел несколько недель, посчитав, что видел джинна. А я после этого перестал шутить подобным образом».

Рассказывают также следующее про его привычку подшучивать над другими. Однажды один парень решил пойти свататься к одной девушке. Встретив в это время Марджани, он спросил у него: «Я хочу взять в жёны девушку, которая будет покорной женой. Как я могу узнать это?» Марджани ему и

ответил: «Очень просто. Ты можешь узнать это при первой же встрече. Когда пойдёшь к ней, вели ей совершить намаз в сторону востока, а сам соверши, обратившись на запад. Если она не воспротивится тому, что ты совершаешь намаз совсем в другую сторону и послушается, эта девушка будет тебе послушной женой».

С детства Марджани был очень храбрым и частенько ввязывался в страшные и опасные дела. Однажды в возрасте 15 лет он посадил сестрёнку и братишку Садрутдина на обычную дверь и по глубокой реке возле мельницы проволоком их до деревни Кысна (Хусна), которая находилась в километре от их Ташкичу.

Кроме смелости и храбрости Марджани обладал недюжей силой, сочетал в себе силу ума и тела и прослыл одним из лучших борцов своего времени. Садрутдин-хазрат пишет: «Марджани любил во всём превосходить остальных. Очень любил борьбу и проявлял довольно хорошие способности. Только-только став совершеннолетним, на Сабантуях он одерживал верх над сильными и рослыми мужчинами. Поэтому в Ташкичу и соседних деревнях он прославился как храбрый борец, а остальные борцы признавали это и называли Марджани «борец Шихаби».

Жители Ташкичу гордились своим «борцом Шихаби» и всегда просили разрешения у Бахаутдин-хазрата отпустить его с ними на Сабантуй в соседнюю деревню. Лишь некоторые старики Ташкичу недолго любили это его занятие, счи-

тая, что «борясь с рослыми мужчинами, он может в столь юном возрасте получить увечья», и советовали ему бросить это дело. Но Марджани, посвящая немало времени этому занятию, боролся с известными борцами, участвовавшими на Сабантуях. Так, в 19 лет он вышел сражаться с человеком, прозванным «батыром Ибраем», несмотря на то, что друзья его отговаривали. И не только сразился, но и победил этого борца.

Садрутдин-хазрат пишет, что во время борьбы у Марджани была одна привычка, указывающая на высоту его степени: «Он любил тягаться не с теми, кто был побеждён, а с теми, кто всегда одерживал верх. Никогда повторно не боролся с человеком, которого однажды сумел одолеть. Он также не сражался с человеком, который был одолён своим противником».

Про религиозность, свойственную Марджани с детства, Садрутдин-хазрат пишет следующее: «Он с детства увлекался религией, не пропускал намазы. Однажды, ещё до совершеннолетия, он заболел тифом. Выздоровев, он восполнил все намазы, пропущенные во время болезни. В старости он с радостью и благодарностью к Аллаху вспоминал, что выполнил все намазы, возложенные на него».

Из всего вышеперечисленного видно, что Марджани с детства и до самой смерти служил своему народу, создавал книги, полезные и религии, и нации, при этом не оставлял поклонения, возложенного на него, старался со всех сторон

окружить свою душу благами.

Воспитание и обучение в деревне. Учителя. Уроки. Старание и талант. Обучение и его методы. Первые уроки

Из-за того что в эпоху Марджани обучение в школах не подчинялось определённом порядку, и не было возрастных ограничений в классах, мальчик с 6 лет обучался в медресе отца и наравне с остальными деревенскими детьми при помощи учебников тех лет познавал азы родного языка.

После этого, быстро освоив арабский язык, морфологию и синтаксис изучал по книгам «Бидан», «Шарх 'Абдулла», «Кава'ид», «'Авамил», «Намузадж», «Кафийа». По словам Марджани, его учителями были мулла Ахмад ибн Габдулджалил ат-Тимерджани (Ахмад ибн 'Абд ал-Джалил ат-Тимерджани)¹¹, мулла Ахмад ибн Зильхиджа ат-Тимерджани (Ахмад ибн Зи-л-Хиджа ат-Тимерджани)¹², Курбан ибн Мухаммад ибн Мансур ал-Чунбали¹³. В то время в медресе учи-

¹¹ Мулла Ахмад ибн Габдулджалил был имамом в деревне Тимерзянова (*Тимержан*) Симбирской губернии, умер в 1250 х./1834 г.

¹² Мулла Ахмад ибн Зильхиджа был имамом и ахуном в деревне Симбирской губернии, умер в 1276 х./1859 г.

¹³ Мулла Курбан ибн Альмухаммед ибн Мансур был имамом в деревне Чимбелево (*Чунбали*) Курмышского уезда Симбирской губернии, умер приблизительно в 1280 х./1863 г.

телем по чтению был мулла Таджутдин ибн Габдулджалил ибн Хусаин ас-Сердеви ал-Фазыли (из Казыли)¹⁴, (Тадж ад-дин ибн ‘Абд ал-Джалил ибн Хусайн ас-Сардави ал-Фадили) именно он обучал правильному чтению Корана.

Марджани с детства отличался искренним рвением к учению, проявлял усердие, уроки выполнял внимательно и основательно готовился к ним. Он старался понять преподаваемые уроки, среди одноклассников отличался хорошей успеваемостью. С детства было понятно, что при должном воспитании Марджани станет известным учёным. Да он и сам вспоминал, что однажды один из его учителей заметил: «Я обучил множество учеников. Но не встречал таких умных и сообразительных, как Шихабутдин. Он всего лишь один раз читает урок, при этом запоминает больше своих сверстников.

Даже когда я стараюсь запутать его и задаю каверзные вопросы, он всегда находит ответ. Я удивляюсь таким способностям ребёнка в 12–13 лет. Если сын хазрата вырастет и будет здоров, он станет учёным».

Рассказывая ученикам о своём обучении, Марджани вспо-

¹⁴ Мулла Таджетдин обладал красивым голосом и был довольно известным учителем рецитации Корана (кыраа). Сам обучался рецитации у Тагира ибн Субхана из деревни Адай. Был имамом в деревне Казыли (*Казый Иле*) в Казанской губернии. Умер в 1304 х./1887 г. В библиотеке Марджани хранится много писем от него. Они общались до последних дней его жизни. Мелла Таджутдин также сообщал Марджани некоторые сведения об известных личностях того времени. (Дата смерти этого учителя (мударрис) приводится на основании данных из собственного сборника Марджани.)

минал: «Мой младший брат был намного шустрее меня, поэтому он лучше усваивал уроки, но вместе с тем и забывал их быстрее. Я же обучался намного медленнее. Но если я вникал во что-то, то я уж точно никогда этого не забывал».

В книге «Вафиййат ал-аслаф» Марджани так описывает один случай, произошедший у него с его дедом Габдуннасиром во время обучения морфологии: «Когда я ещё был маленьким, дедушка Габдуннасир зашёл ко мне в комнату и поинтересовался, что я читаю. Я ответил, что морфологию. Тогда мои братья стали мне знаками показывать, чтобы я вышел из комнаты, считая, что я не смогу ответить на вопросы деда и опозорюсь. Но я не вышел. Дед задал мне 5–6 вопросов по морфологии. На каждый из вопросов я отвечал без малейшей запинки. Но ответа на последний его вопрос я не знал. Однако, подумав, я предположил, каким может быть ответ и сказал: «Должно быть, это будет так». После дедушка ушёл.

Когда пришёл отец, я рассказал ему случай, приключившийся у меня с дедом. Когда я сказал, что на последний вопрос я ответил лишь приблизительно, и не знаю, верным ли был ответ, папа сказал: «Ты на все вопросы ответил правильно».

Марджани стал изучать арабскую морфологию в 9-10 лет. Из этой ситуации видно, что мальчик с детства пытался понять, а не вы зубрить уроки, и при необходимости мог размышлять логически. То, что ответ, данный им лишь на ос-

нове догадки, оказался верным, говорит о высокой степени внимательности и способности сравнивать, а также о том, что мальчик мог мыслить самостоятельно, не опираясь только на учебники.

Мы довольно часто встречаем учеников, показывающих успехи и хорошо знающих предмет, но не размышляющих самостоятельно, которые, привязавшись к учебникам, так и не смогли совершить какие-то великие дела. Марджани же смог избавиться от этой напасти.

В то время как Марджани проявлял такие старания в учёбе, у него было также много дел, отрывающих его от получения знаний. Так как он был самым старшим из детей, на него возлагались многочисленные обязанности по дому и уход за младшими братьями. То самое лучшее время, когда дети, отправляясь в медресе, с желанием и усердием занимаются уроками, Марджани проводил в мелких домашних делах. Часто ему удавалось посетить медресе лишь поздно вечером, когда дети ложились спать, а домашние дела были завершены. Естественно, сказывалось и то, что родная мать мальчика умерла, и он воспитывался многодетной мачехой.

Вспоминая детство, Марджани и сам рассказывал, что, будучи занятым домашними хлопотами и присмотром за младшими братьями, он не мог найти времени на уроки. Было довольно сложно получить у молодой мачехи разрешение отлучиться из дома, и он, пугаясь, один шёл в медресе посреди ночи. Иногда на его пути попадались и уличные псы, кото-

рых он очень боялся.

Время от времени между Марджани и его молодой мачехой случались разногласия, и когда их разнимал отец, мальчик частенько оказывался виноватым и бывал наказанным.

Однажды своим ученикам в медресе Марджани сказал: «Если у вас будут дети, старайтесь воспитывать их без побоев. Если же бить всё же необходимо, не бейте по голове и плечам. Удар по голове вреден для мозга, он ухудшает память и смекалку. В детстве отец, бывало, ударял меня по голове. Поэтому я получил некоторые увечья, ухудшилась память».

В последние годы своей жизни Марджани писал, что в его сиротстве и воспитании мачехой была и некая польза: «Даже если в детстве мне не довелось купаться в доброте и ласке родителей, это я считаю великим благом, дарованным мне Аллахом. Мне всегда приходилось самому заботиться о себе, прикладывать больше усилий.

Среди моих знакомых были люди, действующие, во многом опираясь на родительское плечо. Но они не смогли добиться совершенства. Я тоже мог вырасти, похожим на них. В каждой поступке Аллаха есть своя мудрость. И когда я задумываюсь обо всём этом, я благодарю Аллаха»¹⁵.

Окончив изучение морфологии и синтаксиса у своих учителей, Марджани приступил к получению знаний у своего

¹⁵ Эти слова передал Бахтияри Муртаза Ибрахим, глубоко уважающий Марджани.

отца.

Исламское право он изучал по книгам «Мухтасар ал-викайя», «Шарх ал-викайя», калам – по «Шарх ал-‘акаид ан-насафийя», логику – по «Шамсийя», а законы – по «Тадух» и «Талвих». Так как в то время в медресе не преподавались тафсир, хадисы, красноречие, история, математика и естествознание, 10–15 лет учёбы учеников сводились к чтению 5–10 книг и ознакомлению с отдельными источниками, более подробно толкующими смысл этих книг (шарх и хашийя). Ученики посещали лишь по одному уроку в день, не было обычая проводить 4–5 уроков.

Так как Марджани также обучался в медресе этим предметам, если бы он удовлетворился только этими знаниями, он, подобно своим сверстникам, вырос бы молодым человеком с ограниченным мировоззрением и взглядами. Но Марджани уже в детстве выказывал недовольство таким образованием, хотел знать обо всём, [ища нужные сведения] перепутывал все записи и книги на столе отца. За это ему частенько попадало от родителя.

Марджани старался прочитать и понять арабские книги, хранившиеся в библиотеке отца и деда, поэтому довольно много времени проводил за чтением.

Из-за отсутствия в то время определённого порядка в обучении чтению арабских текстов, понимание учениками арабских книг достигалось больше их собственными усилиями, нежели знаниями их учителей. Поэтому для понимания та-

ких произведений Марджани был вынужден прилагать усилия сам. Морфологии и синтаксиса было недостаточно: словарный запас был ограничен. Поэтому Марджани приходилось немало помучиться, чтобы понять сложные тексты.

Марджани так рассказывал своим ученикам о том, как он в детстве изучал арабский язык: «Несмотря на то что я плохо знал арабский и прочёл мало книг на этом языке, я старался прочитать те книги, которые ещё не читал, вникая в их смысл. Я получал наслаждение от этого. Прочтение каждой арабской книги для меня было большим достижением. Часто одно и то же я прочитывал четыре раза. При первом чтении я не понимал ничего, лишь голова начинала болеть. При второй попытке я понимал смысл некоторых предложений, а с третьего раза вникал в большую часть текста. И лишь при четвёртом прочтении я понимал цели, которые преследовал автор, и приступал к чтению следующей книги»¹⁶.

Прикладывая такие усилия, Марджани научился понимать арабские книги и стал получать наслаждение от знания. Он прочёл много книг, которые его одноклассники и не видели, и поэтому был образованнее и осведомлённее их.

Уже тогда Марджани нравилось изучать историю и биографии выдающихся людей, ему было интересно узнавать

¹⁶ Эти слова я слышал от своих учителей в медресе. В юности, когда мы жаловались, что нельзя понять книгу на арабском языке, учителя учили нас: «Используйте способ Марджани, тогда поймёте. Оказывается, он делал так». В это время ученики обучались арабскому языку не по специальным книгам или литературным произведениям, а по религиозным книгам.

информацию об авторах прочитанных им книг. Об этом его брат мулла Габдулгазиз ибн Габдуннасир ('Абд ал-'Азиз ибн 'Абд ан-Насир) пишет следующее: «В детстве Марджани легко давалась история и биографии. Когда он изучал морфологию и синтаксис, придя в деревню Ашит, интересовался у своего деда Габдуннасир авторами книг, спрашивал их имена, где и когда они родились, какими людьми были, хотел знать их биографию»¹⁷.

Кроме того, что Марджани с юности читал много книг, он старался повышать свой уровень знаний. В спорных вопросах Марджани всегда обращался за советом к отцу и деду, во всём старался действовать, основываясь на доказательствах, исследовал философию вопросов шариата. В некоторых вопросах он не удовлетворялся ответом отца и деда, между ними возникали разногласия. Но острый ум, внимательность и настойчивость Марджани приводили его к совсем неожиданным открытиям.

В своей книге «Вафиййат ал-аслаф» Марджани так описывает случай с одним вопросом по фикху, произошедший между ним и его дедом Субханом, когда мальчику было лет 14–15. Марджани спросил у деда: «Коран можно читать без омовения, но держать книгу без омовения нельзя. В чём смысл этого?» Дед Субхан ответил: «Руки оскверняются, а рот – нет». Не удовлетворившись ответом деда, Марджани обратился с этим же вопросом к отцу. Тогда отец, рассер-

¹⁷ Это я выписал из сборника муллы Кашшафа Тарджемани.

дившись, сказал Марджани: «Разве тебе не достаточно ответа деда? У него знаний не меньше, чем у других».

Как видим, уже в этом возрасте Марджани не проигрывал никому: он был стоек и серьёзен в своём мнении, и чтобы удовлетворить его, надо было отвечать на вопросы, лишь глубоко обдумав их. Возможно, ответ отца так же не удовлетворил Марджани, как и ответ деда.

Один из учеников Марджани мулла Хабибуннаджар ибн Габдулкъафи ал-Уфауи ал-Утаки (Хабиб ан-Наджар ибн ‘Абд ал-Кафи ал-Уфави ал-Утаки) так пишет в своём личном письме: «Когда у Марджани стало развиваться мышление, и он стал читать множество книг, он перестал воспринимать каждое написанное слово как истину, и стал сравнивать и критиковать мнения различных авторов (я не запомнил, какого случая конкретно это касалось). Однажды он сравнил мнения автора книги «Дурар» и Садр аш-шари‘а, привёл доказательства и сказал отцу, что истина описана в книге «Дурар». На что отец сказал: «Сравнение взглядов авторов – не твоё дело».

Марджани и после этого продолжил критиковать и размышлять, читал много книг и уделял большое внимание нахождению истины. С юности он внимательно относился к каждому вопросу, сравнивая его с другими».

Как видно, критическое мышление очень рано развилось у Марджани, и в свои 19–20 лет он давал оценку не только

взглядам простых мулл, но и мыслям известных авторов.

* * *

Всё написанное выше касалось обучения Марджани в своей деревне. Сейчас же стоит сказать несколько слов о том, что уже в деревне он занимался написанием произведений.

Из-за своего усердия, таланта, любви к знаниям Марджани быстро приковал к себе внимание шакирдов и учителей в медресе, уже в юности он прославился своим уровнем знаний и в 17 лет начал преподавать в медресе отца.

Начав обучать в медресе, он стал задумываться о предмете, который преподавал, критично относился к урокам, выявлял недостатки в методах образования и отрекался от тех, которые противоречили здравому смыслу. Он также нашёл нужным изменить метод преподавания некоторых предметов, поведав об этом своему отцу. Не встретив возражений, Марджани ещё больше утвердился в своих взглядах и принял решение обучать некоторым предметам так, как посчитает нужным сам.

Прежде всего в преподавании внимание Марджани привлекла морфология, изложенная на персидском. Он волновался, когда ученикам приходилось осваивать правила арабского языка на основе персидских учебников, путаться между этими двумя языками. Он счёл нужным внести изменения и стал обучать детей на основе учебников, написанных им са-

мим. Его младший брат Садрутдин так пишет об этом: «Марджани с детства задумывался над всем. Прежде чем приступить к какому-либо делу, он внимательно продумывал его, прокручивал у себя в голове. Поэтому ему было присуще не только не признавать, но и вносить изменения в то, что было распространено в те годы. Например, ему было 17 лет, когда он учился и начал обучать других в медресе нашего отца Бахаутдина.

Ему не нравились учебники арабской морфологии и синтаксиса тех времён, поэтому обучал этим предметам по-своему. Много лет у меня хранилась его книга по морфологии арабского языка, по которой он преподавал. Не знаю, куда она делась сейчас. Кроме этого он также написал довольно объёмную книгу для детей о видах поклонения, в которой приводились и разные дуа».

В нашей беседе с сыном Марджани Бурханутдин-хазратом он так обмолвился о том, что совершил его отец в медресе: «Когда он жил в деревне, Марджани не нравились книги по вероубеждению и поклонению, на основе которых шло обучение детей. Поэтому он намерился написать более простые и полезные учебники. Марджани даже однажды попытался осуществить эту идею до отъезда в Бухару. Сам он так писал об этом: «В молодости для некоторых старушек Ташкичу я написал маленькую брошюрку на нашем языке, посвящённую вероубеждению и поклонению. Но позже, когда я сам же захотел ознакомиться со своим трудом и методом написания,

к сожалению, не смог найти эту книжечку»¹⁸. Такое желание было у Марджани до отъезда в Бухару, когда же он вернулся оттуда, то, будучи занятым написанием больших книг по исламскому праву, вероубеждению, истории, по всей видимости, он не мог найти возможности заниматься написанием школьных учебников. Поэтому он забыл об этом вопросе и по приезде из Бухары уже не занимался им.

В личном письме муллы Хабибуннаджар пишет: «В 12–13 лет Марджани написал брошюру о намазе на родном языке. Ныне покойный сын Марджани Махмуд приносил её в медресе и показывал нам, называя «юношеским трудом отца». Мы прочли брошюру, но нам и в голову не пришло переписать её. Если бы мы сделали это, сегодня мы были бы в выигрыше. То, что Марджани с детства был склонен к чуждому в ту эпоху творчества, говорит о наличии в нём таланта и известной смелости».

Точно не известно, говорили ли Бурхан-хазрат и Хабибуннаджар-хазрат об одной и той же или разных брошюрах.

Здесь стоит обратить внимание не на учебник по морфологии и книгу «Илм ал-хал», и даже не на их значение. Конечно, в последнее время написано множество книг, в несколько раз превосходящих по качеству учебники Марджани. Внимания заслуживает тот факт, что во времена,

¹⁸ Родственник Марджани по материнской линии мелла Сибгатулла ибн Фазиль ал-Кимуви рассказал об этом: «Марджани написал эту брошюру для моей матери и для Айши – сестры матери самого Марджани. В детстве и мне довелось учиться по ней».

когда ещё не издавались газеты и журналы, а в народе не проснулась мысль о необходимости реформ, 17-18-летний деревенский шакирд понял, что следует изменить метод преподавания арабского языка, нашёл в себе силы для начинающих в этой области и сделал свои первые шаги.

Пусть это не выглядело большим делом во времена, когда народ уже начал просвещаться, но то, что за это дело взялся деревенский шакирд, ни разу не покидавший свою деревню и не видевший мира, не осведомлённый о науке, о жизни в целом, о прогрессе других народов, является чрезвычайным поступком и говорит о таланте и выдающихся способностях Марджани.

Откуда пришли к Марджани мысли о реформаторстве и почему? Произошло ли это под влиянием родительского воспитания и окружающей среды? Или под воздействием своих мыслей и полученных знаний? Из-за наличия в библиотеке деда книг, способных расширить кругозор Марджани? На этот вопрос мы до сих пор не знаем ответа.

* * *

Садрутдин-хазрат так пишет о характере Марджани до его путешествия в Бухару: «Марджани с детства имел пристрастия к знаниям, самое важное из услышанного он записывал в отдельную тетрадь. Уже в то время свои записи он старался вести на арабском языке. Однажды отец рассказывал

нам длинные истории, восхваляя Бухару. Так Марджани и его слова записал на арабском языке. Уже тогда он любил исследовать старинные вещи. Он прочитал могильные камни близ нашей деревни, а надпись на небольшом камне, установленном на могиле матери, сделал сам.

В деревне он вёл себя как большой учёный, высказывался, лишь хорошо подумав, любил ходить величаво, как хазраты. В присутствии отца и других взрослых он любил разговаривать на темы религиозных знаний, превращая обычную беседу в столкновение взглядов, старался из всего получить новые сведения.

Он любил постигать истину всего, любил величавость и совершенство, всегда хотел быть выше всех и первым во всех вопросах. Стремился к самосовершенствованию, много времени отводил чтению книг, был малообщителен. Несмотря на то что на деревенских Сабантуях он участвовал в соревнованиях, он никогда не ходил с толпой молодых людей. Боролся на Сабантуях он также только для доказательства своего превосходства. Поэтому он предпочитал бороться не со слабыми проигравшими борцами, а с сильными батырами, победившими остальных».

Путешествие в Бухару. Дорожные воспоминания. Троицк. Торговые дела Марджани

Закончив образование в медресе отца, прочитав в течение 3–4 лет множество книг из его библиотеки, Марджани выделялся знаниями среди своих сверстников и одноклассников. И лишь ему самому этих знаний казалось недостаточным, он хотел поехать куда-либо, чтоб совершенствовать их. Похвала отца в адрес Бухары и тамошних алимов пробудила в Марджани любовь к этому городу, желание посетить его, и он стал просить разрешение у отца на это. Однажды Марджани так высказался о том времени: «В последнее время для меня стало невозможным углублять знания в родной деревне. Я устал от деревенской жизни. Во мне было велико желание присутствовать на уроках великих учёных Бухары, со спокойной душой получать там образование, знакомиться с трудами больших учёных, хранившихся в различных библиотеках».

После этого было принято решение ехать в Бухару и 4 раби ал-аввала 1254 х. / 17 мая 1838 г. 21-летний Марджани отправляется в путь. Как видно из его записей в личном дневнике, кроме дорожных принадлежностей и одежды, отец дал ему в дорогу следующие книги: «ал-Мусхаф аш-шариф», «Шарх ал-‘акида ал-‘адудиййа», «Мулла Джалал»,

«Таудих ва талвих», «Джами‘ ар-румуз»¹⁹, «Шарх аш-Шамсиййа», «Хашийа Саййиди шариф», «Шарх ‘акида ан-Насафи», «Хашийа Мулла Ахмад», «Мулла ‘Абд ал-Хаким ва Мулла Хаййали», «Суллам ал-‘улум», «Шарх ал-викайа» и «Маса‘ил ал-мухимма».

В то время были хорошо развиты связи, в том числе и торговые, с Мавераннахром, между Казанью и Бухарой ходили караваны, торговцы постоянно ездили туда и обратно. Именно они возили с собой шакирдов и мулл, отправляющихся в Бухару, или же посылки от них. Марджани тоже пришлось путешествовать в Бухару с возом торговца Мухтара ибн Мухаррама из деревни Менгер. Как оказалось, до этого дня Марджани никуда не уезжал и не видел ничего, кроме ближайших деревень, даже ни разу не был в Казани. Поэтому это первое путешествие, первое расставание с родителями и родной деревней для обладающего тонкой природой Марджани было очень тяжёлым и сильно подействовало на него.

Со слов Марджани наш уважаемый учитель дамелла Галимджан ал-Баруди так рассказывал об этом путешествии: «Запрягши пару лошадей, отец до самого Менгера провожал меня во время моего отъезда в Бухару. Одна из этих лошадей была молодой кобылой, не привыкшей к упряжи.

¹⁹ Я слышал, что Марджани не держал в доме книгу «Джами ар-румуз». Видимо, такие слухи распространились из-за того, что Марджани считал более важным мнение таких учёных, как Ибн ал-Хумам, и мало упоминал в своей речи «Джами ар-румуз», содержащую много недостоверных историй. Мы всё-таки видели в библиотеке Марджани несколько экземпляров «Джами‘ ар-румуз».

Она то и дело показывала свой характер и не слушалась, чем довольно извела нас в пути. Из-за того что дядя Мухтар не успел закончить дела, мне пришлось переночевать в Менгере один день. Отец решил оставить меня и вернуться в Ташкичу. Так как до этого дня я никуда не выезжал, мне было сложно расстаться с отцом, проводить его в Ташкичу. Хотя мне хотелось разрыдаться, я постеснялся открыто показывать это. Чтобы скрыть свои слёзы от отца, я сделал вид, что переживаю, как он вернётся обратно на этой молодой лошади, как бы она в дороге не натворила чего-нибудь, притворился, будто именно это заставляет меня плакать». Ещё одному человеку Марджани сказал: «После отъезда отца мою голову посещали разные мысли. Я очень расчувствовался. Я зашёл в менгерскую мечеть и, плача, прочитал два ракаата намаза и совершил дуа».

Во время путешествия Марджани в Бухару не было железных дорог, пароходов, поэтому часть пути приходилось проходить на лошадях или верблюдах.

Выйдя в путь, Марджани впервые услышал обо всех тех деревнях и городах, лежащих на их пути, и увидел их. Он проявлял старания получить как можно больше информации о них. В то время у татар не было географических карт и путеводителей, из-за чего Марджани обо всех населённых пунктах приходилось узнавать от тех, с кем он ехал.

Марджани посчитал нужным записывать самые важные моменты из всего услышанного и увиденного, и в своих бу-

магах, которые были для него дневником, он пишет: «Некоторые сведения о тех местах, которые я увидел и услышал во время моего путешествия в Бухару, записаны здесь...» В этих записях зафиксированы все города, деревни и места остановок – станции, которые встретились ему на пути от Ташкичу до Бухары. Всего их более 150, среди которых есть Кукмор, Елабуга, Челны, Троицк, Тургай, Ак-Мечеть, Сырдарья и множество кишлаков и станиц казахов.

В библиотеке Марджани мы нашли лишь эти записи, касающиеся путешествия в Бухару. Кроме этого мы слышали про существование двух-трёх тетрадей путевых заметок о путешествии в Бухару, в которых описывались его встречи и общение с людьми, его мысли и воспоминания в пути, знакомства с казахами и киргизами, некоторые события, происшедшие по дороге в Бухару. Но даже после долгих поисков нам не суждено было найти эти записи. В той части библиотеки, которую нам довелось увидеть, их не было.

* * *

Не известно ни одного важного воспоминания Марджани о пути из деревни в Троицк. Из-за того что в Троицке он не мог найти спутников, так как было не такое время, когда ходили караваны, Марджани прожил в Троицке несколько

месяцев²⁰. При этом он побывал на всевозможных встречах, увидел алимов и смог поучаствовать в дискуссиях и беседах на темы религиозных наук.

Однажды Марджани так высказался об этих беседах в Троицке: «В Троицке мне повстречался один учёный муэдзин²¹. Так как этот муэдзин прочитал множество книг Абд-н-Насир Курсави, он симпатизировал ему. Однажды, когда разговор коснулся вопросов вероубеждения, этот муэдзин припомнил слова Курсави и похвалил его. Я же не согласился с ним и в ответ сказал, что некоторые взгляды Курсави противоречат взглядам ахл ас-сунны ва-л-джама‘а. Курсави спасся бегством из Бухары, когда эмир Хайдар приказал убить его, потому что его слова не соответствовали шариату. Мы довольно долго спорили с муэдзином по этому поводу. Пусть он будет вознаграждён Аллахом. Насколько же он был прав, и как же ошибался я. Первые слова, заставившие меня обратить внимание на Курсави, я услышал от этого муэдзина».

Должно быть, когда Марджани был в Троицке, он был хорошо принят одним человеком из Ташкичу, потому что уже в пожилом возрасте, приехав в Троицк, Марджани стал рас-

²⁰ В «Мустафад ал-ахбар» он пишет, что в течение четырёх месяцев снимал квартиру в Троицке. – Т. 2. – С. 357.

²¹ Оказавшись в 1331 г. в Троицке и встретив там двух имамов лет 80, я поинтересовался у них об этом муэдзине. Они ответили мне: «Нам не известно, что в то время жил такой учёный муэдзин, возможно, это был путник, приехавший откуда-нибудь».

прашивать: «Как здоровье у этого человека? В своё время он был очень добр к нам. Если он жив, я навещу его, если нет – его могилу»²².

Когда Марджани жил в Троицке, его голову посетила новая мысль. И, поехав в Бухару, он начал размышлять о своей жизни и будущем.

Так как отец Марджани был муллой среднего достатка, тех денег, что он дал сыну для поездки в Бухару, не хватало для пропитания и аренды комнаты. Поэтому Марджани стал решать эту проблему и размышлять, как бы заработать денег.

Про это Садрутдин пишет следующее: «Марджани с детства задумывался о будущем. Поэтому по дороге в Бухару на имеющиеся деньги в Троицке он купил сундук, красиво украшенные коробки, и продавал их в дороге и в Бухаре. Довольно хорошо заработав на этом, он смог на свои деньги снять комнату в Бухаре».

Из Троицка до Бухары Марджани ехал на верблюде, по пути он видел киргизские и казахские деревни. Он сам рассказывал, что верхом на верблюде читал книги, и что «Акида ан-Насафи» он выучил именно тогда. От разных людей мы слышали, что в дороге Марджани всегда читал книги и до последних дней жизни не выходил в дорогу без книг. Люди, преданные знаниям, знающие цену жизни бывают именно такими.

²² Эти слова я слышал в Троицке. Только вот имя этого человека не осталось в моей памяти.

Когда он остановился в киргизской деревне, то был гостем у одного киргиза. Хозяин дома, узнав, что Марджани – учёный, попросил его прочитать суру «Табарак». Когда же Марджани прочитал «Йасин», киргиз похвалил его, сказав: «Этот молодой ногаец действительно образован, он знает даже «Йасин».

Так как спутники Марджани – торговцы – останавливались на три-четыре дня в киргизских деревнях торговать и запастись товаром, а где-то – даже на неделю, из Троицка в Бухару они ехали три месяца. Марджани довольно много раз слышал киргизский диалект. Иногда на собраниях, рассказывая истории про них, он и сам разговаривал на киргизском.

Должно быть, уже тогда Марджани обращал внимание на луну и исчисление по ней начала поста, потому что в одной из своих записей отмечает: «Вошли в месяц рамадан на один день раньше. Мы тоже в этот день постились».

Выехав из Ташкичу и проведя в дороге семь месяцев, 6 шаввала 1254 х. / 12 декабря 1838 г. Марджани прибыл в Бухару.

Обустройство жизни в Бухаре. Учителя. Отношение к порядкам в Бухаре. Получение образования. Жизнь в Бухаре

По приезде в Бухару Марджани надо было обосноваться

в одном из медресе и снять себе комнату. Несмотря на то что медресе и комнаты в Бухаре были имуществом, завещанным на благотворительные цели, т. е. вукуфными, шакирдам их всё-таки сдавали за деньги. Так как комнаты приносили и некоторую прибыль, шакирды, приехавшие издалека, старались найти комнату даже на последние деньги. Марджани также нашёл себе самую дешёвую комнату в медресе ишана халифа Ниязкули²³, которая обошлась ему в 35 рублей.

Потом он начал получать уроки у одного из старейших и заслуженных учителей Бухары дамеллы Мирза-Салих А‘лам ибн Надир-Мухаммад ибн ‘Абд Аллах ал-Фиргани ал-Худжанди. Дамелла Мирза-Салих вскоре скончался, а Марджани с пользой для себя продолжал получать образование у других уважаемых преподавателей Бухары.

В этом месте мы вкратце приведём биографии учителей Марджани в Бухаре²⁴.

1. Дамелла Мирза-Салих А‘лам. Одно время был кади (судьёй) в Бухаре. Большую часть времени посвятил преподаванию. Достиг самого высшего из званий, даваемых учё-

²³ Это медресе построил халифа Ниязкули ибн Шахнияз ибн Балта ат-Туркмени, известный среди шейхов как имам Туркмени. Этот ишан Туркмени был учителем и защитником Абу-н-Насира ал-Курсави. Также он был одним из самых почитаемых людей в Бухаре. После его смерти во время погребального (джаназа) намаза эмир Бухары Амир Хайдар сказал: «В Бухаре было два эмира. Теперь остался лишь один». Халифа Ниязкули умер в 1236 х./1821 г.

²⁴ Некоторые из биографий учителей Марджани были записаны со слов старых учителей Бухары, большинство же – из книги Марджани «Вафийят ал-аслаф».

ным – А‘лам (научённейший). Прожил долгую жизнь, был учителем и Марджани, и его отца Бахаутдина. Умер в 1256 х./1840 г. в возрасте 80 лет.

2. Дамелла Мухаммад ибн Сафар ал-Худжанди. В своё время был одним из уважаемых учителей Бухары, имел тесные отношения и с эмирами. Среди народа был известен как Хаджи-бай, а позже Амиром Хайдаром был наречён Мухаммадом. Про него Марджани пишет так: «Он был умным, острым на язык, в его одежде присутствовала церемонность. Намаз совершал с большой внимательностью и точностью, в вопросах вероубеждения хорошо понимал слова известных учёных. Однажды его отношения с эмиром испортились, ему запретили преподавать, из-за чего он испытал много лишений». Марджани очень любил этого учителя и никогда не пропускал его уроки по разным предметам. Умер Дамелла Мухаммад в 1267 х./1850 г.

3. Дамелла Фадил ибн ‘Ашур ал-‘Идждувани. Преподавал исламское право (фикх) и основы права (усул ал-фикх) во многих медресе Бухары, большую часть жизни посвятил науке и преподаванию. Был человеком, лишённым всяческой деланности и вычурности, довольным всем. Был силён в своей области и никогда не вмешивался в дела других. Умер в 1271 х./1855 г.

4. Дамелла ‘Абд ал-Му‘мин-Худжа ибн Узбек-Худжа ал-Бухари ал-Афшанджи. Долгое время преподавал в медресе Бухары и достиг наивысшей учёной степени – а‘лам (учёней-

ший). Более увлекался чтением произведений учёных прошлого, поддерживал взгляды и цели Абу-н-Насира ал-Курсави. Этот человек несколько критично относился к методам преподавания в Бухаре, и в этом Марджани был согласен с ним. Умер в 1273 х./1866 г. в возрасте 85 лет.

5. Дамелла Худайбирди ибн ‘Абд Аллах ал-Байсуни. В своё время в Бухаре не было учителей, равных ему по количеству совершённых путешествий. Он встречался с мусульманами Индии, Мекки и Медины, Стамбула и России. Из своих странствий привёз множество красивых и дорогих книг. Всю свою жизнь посвятил преподаванию в медресе Бухары, ни разу не женился и жил в одиночестве. Умер в 1264 х./1848 г.

6. Дамелла Баба-Рафи’ аль-Худжанди. Происходил из богатой бухарской семьи, преподавал в медресе «Мир-Араб». Его сыновья также были учителями. Должно быть, Марджани обучался у него, когда жил в медресе «Мир-Араб», потому что этот человек не был выдающимся учителем. Умер в 1285 х./ 1868 г.

7. Кади Мухаммад-Шариф ибн ‘Ата Алла аль-Бухари. Закончил одно из выдающихся высших учебных заведений Бухары, преподавал в медресе и был кади в Бухаре. О нём Марджани говорит: «Хотя он был и слаб в религиозных делах, но собрал целую библиотеку художественной литературы, читал труды учёных прошлого и шейхов-суфиев. Очень любил знания, без усталости работал на стезе преподавания, любил до-

биваться истины». Умер в 1260 х./1844 г.

Несмотря на то что вышеперечисленные учителя Марджани преподавали в разных медресе, шакирды Бухары были вольны сами выбирать себе наставников, поэтому и Марджани посещал уроки различных преподавателей в различных медресе.

То ли из-за того, что Марджани посчитал, что недостаточно хорошо усвоил знания, полученные в медресе родной деревни, то ли из-за того, что больше доверял учителям медресе и хотел получить больше пользы от их уроков, то ли по совету отца – причина точно не ясна, но Марджани начал повторно изучать то, чему один раз уже обучался в медресе на родине. По приезде в Бухару своё обучение он начал с книги «Шарх ‘акида-ан-Насафи».

По нашим сведениям, в первые годы Марджани искренне посвятил себя учению, изучал предметы с усердием и твёрдостью. По правилам, заведённым в Бухаре, хорошо изучал комментарии и примечания, прилежно выполнял уроки, хорошо работал и отвечал на занятиях и числился среди лучших учащихся. В то время, когда другие шакирды пересказывали толкования и примечания, Марджани высказывал личные взгляды и мысли, чем привлекал внимание своих преподавателей. Присмотревшись, что Марджани был сообразителен и талантлив, через год преподаватели стали советовать некоторым своим ученикам обучаться у Марджани, а через два-три года и вовсе рекомендовали брать индивиду-

альные уроки у Марджани. Марджани, таким образом, некоторое время посещал уроки и получил сведения о порядках в Бухаре, но при этом остался недоволен методами их преподавания. Марджани, который поехал в Бухару с целью получить знания и стать совершенным во всех отношениях человеком, считал нецелесообразным посвятить жизнь чтению комментариев, примечаний, бесполезным спорам по логике и каламу, не приветствовал чтение лишь вводной части и пролога всех книг. Он очень удивлялся и огорчался тому, что в медресе, в которых религиозные предметы должны преподаваться в первую очередь, не обучали Корану, хадисам и арабской литературе.

Здесь уместно привести высказывание Марджани о методах преподавания в Бухаре из «Мукаддимат вафиййат ал-аслаф». Марджани пишет: «Несмотря на то что наш народ в вопросах преподавания ориентируется на Бухару и с почтением называет её Благородной Бухарой (Бухараи шариф), народ и правители Бухары очень далеки от просвещения. Управление здесь испорчено, а методы преподавания беспорядочны.

Синтаксис здесь изучают по книгам «Кафиййа» и «Шарх мулла Джами», посвящая этому три года. Да и читают не по порядку, а от конца книги к её началу. Особенно важные места вовсе пропускают. После этого по предмету логика читают несколько первых строчек книги «Шамсиййа», а следующие два года подробно изучают примечания и коммента-

рии к прочитанному. Следующие три года посвящают чтению книги «‘Акида ан-Насафи» со всеми её комментариями и примечаниями. После этого по логике начинают изучение книги «Тахзиб» со всеми толкованиями и примечаниями слов «ал-Хамд ли-Ллах», тратя на это год. Ещё два-три года проводят, споря о каких-либо высказываниях. Но какое отношение эти споры имеют к логике? Почему не преподают правила логики, которые являются целью изучения данного предмета? Почему не прочитывают книгу от начала до конца, а читают лишь вступительные части? В чём смысл всего этого? На эти вопросы мы не услышали ответы, которые можно постичь разумом.

Потом выборочно читают раздел, посвящённый теологии, из книги «Хикмат ал-‘айн» и три года тратят на чтение комментариев и примечаний. После этого они начинают читать книгу «Шарх ‘ал-акаид ‘адудиййа», известную как «Мулла Джалал» и четыре года посвящают чтению бесполезных, слабо понятных, бессмысленных примечаний.

После этого читают некоторые места из «Таудих», по хадисоведению – несколько хадисов или глав из книги «Мишкат ал-масабих», по тафсиру – тафсир нескольких сур из «Тафсир ал-Байдави». Изучение каждого из этих важнейших предметов заканчивают меньше чем за один год.

Получив в Бухаре, таким образом, образование, ученики остаются неосведомлёнными в области правил изученных предметов, важнейших наук и книг.

Были те, кто кроме книг, перечисленных выше, по исламскому праву изучал такие книги, как «Шарх ал-викайа», «ал-Хидайа», «ал-Фараид ас-сираджиййа», а по красноречию – «Талхис». Но так как эти книги не были включены в официальную программу, желающие изучали их лишь в библиотеках и на частных уроках. Из-за того что эти книги считались бесполезными, к ним не проявляли должного внимания.

Помимо названных, в Бухаре не преподают Коран, хадисы, основы исламского права, арабскую литературу, географию, историю, философию, астрономию, нет даже намёка на них. Эти предметы не считаются необходимыми. В Бухаре также мало искренне увлечённых этими науками.

Также множество из используемых в Бухаре книг по исламскому праву написано учёными последнего времени (ал-мутааххирун), не обладающими совершенными знаниями. В этих книгах много мест, приписываемых великим учёным, основателям мазхабов, но написанных без смысла, с коверканием языка. Так как учёные Бухары по большей части пользуются данными книгами, их информация ничем не обоснована, беспочвенна. Они бессильны в вопросах исламского права, не осведомлены должным образом в целях шариата».

У Марджани и кроме этого много критики по отношению к учёным Бухары. Будучи в Бухаре, он посвятил этой теме книгу «И‘лам абна’ ад-дахр би-ахвал ахл Мавераннахр».

Несмотря на то что Марджани пытался говорить с учите-

лями об изменении методов преподавания, это не дало результатов. Марджани рассказывал: «Будучи в Бухаре, я разговаривал с некоторыми своими преподавателями о существующих методах обучения. На что они мне только отвечали, что лишь говорить об этом легко, а вот изменить эти методы довольно сложно».

Должно быть, Марджани, будучи в Бухаре, не поднимал этот вопрос, как и Курсави, боясь притеснений по отношению к себе и возникновения смуты²⁵. Со слов ученика Марджани Сабаджай- муллы Мухйи ас-Сунна, брошюру, посвящённую Бухаре и её учёным, он передал одному из своих друзей и просил распространить её после своей смерти.

Несмотря на то что критика Марджани Бухары не подействовала на жителей Бухары, она оказала влияние на татар²⁶.

²⁵ Будучи в Бухаре, Курсави написал книги, в которых поведал о своём мнении в вопросах вероубеждения учёных калама и других наук прошлого. Народ Бухары же ополчился против него, его обвинили в неверии. Было запрещено использовать его книги. Соседи Курсави, называвшиеся учёными, подняли смуту, призвав народ убить Курсави. Когда этот вопрос принял глобальные масштабы, им заинтересовался и эмир. Курсави спасся лишь бегством. Эта история подробно изложена в книгах «Асар», «Мустафад ал-ахбар», «Вафиййат ал-аслаф». Курсави умер в 1227 х./1812 г.

²⁶ То, что Марджани тогда написал про Бухару, вызвало большой резонанс в Казани и её окрестностях. Марджани был раскритикован многими людьми за то, что посмел высказаться отрицательно про Бухару, её учёных и преподавателей. Мы и сами видели несколько протестов, написанных против него. Среди них есть и послание (рисаля), написанное имамом Казани муллой Мухаммад-Шакир ибн Габдельджаббаром на арабском языке, который уважал Марджани и при этом лю-

Когда работы Марджани распространились, и народ узнал о методах преподавания, заведённых в Бухаре, люди приняли решение получать образование в других странах, начали ездить в Стамбул и Египет.

Людам, которые приходили к Марджани за советом, он говорил так: «Несмотря на то что в Бухаре получают знания, читая всевозможные толкования и примечания, знания учеников Бухары очень скудны. В Стамбуле и Египте на знания обращают большее внимание, ученики там более образованны, поэтому и сына Бурханутдина я отправил в Стамбул». Нам известно, что 10 шакирдов Марджани обучались в Стамбуле и Египте.

* * *

Из-за того что Марджани не был доволен знаниями, получаемыми на уроках, он стал подумывать о том, чтобы проводить больше времени в библиотеках Бухары, изучая ценные произведения и занимаясь исследовательской работой²⁷. И

бил Бухару. Поведав об авторитете Бухары, перечислив её медресе и учёных, получивших образование там, Шакир-хазрат старается преподнести в положительном свете тамошние порядки, перечисляет некоторые хорошие бухарские традиции. Но, стараясь расхвалить Бухару, приводит неуместные хадисы, чем сам же и роняет престиж своей книги. Данная брошюра называется «ал-Макала аз-захира фи ахвал ал-балда ал-фахира» («Прекрасная статья о делах великолепного города»).

²⁷ В библиотеках Бухары хранились очень редкие и ценные книги, и Марджани

после того как он начал снимать комнату в самом большом медресе Бухары – в медресе «Кугульдаш»²⁸, он стал больше времени посвящать чтению книг.

Как видно из состояния и развития Марджани, для людей, обладающих достаточным умом, чтобы понять книги, намного полезнее читать книги и заниматься изучением наук, прикладывая свои усилия, нежели учиться у учителей и преподавателей. Из тех, кто получает наслаждение от учёбы, поисков и исследований впоследствии вырастает намного больше людей, служащих знанию и наукам.

Марджани и своим ученикам советовал больше заниматься самообразованием, старался вызвать у них интерес к этому, показывал книги, которые необходимо прочитать, сам давал им интересные материалы. Как видно из книг, когда Марджани лестно отзывался о ком-либо, он непременно говорил: «Любит знания, искать и размышлять, читал много книг».

Будучи в Бухаре, Марджани в течение трёх-четырёх лет продолжал обучаться вероубеждению по книге «‘Акида ан-

немного пользовался ими. В то время, когда Марджани был там, из-за ошибочных мнений некоторых визирей и бездействия эмиров эти библиотеки подверглись бедствию. Об этом Марджани пишет пару слов в 1-м томе на стр. 192 книги «Мустафад аль-ахбар».

²⁸ Медресе «Кугульдаш» было самым большим в Бухаре, его глава (мударрис) так же считался самым главным и назначался самим эмиром. Медресе «Кугульдаш» было построено одним узбеком по имени Суфи Кул Баба в 976 х./1568 г.

Насафи», а логике по книге «Тахзиб», но при этом он не довольствовался уроками преподавателей. Судя по рукописям, хранившимся в библиотеке Марджани, он читал не только вводную часть книг, как остальные ученики, а прочитывал их до конца. Прочитав книги, он делал примечания и записывал свои мысли, пришедшие на ум во время чтения, фиксировал полезные цитаты из различных книг, старался собрать воедино заметки, касающиеся различных произведений. Марджани сам переписывал учебники, их толкования и примечания и в дальнейшем обучался по своим рукописям.

Все заметки Марджани в его книгах по вероубеждению и логике написаны на арабском языке. Несмотря на то что в ранних трудах арабский язык не был столь совершенен, этот недостаток был быстро устранён. Видно, что Марджани трудился над этим, изучал язык.

Всё, что мы говорили, касается знаний, получаемых Марджани в учебных заведениях, но помимо этого он также занимался самообразованием. Садрутдин-хазрат, бывший его спутником в Бухаре, рассказывал: «Марджани не был доволен уроками в учебных заведениях Бухары. Хотя он и посещал уроки преподавателей, он больше занимался самообразованием, сидя у себя в комнате. Большую пользу ему принесло общение с дамеллой Хусайном Каргали. Пусть этот человек и не был официально учителем, по своей натуре он был исследователем, обладал большими знаниями. Поэтому Марджани и любил его. Каргали находил для Марджани кни-

ги, которые были ему необходимы, в своей библиотеке или библиотеке его знакомых. Однажды Марджани захотел прочитать «Джами' ал-усул», так Каргали разыскал эту книгу в библиотеке самого эмира и принёс Марджани».

Так как влияние этого дамеллы Хусайна и польза от него для Марджани были довольно велики, мы посчитали нужным написать несколько слов о его биографии.

В книгах «Вафиййат ал-аслаф» и «Мустафад ал-ахбар» Марджани пишет: «Почерк Хусайн Мухаммад ибн 'Умара ал-Кармани (позже ал-Каргали) очень красив, он умеет писать различными почерками. Обычай, заведённые в Бухаре, и персидский язык знал намного лучше коренных жителей Бухары. Был пристрастен собирать книги, любил учиться. Имел дорогие и ценные книги по различным предметам и всё своё время посвящал чтению. Мы все довольно много пользовались его библиотекой. Он обладал обширными возможностями, имел хорошие отношения с эмиром. Декламировал стихи на арабском, персидском, турецком языках, был довольно хорошо осведомлён в области истории, астрономии и других наук. Пусть он официально и не был мударрисом в Бухаре, но был уважаем больше, чем многие учителя». Из его произведений могу назвать «Ма'акид ал-марджан», сокращённый трактат «Масанид ан-ну'ман» и «Мурсад ат-тасаниф иля улуф сунуф ат-тавалиф», написанный в жанре «Кашф аз-зунун». Умер 3 шаабана 1274 х. / 8 марта 1858 г. в Бухаре в возрасте 70 лет».

В течение 11 лет, проведённых в Бухаре, Марджани довольно много общался с дамеллой Хусайном, который был очень полезен ему. Каргали также хорошо знал историю, и Марджани с его слов записал много преданий, которые позже приводил в своих исторических книгах. В сборниках Марджани мы также увидели много исторической информации, переписанной из книг Хусайна. Марджани часто пользовался библиотекой, книгами и произведениями этого человека. Именно Хусайн впервые подал ему мысль написать книгу «Вафиййат ал-аслаф» и даже показал пути для этого²⁹. При этом он очень любил Марджани, возлагал на него большие надежды в области знаний. Также Хусайн помогал и с материальной стороны молодому человеку, имевшему скудные заработки. Кроме этого в последние годы своей жизни он даже задумывался о том, чтобы завещать Марджани свою библиотеку.

* * *

Марджани так старался на пути знаний, полностью отдавался учению и поискам из-за своей любви к знанию, из-за того, что получал огромное удовольствие от исследований. А ведь у Марджани и помимо этого было много проблем.

²⁹ Доступ к библиотеке дамеллы Хусайна, советы от него по написанию «Вафиййат ал-аслаф», а также книгу «Джами' ал-усул фи ахадис ар-расул» из библиотеки эмира Марджани получил уже после своего путешествия в Самарканд.

Так как отец Марджани не мог должным образом обеспечить сына, молодой человек довольно много времени тратил на то, чтоб заработать себе на пропитание. Были времена, когда он во многом нуждался. Вот что он однажды рассказал своим ученикам: «Будучи в Бухаре, я каждый день ходил на занятия за три-четыре километра, надев башмаки на босу ногу. Моя жизнь была примерно такой же. Мы жили на гроши. Бывали разные времена. Когда однажды в Бухаре я услышал, что казанские имамы зарабатывают 2 рубля в день, помню, я подумал, куда они девают столько денег. Лишь после того, как я сам стал имамом в Казани, понял размер здешних расходов. Каждый день я получаю 5 рублей, но и этого не хватает».

Для того чтобы показать насколько отец помогал Марджани, мы приводим пару строк из одного его письма сыну. Бахаутдин-хазрат писал: «С этим письмом я посылаю тебе два золотых и один зипун. Деньги экономь. Зипуном же пользуйся до осени, а когда похолодает – продай и потрать деньги на свои нужды».

Чтобы хоть как-то прокормить себя, спустя одну зиму после своего приезда в Бухару Марджани начал зарабатывать, весной занимаясь преподавательством, и во время своей учёбы жил на эти деньги. Марджани, таким образом, семь лет занимался с приходом весны преподавательской деятельностью в городе Каракуль.

Так как ученики Бухары в то время пользовались лишь

рукописными учебниками, были и такие студенты, что зарабатывали себе на жизнь, переписывая учебники. Бывало, и Марджани переписывал книги для других.

Через два-три года после приезда в Бухару Марджани начал давать частные уроки. По словам Садрутдин-хазрата, среди его учеников было много узбеков и туркменов. Были ученики, которые зимой следовали за Марджани из города Каракуль в Бухару и получали знания там. Среди таких шакирдов было много и тех, которые помогали Марджани.

Самых отзывчивых учеников Марджани упомянул и в книге «Вафиййат ал-аслаф». Должно быть, он сделал это в качестве благодарности за их труд и помощь. Марджани пишет: «Наср ад-дин ибн 'Ивад ал-Хаваризми ибн Нияз был очень хорошим парнем, выучил Коран, прочитал много книг по рецитации и правилам орфоэпического чтения (таджвид). Правильно рецитировал Книгу. При мне учился в Бухаре восемь лет, изучал морфологию и синтаксис. После этого прочёл «Тахзиб ал-мантик ва ал-калам», «Хикмат ал-'айн» и другие книги. Его отец был богатым человеком и оказал мне большую помощь в обучении, помогал многими вещами, в которых я нуждался. И его сын Насрад-дин искренне служил мне, выполнял мои просьбы. Этот шакирд умер 17 шаабана 1265 х. / 27 июля 1849 г. в возрасте 30 лет. Да будет доволен им и его родителями Аллах».

Когда Марджани обучал этого Насрад-дина морфологии, он написал для него книгу. А при обучении логике написал

для него толкование вводной части книги «Шамсиййа».

Так, зимой получая образование сам, а весной преподавая другим в Каракуле, Марджани провёл в Бухаре пять лет. А потом поехал в Самарканд.

Путешествие в Самарканд. Кади Абу Са'ид. Библиотека кади. Становление взглядов и утверждение принципов. Принятие Курсави. Повторное путешествие в Бухару

Проведя в Бухаре пять лет жизни, Марджани отправился в Самарканд, вторую в Туркестане после Бухары столицу знаний, и устроился в медресе под названием «Ширдар»³⁰. Позже он познакомился и наладил отношения с одним из образованнейших кади Самарканда Абу Са'ид-хазратом и начал давать частные уроки его детям по различным предметам. Этот кади также был преподавателем медресе «Ширдар», и Марджани посещал его занятия.

Путешествие в Самарканд сыграло важную роль в жизни Марджани, в его становлении тем Марджани, каким мы его знаем. Поэтому Самарканду мы посвятили отдельную, более подробную главу.

³⁰ «Ширдар» является одним из знаменитейших медресе Самарканда, оно было построено в 1028 х./1619 г. правителем города Ялангушем Бахадиром.

Про путешествие в Самарканд Садрутдин-хазрат пишет следующее: «Прожив пять лет в Бухаре, Марджани поехал в Самарканд, подобно тем шакирдам, что во время своих каникул подаются в туркменскую часть Бухары для заработка. Там он встретил кади Абу Са'ид-хазрата. Начал обучать его внуков. Увидев искреннюю любовь к знанию, кади собственноручно вручил Марджани древние дорогие и ценные книги из своей библиотеки, многие из которых тот даже переписал себе. «Книги и библиотека этого кади Абу Са'ида стали основными путеводителями для меня. Именно они вразумили меня и направили к правильным взглядам», – говорил сам Марджани».

Хабибуннаджар-хазрат так рассказывает о времяпровождении Марджани в Самарканде: «Марджани приехал в Самарканд и завязал хорошие отношения с кади Абу Са'идом, начал обучать его детей. Однажды он, взяв в руки книгу «Тахзиб ал-мантик ва ал-калам», вошёл к кади и спросил: «Что это за книга?» В ответ кади ему сказал: «Хотя на первой странице книги «Тахзиб ал-мантик» написано: «Глава о логике и каламе», я подумал, что эта книга о каламе, но до сегодняшнего дня я не встречал её. Дамелла, вы перепишите её для меня, займитесь этим в моей библиотеке. Там же вы сможете прочитать и необходимые вам книги». Марджани обещал выполнить его просьбу, сказав, что главной его целью было именно попасть в библиотеку. Когда через два дня Марджани вручил кади уже переписанный вариант «Тахзиб

ал-калам», Абу Са'ид разрешил ему пользоваться библиотекой столько, сколько понадобится, сказав: «Я думал, переписка книги займёт у вас неделю, а вы переписали её за два дня». Получив такое разрешение, Марджани с большим воодушевлением и любовью ринулся изучать книги кади, как голодный человек, нашедший для себя пищу.

Будучи в Бухаре, Марджани никак не мог согласиться и найти объяснение некоторым словам и мнениям авторов в вопросах вероубеждения. В этой же библиотеке он прочитал произведения великих учёных и исследователей ислама, понял взгляды своих предшественников, утвердился во многих вопросах, касающихся вероубеждения. Именно тогда он понял, кем являются Тафтазани, Фахр ад-дин ар-Риза, и во многих вопросах нашёл истину и успокоение для своей души.

Так как кади Абу Са'ид оказал большую помощь и его библиотека была очень полезна для Марджани, он всегда вспоминал о времени, проведённом в Самарканде, как о самых приятных минутах своей жизни, а о Абу Са'иде отзывался как о самом великом человеке тех мест.

Среди учителей Марджани кади Абу Са'ид был самым уважаемым и великодушным, поэтому мы сочли нужным написать пару строк о его биографии. В книге «Вафиййат ал-аслаф» Марджани пишет: «Кади Абу Са'ид ибн 'Абд ал-Хай ибн Абу-л-Хайр был одним из выдающихся учёных Мавераннахра времён ас-Самарканди, во всех делах он был особо

внимателен и точен. Прочитал множество книг своих предшественников и обладал огромными знаниями, был учёным, ценящим справедливость. Знал историю, положение народов, события в мире, был сведущ в области арифметики, алгебры, геометрии, физики, географии и ещё ряде всевозможных религиозных и светских предметов. Лишь в области обязательных религиозных предписаний его знания немного хромали.

Он был человеком воспитанным, щедрым, добродушным, справедливым, уважал каждого в соответствии с его положением. Он не восхищался собой, ему не было свойственно высокомерие, как остальным учёным Мавераннахра. Если встречался с одним из потомков Пророка (из рода 'Али и Фатимы, да будет доволен ими Аллах), выказывал ему всяческое уважение.

Когда в Самарканде мы вместе совершали намаз, он всегда делал меня имамом. А когда нам приходилось читать намаз в пути или в саду, и кто-нибудь давал ему коврик для намаза или одежду, он всегда отдавал их мне, говоря, что имам достоин этого больше, а сам читал на земле.

Однажды он так расхвалил меня перед правителем Самарканда и сказал: «Этот парень превосходит даже древних учёных, написавших объёмные труды».

Кади Абу Са'ид очень любил собирать книги, и если вдруг ему на глаза попадалась книга, которой у него не было, он был готов купить её даже за двойную цену. Поэтому у него

имелось много ценных книг по различным предметам.

Он уважал суфиев и шейхов, помогал иностранцам, независимо от того, были ли они суннитами или шиитами, интересовался положением учёных в их государствах. Поэтому он много знал об иностранных государствах и тамошних учёных. Он был довольно богат и имел земли, сады, дома во многих местах. После смерти отца не взял ничего из наследства, а раздал свою долю остальным наследникам. Был не только кади, но и преподавал в нескольких медресе Самарканда. Живя в Самарканде, я тоже пользовался его книгами, он помогал мне. Зная, что таких редких и ценных книг я не найду в другом месте, некоторые из них я даже переписал. Именно Са'ид-хазрат стал причиной того, что я стал увлекаться историей, читать исторические книги.

Одним словом, в Мавераннахре я не встречал человека, более справедливого и прямолинейного. Его деды и прадеды также были учёными. Са'ид-хазрат также написал книги по основам исламского права и каламу. Умер в возрасте 70 лет 16 шавваля 1225 х. / 23 августа 1849 г. Если сделать [нумерологический] подсчёт числа словосочетания «устазу замана» («наставник эпохи»), то получится дата его смерти».

По воспоминаниям о Самарканде и кади Абу Са'иде, оставленным Марджани, по рассказам Садрутдина и Хабибуннаджар-хазрата можно понять, какое сильное впечатление произвёл Самарканд на Марджани, и как полезно для него было это путешествие.

В Самарканде Марджани встретил очень умного и начитанного учёного. Разглядев ум и способности Марджани, этот учёный стал ему покровительствовать, сыграл важную роль в его жизни, заинтересовав занятиями историей. В библиотеке кади Абу Са'ида Марджани прочёл много древних книг и трудов по всевозможным предметам. Эти книги сильно подействовали на него, он даже избавился от сомнений в вероубеждении, определил для себя принципы и идеалы. Итогом этих исследований и размышлений стало принятие взглядов великого татарского учёного Курсави, Марджани полюбил его принципы и стал на всё смотреть с точки зрения истины.

Часто на пути к настоящему знанию и развитию люди следуют за своими покровителями, во многих делах копируют их. Исследуя биографию Марджани, мы во многих местах заметили, что он действовал, ориентируясь на кади Абу Са'ида, восхищаясь его совершенством, старался во многих вещах быть похожим на него.

Большую часть информации и мнений, описанных в «Вафиййат ал-аслаф» и первой части книги «Мустафад ал-ахбар», он услышал именно от кади Абу Са'ида. По словам Марджани очевидно, что этот человек был кладезем знаний, его взгляды были глубоко обдуманно и справедливы.

Когда мы писали эти строки, то задались вопросом: какие же книги в Самарканде Марджани читал с таким наслаждением, какие труды называл ценными и редкими, с какими историческими книгами встречался? Чтобы ответить на него, мы решили исследовать библиотеку Марджани и его книги, которые он переписал, будучи в Самарканде. С муллой Кашшафом мы внимательно изучили перечень книг в библиотеке, большую часть которой с помощью сына Марджани Бурханутдина нам показал его сын Габдельхамит.

Первое, что нам бросилось в глаза, это «Кимиййа ас-са‘ада» («Алхимия счастья»), «Рисалат ар-рух» («Трактат о душе») и другие книги имама Газали. Они все были собраны в одном месте.

Также Марджани переписал довольно много трудов Джалал ад-дина ад-Даввани и Мирзы Захида, являющихся одними из выдающихся учёных калама и логики. Кроме этого среди книг, переписанных в Самарканде, мы обнаружили «Иткан фи ‘улум ал-Кур‘ан» («Совершенство коранических наук»), «Мизан аш-Ша‘рани» («Весы аш-Ша‘рани»), «Фатх ал-кадир» («Открытие Всемогущего»), «Шарх ал-Хидайа» («Комментарии к ал-Хидаё»), «Шарх ал-Муватта’» («Комментарии к ал-Муватта’»), «Фусул ситта» («Шесть разделов»), «Ахлак ан-Насири» («Нравственность ан-На-

сири»), книги «Шифа» («Излечение») и «Ишара» («Указание») Абу ‘Али ибн Сины, «Милал ва нихал» («Течение и секты»), «Нихайат ал-икдам» («Конечное вступление») аш-Шахарстани и Ибн Хазма, некоторые произведения аш-Ширази, ас-Суюти и ас-Сухраварди.

Среди исторических книг мы повстречали переписанные варианты книг «Кашф аз-зунун» («Стирание предположений»), [«Вафиййат ал-а’йан» («Некрологи знатных лиц»)] Ибн Халликана, «А’лам ал-ахйар» («Уведомление превосходных людей»), «ал-Джавахир ал-муди’а фи табакат ал-ханафиййа» («Сияющие драгоценности о классификации ханафитов»), «Тадж ат-тараджим» («Корона биографий»). Они также хранились рядом с книгами, привезёнными из Самарканда. Хоть на них и не были указаны даты, когда они были переписаны, мы предположили, что, возможно, именно эти книги Марджани читал во время того путешествия.

В «Мустафад ал-ахбар» Марджани пишет, что в Самарканде он читал сборник Аксак Тимура «Тазаккат», написанный в виде автобиографии.

Будучи в Самарканде, Марджани также переписал многое из тафсира кади Байдави и из толкования к данному тафсиру, написанного отцом кади Абу Са’ида.

Марджани счёл важным для себя и вопрос расм масахиф (шрифт Корана), на который обращают внимание лишь великие и образованнейшие учёные. Поэтому он прочёл и исследовал Коран, известный как «Мусхаф ‘Усмани» («Осман-

ский экземпляр Корана»), хранившийся в Самарканде, обратил внимание на каллиграфию этой Книги и решил, что почерк данной Книги свидетельствует о том, что этот Коран принадлежит к эпохе ‘Усмана. Он написал об этом подробно в статье, опубликованной в газетах Стамбула «Басират» и «Хакаи́к ал-вакаи́’» и в книге «ал-Фаваид ал-мухимма», посвящённой видам расма.

Живя в Самарканде, достиг ли Марджани сам такой степени, что обращал внимание на расм Коранов и мог сравнивать различные мусхафы, либо ему показал и объяснил это кто-нибудь, например, кади Абу Са‘ид – мы не смогли найти точный ответ на этот вопрос.

Если Марджани понял это сам, будучи очень внимательным, очевидно, что он прошёл огромный путь развития, а его исследования поднялись на достаточно высокий уровень. Есть примеры того, что даже мударрисы, десятки лет занимающиеся преподавательской деятельностью, и понятия не имеют о проблеме расма мусхафов.

* * *

Выше мы написали, что, будучи в Бухаре, Марджани был довольно сильно озадачен некоторыми вопросами вероубеждения, веры, приехав же в Самарканд, нашёл ответы на многие из них. В Самарканде по совету кади Абу Са‘ида он начал изучать историю и с этого момента сделал её целью сво-

ей жизни. Эти два вопроса (укрепление вероубеждения, становление принципов и жизненных ценностей) играют важную роль не только в жизни Марджани, но и любого другого мыслящего человека.

Выбор же жизненного пути и становление принципов таких талантливых, размышляющих, исследующих людей, как Марджани – очень большое дело.

Многие гении, мыслящие люди, обладающие талантом и способностями, не могут найти подходящее для себя дело, определить принципы и идеалы. Так они проводят свою жизнь зря. Встретившись с различными препятствиями, связанными с их религией и верой, взглядами и поступками, они переживают внутреннюю революцию. В зависимости от природного упорства, богатства души, серьёзного и глубоко осмысленного отношения к жизни, каждый человек переживает эту революцию по-своему. Становление принципов и идеалов также оказывает огромное влияние на развитие и занятия человека. Многие люди не могут заняться по-настоящему полезным трудом именно из-за того, что они не определились со своими идеалами и принципами. Причина того, что думающие и умные люди не могут быть полезными ни обществу, ни себе, тогда как люди среднего ума, вооружённые знаниями в достаточно узкой области работают и живут достаточно хорошо – отсутствие цели и неумение определять жизненные принципы. По этому поводу один из исламских философов высказался так: «Я обладаю средними

умственными способностями. 75 человек из 100 так же умны, как и я. Если же есть разница в наших делах, так причина не в различии умственных способностей. А причина этого в том, чтобы уже в молодости определить для себя цель и направление движения, а потом, направляясь к этой цели, знать пути и способы её достижения и двигаться по самому удобному и короткому пути».

Так как Марджани довольно долго занимался каламом и философией, ему приходилось сталкиваться с различными сомнениями в области вероубеждения и веры, искать ответы на множество вопросов, приходящих на ум, и некоторое время бороться с препятствиями, чтобы не осквернить свою душу. Однажды Марджани сказал друзьям: «Будучи в деревне, в книгах я прочёл строки (или хадис), одобряющие вероубеждение старух. Тогда, несмотря на глубокие раздумья, я не понял смысла этого. Прожив некоторое время в Бухаре, я вник в них. Вероубеждение старух лучше вероубеждения многих тех, кто занимается каламом и философией, их вера в Аллаха сильнее. Поэтому переселение из Бухары в Самарканд оказало на меня сильное воздействие».

Из этих строк понятно, что во время путешествия в Самарканд Марджани продолжал сомневаться, но он прошёл стадию следования (таклид) в убеждениях за другими, и переживал эпоху революции и колебаний, для него пришло время двигаться в направлении к обоснованным позициям и во многих религиозных вопросах приходиться к твёрдому и

единому мнению. Значит, в возрасте 25–26 лет Марджани покинули сомнения, он вошёл в эпоху зрелости в суждениях.

Но какие же книги и произведения каких авторов воздействовали на укрепление его религиозных взглядов? Так как мы не обладаем полной информацией о прочтённых им в Самарканде книгах, мы не можем сказать ничего определённого по этому поводу, но всё же считаем, что на него по большей части подействовали книги имама Газали. Вместе с тем, что он великий религиозный учёный, имам Газали ещё и выдающийся философ. Его книги соответствуют взглядам и принципам Марджани. Марджани и сам очень любил Газали и когда хвалил кого-либо, говорил о нём: «Прочёл труды Газали и хорошо понимает принципы предшественников». И в книге «Вафиййат ал-аслаф» он пишет, что Газали был единственным выдающимся учёным ислама, хорошо понимавшим религию.

Так как Марджани приводит много доказательств тому, что именно через книги имама Газали он определил для себя мазхаб и религиозные принципы, подробно описывает все мысли, посетившие его в тот момент, рассказывает о своих колебаниях и нахождении истины, мы считаем, что именно труды имама Газали способствовали тому, что Марджани перестал сомневаться и в вопросе ислама и неверия пришёл к единому мнению. О том, что книги Газали привлекли особое внимание Марджани, говорит и тот факт, что, будучи в Самарканде, он переписал себе несколько трудов этого учё-

Понятно, что, живя в Самарканде, Марджани прочёл множество книг и расширил свой кругозор. Он, в течение 5 лет жизни в Бухаре проводивший всё своё время за чтением книг по вероубеждению и логике, сейчас утвердился во мнении, что имеет право говорить о заблуждении, о «Китаб ас-сунна», разных нововведениях, распространённых среди народа, о нововведениях в вере и нравственности мусульман, критиковать современное положение, и что он прав в своей критике. И, видимо, как напоминание для себя, по какому пути двигаться и какие принципы избирать, в начале одной из переписанных тогда книг сделал заметку: «Мазхаби фи ал-‘аклийат ал-худжжа ва ал-бурхан, ва фи ан-наклийат ас-сунна ва ал-Куръан» («Мой путь в рациональных науках – доказательства и доводы, а в религиозных науках – сунна и Коран»). Эти слова написаны большими буквами, как самые важные и требующие особого внимания.

Для того чтобы показать, как окрепли принципы и вероубеждение Марджани, чем были заняты его мысли и о чём он размышлял, мы приводим следующий отрывок из «Вафиййат ал-аслаф». Касясь биографии выдающегося татарского имама Абу-н-Насира ал-Курсави, Марджани пишет следующее: «По своей молодости я не понимал истины и, бездум-

но следуя за остальными, с иронией и смехом смотрел на взгляды и убеждения Курсави. Но позже я прочёл книги великих имамов и наших предшественников, обладающих верной мыслью, и, накопив знания, понял, что значит истинная религия и мудрость, и, по милости Всевышнего Аллаха, избавился от своих заблуждений.

Однажды в Самарканде я сидел и размышлял, удивляясь тем нововведениям, распространившимся среди народа, тому, что мои современники стали отклоняться от пути ахл ас-сунны ва-л-джама'а, оставили истинный путь, по которому шли наши предшественники и с каждым днём опускаются всё ниже и ниже, следуя за испорченным вероубеждением и слабыми мыслями. Тогда я, хвала Аллаху, вспомнил, что многие люди не признают взгляды и принципы Абу-н-Насира, клеветуют на него, обвиняя в искажении вероубеждения. Тогда я задумался: «Возможно, Абу-н-Насир нашёл истину, так же, как я, хвала Аллаху, понял вероубеждение наших предшественников, может, он написал свои книги, желая призвать людей к этому пути, но народ начал нападать на него, не понимая его благих стремлений», и захотел прочесть его труды. Так как у меня, да и во всём Самарканде не было его книг, я поставил себе цель – по приезду в Бухару первым делом найти и прочитать произведения Курсави.

Когда я пошёл к дамелле Исмаилу Кушкарийю, общавшемуся с Курсави, он с большой неохотой дал мне книги последнего, сказав, что в книгах Курсави нашли ошибочные

суждения, и в Бухаре вышел запрет на чтение его произведений. Хотя я и взял книги с тем условием, что прочитаю и возвращу их через неделю, книгу «‘Акаид» я прочёл за ночь. В ней я не нашёл ничего, противоречащего взглядам наших предшественников. Позже я встретился с Низам ад-дином ал-Ихрами и ‘Ариф ибн ‘Абд ас-Саламом, которые также похвалили Абу-н-Насира и его труды. После этого я прочёл все книги Курсави и нашёл, что почти все его взгляды выражают истину³¹. Те же, кто критикует его, на самом деле ничего не знают об истине и вероубеждении наших предшественников. Про Абу-н-Насира я написал книгу в жанре трактата (рисала) «Танбих абна’ ал-‘аср би-танзих ибн Аби-н-Насир» («Извещения сынов эпохи беспристрастными известиями Абу-н-Насира»).

Из этих строк отчётливо видно, чем были заняты мысли Марджани. Ясна его твёрдая убеждённость в том, что он выбрал истинные взгляды и принципы, он всё стал взвешивать самостоятельно, не опираясь на чужое мнение.

В Марджани были очень сильны критическое мышление и способность сравнивать, сопоставлять, что является одной из важнейших составляющих в развитии человека. Найдя, что кто-либо или целый народ противоречит истине, он осмеливался яро критиковать их. Выше мы уже писали, что, будучи в Бухаре, он критиковал тамошние методы обучения,

³¹ После этого Марджани переписал произведения Курсави. Мы видели их в библиотеке Марджани.

учебники и предметы. Мысль Марджани развивалась и дальше, он исследовал вероубеждение народа и книги по вероубеждению, бывшие в употреблении, сравнил не подлежащее сомнению вероубеждение, описанное в Коране и сунне, с тем, что описано в книгах его времени, и стал критиковать места, не соответствовавшие Книге. Он осознал, что в религиозных вопросах за основу всегда следует брать Коран и сунну. Марджани понял, что причиной испорченности и низких качеств, получивших распространение среди мусульман, является и отклонение от Корана, хадисов и прежнего пути мусульман Эпохи благоденствия ('аср ас-са'ада), т. е. времён Пророка.

Марджани достиг того уровня, когда научился смотреть со стороны на распространённые в народе традиции, книги, вероубеждение и трезво оценивать их. Понял, что в религиозных вопросах следует ориентироваться на Коран и хадисы и в последующем был твёрд в этих взглядах и принципах. То, что Марджани пришёл к одному мнению в вопросах веры и вероубеждения, безусловно, является показателем уровня его развития и говорит о зрелости мысли и суждений.

* * *

Проведя два года в Самарканде, Марджани решил вернуться в Бухару и взял у кади Абу Са'ида свидетельство о своей учёной степени. Должно быть, для Марджани было

сложно покидать Самарканд, делал он это с большой неохотой. Вот что говорит по этому поводу Садрутдин: «В тот год, когда Марджани был в Самарканде, на деньги одного благотворителя по имени ‘Арифджан-бай там строилось медресе. Часть строительных дел при этом велась под началом кади Абу Са‘ида, и он сказал Марджани: «Оставайся в этом году в Самарканде. После завершения строительства заселение студентов в комнаты медресе будет происходить под моим контролем. Я и тебе выделю там комнату. Позже ты сможешь продать её и на вырученные деньги купить приличную комнату в Бухаре». Марджани согласился с этим, дождался окончания строительства и начал жить в одной из комнат. Но спустя какое-то время у него возник конфликт с одним из преподавателей медресе, и Марджани был вынужден продать комнату и переехать в Бухару. После этого случая Марджани рассказывал: «Если бы не конфликт с этим проклятым учителем, я бы остался в Самарканде, не стал бы возвращаться в Бухару. Для меня Самарканд был очень полезен».

**Второй раз в Бухаре. Беседы.
Старательность. Занятия
историей. Труды в Бухаре. Занятия
суфизмом. Как складывалась жизнь**

Вернувшись в Бухару, Марджани купил комнату в самом

дорогом, красивом и известным своим высоким статусом медресе «Мир-Араб» и стал там жить. Через год к нему приехал брат Садрутдин, и они стали жить вдвоём. В этом медресе Марджани одно лето также был имамом.

Так как в этот приезд в Бухару Марджани уже определился в своих принципах и взглядах, он переехал туда с определёнными целями, и поэтому смог многого добиться.

Приехав в Бухару, Марджани заперся в своей комнате и довольно много времени провёл, читая и исследуя различные произведения. Он получал огромное наслаждение от поисков истины и интеллектуальных занятий. Много часов провёл за книгами, переписал десятки трудов, расширяя свой кругозор и пополняя свою библиотеку. Мы видели много книг, переписанных им самим, когда он вернулся из Самарканда, либо другими людьми по его поручению. Мы видели и книги, которые переписывались коллективно, людьми, имеющими отношения с ним. Судя по почеркам, некоторые книги переписывали сразу 10–15 человек. Все эти труды были очень внимательно перечитаны Марджани, на полях книг, тетрадей и просто на чистых листах он записывал цитаты из них. А когда речь шла о важном и спорном вопросе, он собирал воедино мнения различных авторов и записывал их в одном месте. Увидев множество таких записей и заметок, хранившихся среди его книг, нам стало ясно, что Марджани прочёл множество произведений и старался записать всё, что пробудило в нём интерес и могло в буду-

щем ему пригодиться.

По рассказам его родного брата Садрутдина мы знаем, что у Марджани были две огромные сумки, и он складывал туда записи обо всём увиденном и услышанном. Следовательно, из этого видно, какое значение придавал Марджани собиранию знаний при помощи сравнения и рассуждения.

Путём чтения книг различных учёных, в соответствии с количеством собранных истинных знаний в человеке сама собой развивается и способность искать истину и рассуждать. А люди, обладающие недостаточными знаниями, не способны в полной мере размышлять.

Несколько записей из переписанных Марджани книг и заметок привлекли моё внимание.

Среди записей Марджани информации, касающейся толкования хадисов, намного меньше, чем о вероубеждении, каламе и истории. Судя по списку книг, имевшихся у него в Бухаре, из трудов, посвящённых хадисам, он обладал лишь «Мишкат ал-масабих», а «Сахих Бухари» и «Муватта» взял почитать у других. В одном из личных дневников Марджани пишет, что «Сахих Муслим» он начал читать спустя два года после избрания его имамом.

Должно быть, Марджани уделял больше внимания вероубеждению, каламу и философии, потому что записей и исследований в этом направлении намного больше остальных. Его заинтересованность вероубеждением и каламом известна и из примечаний, написанных Марджани для книг «Аки-

да ан-Насафи» и «Мулла Джалал».

Должно быть, потому, что Марджани получал наслаждение от тонкого ума и проницательности, он очень уважал умных и образованных учёных калама и логики, похожих на муллу Джалал ад-дина ад-Даввани и Мирзу Захида. Он переписал множество их книг и трактатов. Также Марджани очень уважал тех, кто обращал внимание даже на мало-важные вопросы в области калама и логики. Говоря о своём учителе дамелле Хаджи-бае, он отмечал: «Хорошо понимал произведения ад-Даввани, Мирзы Захида». А как видно из «Вафиййат ал-аслаф», эти люди были в списке тех, кого Марджани любил и уважал.

* * *

После возвращения из Самарканда, Марджани жил в Бухаре пять лет. За это время он обучил множество узбекских, туркменских и татарских шакирдов. Тесно сотрудничал с некоторыми выдающимися медресе Бухары, обменивался с другими людьми мыслями по поводу прочитанных книг, участвовал в некоторых собраниях алимов. Среди тех, с кем общался Марджани, был известный нам дамелла Хусаин Каргали и Низам ад-дин ал-Илхами, которого Марджани уважал больше всех. Именно с ним у него были схожие взгляды и принципы. Этот человек был крайне проницателен, справедлив, любил знания и истину. С Марджани впер-

вые они встретились в Самарканде, а приехав в Бухару, четыре года жили вместе. Их вполне устраивали жизненные позиции друг друга. Среди сборников, написанных Марджани в Бухаре, есть и мысли, услышанные им от Низам ад-дина³².

По словам одного из родственников Низам ад-дина, Марджани говорил: «Если бы не встреча с Низам ад-дином, моя поездка в Бухару была бы бесполезной». Если Марджани действительно так говорил³³, это могло означать, что он нашёл себе соратника, чьи взгляды и принципы были схожи с его убеждениями. Марджани также рассказывал своим ученикам: «У меня был очень талантливый друг. Мы были довольны друг другом. Но этот друг пропал». Низам ад-дин немного знал медицину, был увлечён физикой, геометрией. Возможно, с Марджани они обменивались мнениями по поводу этих наук. В библиотеке Марджани мы видели книги по физике и геометрии, переписанные его рукой. На их полях

³² Так как Низам ад-дин был очень проницательным и у него на всё имелся готовый ответ, друзья прозвали его Илхами (Вдохновлённый). Будучи неудовлетворённым методами преподавания, заведёнными в Бухаре, вместе с 'Арифом ибн 'Абд ас-Саламом он уехал в Харамайн (два заповедных города: Мекка и Медина) и Индию. Умер в 1273 х./1856 г. После его смерти о нём не было известий. Его биография помещена в книгах «Асар», «Мустафад ал-ахбар» и «Вафиййат ал-аслаф».

³³ Отрицая эти слова, Садретдин говорит: «Низам ад-дин был намного ниже Марджани по достоинствам, он был лишь его учеником. Очень уважал Марджани и хотел написать комментарии к его книге. Я не слышал, чтобы Марджани воспользовался его услугами. Поэтому у меня есть большие сомнения по поводу слов, сказанных Марджани о Низам ад-дине».

были также заметки Марджани.

Вернувшись из Самарканда, Марджани, должно быть, с целью получить такую же пользу, какую получал от собраний Абу Са'ида, а также послушать разные мнения, выказал старания наладить общение с самыми выдающимися людьми Бухары. Ссылаясь на то, что ему нужна книга или необходимо решить спорный вопрос, Марджани встречался со многими известными личностями. Об этом даже ходили разные рассказы. По словам муллы Насруддин ибн Калимулла ас-Сабаджайи, однажды, сославшись на какую-то причину, Марджани смог побеседовать с кади Бухары Каланом. Тогда они разговорились на тему вероубеждения, и Калан поведал много интересного об этом. Марджани также высказал своё мнение по этому поводу, да так, что Калан похвалил его знания, сказав: «Да благословит тебя Аллах! Ты похож на надетые тобой чапаны». На тот момент на Марджани было надето два чапана: верхний – довольно простой, и внутренний – очень хороший. Кади Калан своими словами хотел сказать: «А душа твоя лучше наружности».

В последние годы жизни, проведённые в Бухаре, Марджани обучал многих шакирдов. Среди татар, удостоившихся похвалы Марджани, которых мы не назвали выше, были также мулла Габдулхабир ал-Муслими ал-Кызыльяари ('Абд ал-Хабир ал-Муслими ал-Кызылджари), Тымытык Ахмад-Латиф-хазрат, имам Казани кади Мухаммади ибн Салих, брат Марджани Садрутдин, Хафизутдин ибн Насрутдин

(Хафиз ад-дин ибн Наср ад-дин) ал-Курсави ал-Барангави. По словам Хабибуннаджар-хазрата, мулла Харрас ибн мулла Нигматулла-хазрат (Харрас ибн Ни‘мат Аллах) из Стерлита-мака также обучался у Марджани.

* * *

Сколько усилий прикладывал Марджани, будучи в Бухаре? Сколько и какие книги прочёл? Какие меры предпринимал для материального и духовного обогащения? Какое наслаждение получал от знаний и исследований? Как относился к друзьям во время учёбы? Ответы на эти вопросы отражены во многих его работах, мы приводим здесь некоторые отрывки из услышанного нами.

Будучи в Бухаре, Марджани настолько ценил время и получал удовольствие, занимаясь религиозными науками, что считал времяпровождение с друзьями, посещение товарищей из соседних комнат и беседы с ними, разговоры на улице бесполезной тратой жизни. Поэтому он избрал одиночество. Даже выйдя куда-либо по какой-то необходимости или отправляясь в магазин, он укутывался в чапан, чтобы никто его не узнал, и ходил, смотря только себе под ноги. Когда же один из его друзей спросил, почему он всегда выходит, укутавшись в чапан, Марджани ответил: «Встретив кого-нибудь, я начинаю общаться с ним. Так я трачу и своё время, и время этого человека».

В Троицке ахун Ахмад Хаджи-хазрат со слов имама медресе «Мир-Араб» рассказывал: «В медресе «Мир-Араб» жил татарин по имени Шихабутдин. Он был очень старательным, и всё своё время посвящал обучению. Даже в свободное время (так как шакирды Бухары между предвечерним и вечерним намазами не занимались уроками, они называли это время свободным), в то время как остальные шакирды общались и развлекались, он занимался чтением книг. Когда я однажды подошёл к нему, он читал «Сахих Бухари».

Так же, как люди, ценящие имущество, ценят каждую копейку и стараются не тратить её впустую, так же и люди, ценящие знание и получающие наслаждение от познания, стараются сохранить свои знания и не забыть важную информацию.

Так как Марджани тоже был из тех, кто влюблён в знания, он ценил знания, услышанные от других либо добытые им самим. Ложась спать, он всегда ставил рядом перо и бумагу, чтобы записать мысли, пришедшие ему в голову перед сном. Есть сведения, что, вспомнив что-либо, Марджани тут же вскакивал и записывал всё на бумаге, а если писать было некуда, делал заметки прямо на стене.

Рассказывают, что эта привычка Марджани сохранилась до последних дней его жизни, и часто он возле своей кровати держал свечу и спички. Если ему что-то приходило на ум, он зажигал свет и записывал свои мысли. Разбирая библиотеку Марджани, среди его бумаг и тетрадей мы обнаружили

и такие записи, которые были похожи на заметки, сделанные среди ночи. В этом нет ничего удивительного...

Ещё только отправляясь в Бухару, Марджани проявлял большой интерес к знаниям и хотел быть похожим на выдающихся учёных. Для этого он предпринимал различные меры как материального, так и нематериального характера. Сабдаджай Мухйи ас-сунна-хазрат рассказывал, что его отец мулла Хабибулла, учившийся в Бухаре, стал свидетелем того, что во время большого собрания алимов Марджани собрал остатки чая из всех чашек и выпил это со словами: «Возможно, и я получу благодать от знаний и учёности».

Из-за своей любви к знаниям Марджани также обращал внимание на разные приметы и толкования, ходившие среди народа. Мулла Сибгатулла ибн Фазил (Сибгат Аллах ибн Фадил ал-Кимави рассказывал, что однажды Марджани поведал ему: «Когда я был в Бухаре, птица угод пролетела над моей головой. Тогда человек, стоявший рядом, сказал мне: «Говорят, тот, на кого падёт тень угод, станет падишахом. Интересно, чего добьёшься ты?» Обрадованный этими словами, я пожелал стать алимом».

Во время учёбы Марджани не поддавался влиянию ходивших среди народа веяний и друзей, остерегался увлечения опиумом, нюхательным табаком, что успело заманить в свои сети многих жителей Бухары. Он старался сохранить свои мысли чистыми, быть твёрдым и непоколебимым в своих принципах. Однажды он рассказал своим ученикам в Бу-

харе: «Многие из тех, кто учатся здесь, поддаются влиянию узбеков, перенимают их вредные привычки, увлекаются опиумом и нюхательным табаком. Впадая в опьянение, они обманываются ложными наслаждениями, теряют старательность и забывают учёбу. Хвала Аллаху, я и мой младший брат Садрутдин уберегли себя от таких вещей».

В молодости многие люди, следуя за своими друзьями, перенимают у них вредные привычки. Таким привычкам обучают больше друзья, чем враги. Поэтому друзья, имеющие дурные мысли, не стесняющиеся совершать дурные действия, оказывают самое пагубное влияние. Для того чтобы в молодости защитить себя от испорченности, нужно, как Марджани, обладать твёрдым характером, ценить невинность и чистоту, выбрать свой путь и твёрдо следовать по нему, не поддаваясь уговорам друзей.

Так как Марджани старательно учился, будучи в Бухаре, он прочёл много книг и усвоил большой материал. Он не проводил много времени с друзьями, не был завсегдаем на собраниях, да и перед учителями не старался блеснуть знаниями, поэтому некоторые его товарищи говорили: «Марджани в Бухаре не занимался серьёзно уроками. Он сидел, запершись в своей комнате, и посвящал своё время ненужным вещам». Несмотря на это, своими стараниями, независимостью в суждениях, непоколебимостью взглядов и тонкостью суждений Марджани привлёк внимание своих учителей. Некоторые преподаватели, давая высокую оценку его

знаниям, даже предлагали ему остаться в Бухаре в качестве учителя.

Ученики Марджани тоже любили и уважали его, признавали его взгляды, обучались по его методу, который шёл вразрез с методами, заведёнными в Бухаре.

* * *

Выше мы уже писали, что любовь Марджани к написанию книг проявилась уже в деревне, он сочинил пару небольших трудов. С детства любил историю и интересовался у деда биографиями учёных и разных авторов, любил читать надписи на надгробных камнях. Теперь мы расскажем немного о том, создавал ли он книги в Бухаре.

Судя по книгам, которые Марджани использовал в Бухаре, и его записям, можно сделать выводы, что он обращал внимание на род учёных и занимаемые ими степени. В различных записях и сборниках содержится много информации, касающейся биографий разных людей. Если в какой-либо из прочитанных им книг встречалось имя одного учёного, на полях Марджани делал записи о роде, авторитете, жизненных принципах, дате рождения и смерти этого человека. Видно, что он старался узнать как можно больше о каждом учёном, имя которого слышал. Марджани переписал много информации из исторических книг на арабском и персидском языках. В год своего возвращения из Бухары по

его просьбе группа переписчиков переписала для него книгу «ал-Джавахир ал-муди'а фи табакат ал-ханафиййа» («Сияющие драгоценности о классификации ханафитов»). Судя по всему, для своей самой большой работы «Вафиййат ал-аслаф» Марджани собрал много информации именно в Бухаре. Он и сам рассказывал своим ученикам: «Вафиййат ал-аслаф» я начал писать именно в Бухаре».

Должно быть и тюрко-татарской историей он начал интересоваться именно в Бухаре. Об этом свидетельствуют записи, сделанные из арабских и персидских книг. В книге «Мустафад ал-ахбар» Марджани пишет: «Книгу Ибн Фадлана я переписал именно в Бухаре». Мы увидели довольно много сведений о ханах Бухары и Хивы. Видимо, важную для себя информацию об этом Марджани начал собирать в Бухаре, потому что в конце одного письма на персидском языке он написал так: «Это письмо написано в 1221 х./1806 г. эмиром Бухары Амиром Хайдаром ибн Макзумом визирю Османской империи Йусуф-паше. Я переписал его с одной книги, которую взял почитать в самом начале своего приезда в Бухару». Правда, важные для истории части письма были вырваны и потеряны.

Марджани сам пишет, что довольно много информации, использованной для написания книги «Гурфат ал-хавакин ли ма'рифат ал-хавакин» («Пригоршня знаний для познания хаканов»), он собрал именно в Бухаре.

Кроме этого работы «ат-Тарика ал-мусла ал-акида ал-хус-

на» («Достоинством подражания путём и наилучшим убеждением»), «И'лам абна' ад-дахр би-ахвал ахл маварааннахр» («Уведомлении сынов эпохи о положении жителей Мавераннахра»), «Шарх мукаддимат ар-рисала аш-шамсиййа» («Комментарии к введению трактата «Солнечный») он также написал в Бухаре. Очень внимательно читая книги в Бухаре, всю важную информацию и мысли, посетившие его при их прочтении, он записывал на полях этих произведений. Мы встретили довольно много таких заметок в книгах «'Акида ан-Насафи», «Мулла Джалал». Можно сделать выводы, что некоторые из этих записей сделаны именно в Бухаре. Но многие из них были исправлены и дополнены по возвращении в Казань.

* * *

В Бухаре Марджани также занимался суфизмом и воспитанием души. Из известных шейхов сначала он начал общаться с сыном халифа Ниязкули (ишан Туркмани) шейхом 'Убайд Аллахом. Этот человек был директором и учителем в медресе ишана халифа Ниязкули, был ишаном и занимался воспитанием муридов, умер в 1269 х./1852 г.

В год своего отъезда из Бухары Марджани связался с одним из известнейших шейхов 'Абд ал-Кадир ибн Нияз Ахмадом ал-Фаруки ал-Хинди, известного как Сахибзаде. По словам Шихаб ад-дина, этот человек пользовался боль-

шим авторитетом, был авторитетным суфием, погружённым в поклонение. Умер в 1271 х./1855 г., и на его погребальный (джаназа) намаз пришло большинство жителей Бухары. Марджани несколько раз присутствовал на собраниях этого шейха и даже получил свидетельство об уровне его духовного воспитания и наличии права воспитывать других людей.

Садрутдин об этом пишет следующее: «Марджани не любил, когда люди теряли голову от чего-либо, не любил критиковать, лишь следуя мнению других. Он любил основательность. Поэтому при мне ходил к Сахибзаде-ишану. Ежедневно он уходил к нему к утреннему намазу и оставался там до восхода солнца. Так продолжалось около двух месяцев. Находясь в своей комнате, он каждый день читал какую-то часть Корана и советовал мне делать то же. Я не помню, чтобы в своей комнате он читал другие книги. Уезжая из Бухары, Марджани даже получил от ишана свидетельство, позволяющее ему быть ишаном, посох и плащ».

В своих книгах Марджани всегда уважительно отзывается о суфизме и суфиях, одобряет суфийские методы борьбы со страстями, пишет, что многие учёные учились у ишанов, и часто взгляды суфизма оказываются выше учёных калама и фикха. Также он отмечает, что суфии обладают способностями познавать Аллаха.

На собраниях Марджани и своим шакирдам говорил много лестного об ишанах. Но неизвестно, что он занимался суфизмом и призывал к этому других. Часто он говорил своим

шакирдам: «Нужно много читать Коран и стараться понять его смысл. Нет более полезной вещи, чем Коран. Если вы будете читать Коран, вникая в его смысл, добьётесь всего».

Однажды к Марджани пришёл его ученик мулла Гимран ибн Сагид (‘Имран ибн Са‘ид) ал-Багиши и поведал, что хочет стать суфием, и попросил показать верный путь. Тогда Марджани ответил: «Самый верный путь – Коран. Ежедневно читайте как минимум одну часть Корана. Вникайте в смысл и задумывайтесь над прочитанным. Хотите стать совершенным, так прочтите заслуживающий доверия тафсир. Он вам и покажет дорогу».

Понял ли Марджани пользу суфизма путём размышлений, был ли привязан к какому-то шейху? Или на него воздействовали такие приверженцы тариката, как кади Абу Са‘ид? Либо это произошло из-за чтения книг таких учёных, как имам Газали, считающих суфизм наилучшим способом побороть свои страсти? Мы не знаем точного ответа, но всё же думаем, что наибольшее влияние в этом вопросе на него оказал Газали.

Так как Марджани не был против суфизма и не пресекал занятие им своих шакирдов, то среди его учеников были и муриды – последователи каких-либо ишанов.

* * *

О своей жизни в Бухаре и здоровье Марджани рассказы-

вал своим шакирдам следующее: «В Бухаре я остерегался пить некипяченую воду. Я кипятил и остужал её, чтобы утолить жажду. Поэтому я не заразился паразитическим червем-волосатиком, чем страдают многие приезжие. Во время учёбы я обращал большое внимание на своё здоровье, но пренебрегал сном. Иногда я спал лишь один час в сутки. Отсутствие сна не отразилось отрицательно на моём здоровье. А вот к пище я относился внимательно. Каждый день в одно и то же время старался хорошо поесть. Возможно, это и помогло мне».

Нужно также обратить внимание на то, что Марджани обладал таким усердием, какое не было свойственно ни одному из его современников. Вдобавок ко всему у него было отменное здоровье. Многие шакирды, желая быть здоровыми, полжизни проводят на улице, в садах, развлекаются на собраниях, посвящая занятиям лишь несколько часов в день. И всё же они не могут похвастаться отменным здоровьем.

Марджани же не участвовал на таких увеселительных собраниях, всё своё время, даже то, когда все шакирды отдыхали (между предвечерним и вечерним намазами), посвящал учёбе, пренебрегал сном. И даже такое усердие не сказалось отрицательно на его здоровье. В чём же причина этого?

Возможно, на это повлияла природа Марджани, его внимательное отношение к пище, отказ от таких причиняющих вред здоровью вещей, как опиум и табак, здоровая голова и направление усилий в одно и то же русло.

Но самая главная причина в том, что Марджани получал огромное удовольствие от знаний и исследований. Найдя истину в каком-либо вопросе, он радовался как человек, нашедший клад. Известно, что работа, выполненная с любовью и от чистого сердца, сама является отдыхом. Сколько работ выполняет человек от чистого сердца, столько он и отдыхает. Человек не испытывает наслаждение от дней, проведённых без пользы для себя и других, он считает их временем, потраченным впустую. Такие люди чаще заболевают от безделья, нежели от большого количества работы. Так как Марджани был одним из тех, кто влюблён в знание, его отдых состоял в чтении большого количества книг.

Садрутдин так описывает положение Марджани в Бухаре: «Он был единственным шакирдом в Бухаре, который ходил босиком. Не одевался вычурно, не уделял много внимания одежде, остерегался вредных привычек, распространённых среди других учеников, и стремился к душевной чистоте. С сокурсниками общался мало, не посещал всевозможные увеселительные собрания. Вернувшись в Казань, он и мне говорил, что дружба становится препятствием для получения знаний. Советовал мне мало общаться с людьми и не тратить время на посещение различных собраний.

Очень любил читать Коран и делал это каждый день, много занимался чтением и письмом, писал даже на пустых участках обёрток от чая и сахара, иногда делал записи даже на стенах. Прикладывал все усилия, когда хотел заполучить

ту или иную книгу.

Ему не нравились многие методы преподавания и правила, заведённые в Бухаре. Волновался по поводу того, что народ Бухары излишне почитал могилы и просил помощи у умерших. Однажды во время пожара Марджани услышал, как люди кричали: «О Ходжа Баха'ад-дин, помоги нам!»³⁴ Тогда он хотел сказать: «Даже люди нашей деревни выше их. В нашей деревне помощь просят у Аллаха и произносят такбир и азан».

Марджани был очень серьёзным, не любил много шутить, не вступал в споры с людьми, был превыше всего этого. Он также не обращал внимания на сплетни о себе и продолжал заниматься своим делом.

Марджани всегда приводил доказательства. Вместо того чтобы пересказывать мысли других, он предпочитал делать выводы самостоятельно. Хоть он и мало отвечал на уроках, но старался высказать совершенно новые взгляды, поэтому пользовался авторитетом у учителей. Не любил двуличия, так распространённого у народа Бухары, говорил все мысли открыто либо предпочитал промолчать.

Любил верность мысли и не следовал за ошибочным мнением, каким бы почитаемым человеком оно не было высказано. Был совершенно уверен в своих силах и старался выполнить работу, за которую взялся, лучше всех».

³⁴ То есть призывают на помощь жившего в XIV в. Баха'ад-дина Накшбанди – суфийского учителя и святого, основателя тариката накшбандия. – Г. Р.

Не добавляя ничего к словам, сказанным Садретдином, право исследовать и судить о развитии мысли Марджани в Бухаре оставляем читателям и заканчиваем эту главу.

Возвращение из Бухары. Путевые заметки. Встреча с отцом

После 11 лет жизни в Бухаре Марджани решил вернуться на свою отчизну – Казань и Ташкичу. Зять семьи Марджани Файзрахман ибн Габдельгаффар (Файд ар-Рахман ибн ‘Абд ал-Гаффар) ат-Тазлари, ежегодно отправляющийся в Туркестан ради торговых дел, захотел взять его с собой домой. Тогда несколько богачей Бухары и люди Мухтар ибн Мухаррама, привёзшего Марджани в Бухару, 10 раджаба 1225 х. / 21 мая 1849 г. с большим караваном отправились в Россию.

В дороге Марджани рассказывал спутникам об истории ислама и биографии алимов. Всегда давал чёткие ответы на вопросы, касающиеся шариата. Один узбек, бывший в караване, даже сказал: «Я встречал много алимов, много татарских дамелла, но никто из них не знал столько о шариате и древней истории». В этом путешествии Марджани был назначен имамом, все читали намаз за ним и очень уважали.

По дороге домой путники делали остановки в Уфе, Орске, Оренбурге. В конце шаабана они выехали из Оренбурга и 12 рамадана прибыли в Казань, а 13-го – в Ташкичу и встретились с родителями и родственниками. Нет надобности рас-

сказывать, какой искренней и радостной была эта встреча спустя 11 лет разлуки.

В чём была его цель возвращения из Бухары? С кем Марджани встретился в дороге? Каковы были его впечатления? В качестве ответов мы нашли лишь следующее. В книгах «Вафиййат ал-аслаф» и «Мустафад ал-ахбар» в главе, посвящённой биографии кади Мухаммад-Амин ибн Мухсина ан-Нурмави он пишет: «Это был человек, известный своей религиозностью, знаниями и совершенством. Являлся самым умным и человечным кади своего времени. Обладал множеством ценных книг и всё своё время посвящал чтению и исследованию. Я с ним встретился, возвращаясь из Бухары. Он обрадовался нашему визиту и хорошо нас встретил. Прощаясь с нами, не мог сдержать слёз, даже хотел обнять меня, сажая в повозку. Тогда он уже был столетним стариком, а я – 30-летним молодым человеком»³⁵.

При знакомстве с биографией Марджани, отчётливо видно, что он привлекал внимание всех людей своей серьёзностью, солидностью, справедливостью, глубокими знаниями. Каждый, кто общался с ним, проникался к нему глубоким уважением.

³⁵ Кади Мухаммад-Амин ибн Мухсин был имамом и преподавал в деревне Нор-ма близ Казани. Одно время был кади в Уфе. Умер в 1267 х./1851 г.

Приглашение в Казань. Экзамен на собрании алимов. Назначение имамом. Поездка в Уфу

В то время, когда Марджани вернулся из Бухары, имам 1-й мечети Казани мулла Сагид ибн Хамид сложил с себя полномочия имама и уехал в хадж. Поэтому эта мечеть осталась без имама.

Тогда глава первой махалли Казани, в то время самый известный и влиятельный мусульманин этого города Ибрахим ибн Губайдулла Юнусов (Ибрахим ибн ‘Убайд Аллах Йунус) (Длинный Ибрай), принявший решение для мечети своей махалли избрать имамом самого умного и образованного человека, начал подыскивать таких людей. Также он объявил, что, найдя подходящих людей на эту должность, устроит своеобразные состязания и прения, чтобы выбрать сильнейшего и назначить его имамом.

Тогда богачи, ехавшие в одном караване с Марджани, встретились с Ибрахим-баем. Когда последний рассказал, что ищет для своей мечети учёного мударриса, те поведали ему о Шихабутдине ал-Марджани, сказав, что он был самым образованным из тех, кто учился в Бухаре. Также они привели мнения преподавателей о нём, рассказали, что он был для них имамом в пути, и они очень довольны таким спутником, и ещё много чего интересного. Мухтар ибн Мухаррам, ста-

раясь показать свою симпатию, даже сказал: «Этот дамелла Шихабутдин обладает такими знаниями, что может 10 лет преподавать даже самому известному учителю Казани».

Услышав столь лестные отзывы о Марджани, Ибрахим-бай решил пригласить его в Казань на собрание алимов и, если слухи о нём окажутся верными, назначить его имамом в Первую мечеть. Наконец, по приглашению Ибрахим-бая, Марджани прибыл в Казань на собрание алимов.

К этому времени прошло два месяца с возвращения Марджани из Бухары, и среди народа уже успела распространиться молва о его жизни в Бухаре и том, что он, возможно, станет имамом в Казани. Некоторые хазраты говорили: «Раз он такой учёный, надо приложить усилия для назначения его имамом». Были и те, что утверждали: «Он не отличался прилежным учением в Бухаре, не посещал собрания алимов. Проводил время, читая бесполезные книги. Продолжая обучение у своих наставников, не стремился получить их благословения. От его назначения муллою нам не будет никакой пользы». Но известно лишь, что, услышав отзывы Мухтара ибн Мухаррама об учёности Марджани, хазрат Карим счёл нужным подготовиться, найдя ответы на задаваемые вопросы и прочтя всевозможные книги и толкования к ним.

В книге «Мустафад ал-ахбар» об этом собрании Марджани пишет следующее: «14 зу-л-каада 1265 х. / 19 сентября 1849 г. я приехал в Казань. Тогда Ибрахим ибн Губайдулла Юнусов устроил собрание алимов. По инициативе чте-

ца Корана (кари) Абу-л-Касим ибн Юсуф ибн Шахбирди ал-Бухари Иргимака и других участников каравана, в особенности Мухтар ибн Мухаррама, я и другие алимы близлежащих поселений были приглашены на это собрание. В них приняли участие мулла Гали-ишан ал-Тюнтери, мулла Хабибулла ибн Рахманкули, мулла Ахмад ибн Вагиз, мулла Габдулгафур ибн Махмут, мулла Хуснутдин ибн ‘Умар, мулла Мухаммад-Карим ибн Мухаммад-Карим, мулла Шагиах-мад ибн Абу Язид, мулла Шамсутдин Забир ал-Хафиз, мулла Асфандияр ибн Ибрахим, мулла Габдулкаххар ибн Габдус-саттар, мулла Нурмухаммат ал-Мухтасиб, мулла Шихабутдин ибн Фахрутдин, мулла Габдулвали ибн Габдулгаффар, мулла Хусаин ибн Амирхан³⁶ и др., а также некоторые чиновники.

Как научил его Мухаммад-Карим, мулла Габдулвали посмотрел на нас и сказал: «Я хочу задать вам один вопрос». Когда я ему сказал, что здесь много начитанных людей, которым можно адресовать этот вопрос, он ответил: «Мы хотим услышать, что скажете вы». Когда я согласился, он спросил: «Как вы объясните вопрос о затруднительности приведения довода (истидлал)?» Когда я начал подробно описывать доводы (далил), в разговор вступил мулла Мухаммад-Карим. Последовав его примеру, высказались и некоторые имамы.

³⁶ Биографии многих учёных, перечисленных здесь, приведены в книгах «Му-стафад ал-ахбар» и «Асар».

Так как было сказано много пустых и бессмысленных слов, для наблюдающих за нами людьми наши силы казались равными, но мулла Гали, мулла Ахмад, мулла Хабибулла, мулла Абдулгафур поддерживали мои слова и на этом собрании высказались обо мне положительно».

После этого на собрании говорили о каламе и древней философии, и Марджани привёл хорошие доказательства, процитировал таких великих исламских философов, как Абу ‘Али ибн Сина, ат-Туси, Мир Бакир. Была видна глубина его знаний и начитанность.

Только вопросы, заданные Марджани и темы, поднятые на этих собраниях, были общими, не имели большого значения для религиозных наук и веры.

Несколько странно, что казанские имамы для экзамена выбрали столь распространённые и незначительные темы³⁷.

Обмен мнениями на собраниях и споры, являясь показателем интеллектуальной деятельности, показывали степень развития народа и алимы того времени, а также темы, которыми они в данный момент заняты. Как видно, имамы в то время были больше заняты вопросами логики, калама и древней философии.

Об итогах экзамена Марджани пишет следующее: «После этого собрания по Казани и её окрестностям стали много говорить о нём, что стало причиной нашей славы.

³⁷ Подробнее о темах, поднятых на этом собрании см.: Мустафад ал-ахбар. – Т. 2. – С. 44–46.

После собрания Мухтар ибн Мухаррам пришёл к нам в качестве посла от Ибрахим-бая и народа прихода с просьбой стать имамом, хатибом и учителем соборной мечети первой махалли. Я сказал, что моё согласие зависит от разрешения отца, и уехал в деревню. Позже я был извещён о решении членов прихода и приглашён на праздничный обед в честь Курбан-байрама. Вместе с отцом мы приехали в Казань. Это было большое собрание. Через месяц после моего возвращения в деревню на трёх санях и восьми лошадях меня приехали забирать из Ташкичу. Таким образом, я окончательно переехал и 12 мухаррама 1266 х. / 28 ноября 1849 г. первый раз был имамом во время пятничного намаза».

Как видно из этих событий, Марджани стал имамом в Казани не из-за [высоких покровителей], унижения и двуличия, а при помощи своих стараний и осведомлённости, он пожинал плоды своей учёности. Если бы не было того испытательного собрания, натура Марджани, который высоко ценил себя, никогда бы не позволила ему унижаться перед богачами, чтобы стать имамом.

Известно, что для назначения имамом Марджани наибольших усилий на этом собрании приложил ишан Али. Он советовал Ибрахим-баю, говоря: «Нужно постараться такого осведомлённого и здравомыслящего человека назначить имамом, чтобы народ смог воспользоваться его знаниями. Если мы не назначим его учителем в такое хорошее место, как Казань, есть вероятность, что его знания пропадут. На-

род нынче не ценит знания».

Так как в это время дорожное сообщение было прервано, Марджани пришлось около 1,5 месяца жить в Казани. Лишь потом он смог поехать в Духовное управление Уфы для сдачи экзамена. Из-за того что он был человеком Ибрахим-бая или по какой-то другой причине в первый свой приезд в Уфу он увиделся с Габдулвахидом ибн Сулейманом ('Абд ал-Вахид ибн Сулайман), бывшим в то время муфтием, и гостил у него.

В книге «Мустафад ал-ахбар» про экзамен в Уфе Марджани пишет следующее: «Я гостил в доме муфтия Габдулвахида, он привёл меня в суд и, обратившись к кади, сказал: «Мы экзаменовали этого человека и нашли достойным алимом. Что скажете вы?» Каждый из трёх кади ответил: «Хазрат, если нравится вам, то понравится нам». Потом, следуя порядку, велели прочесть суру «ал-Фатиха». Я сделал это, сидя на скамейке возле муфтия. Таким образом, экзамен был окончен, мы совершили дуа и вышли из зала заседания».

Известно, что Марджани, ожидавший, что в Управлении во время экзамена ему зададут много вопросов, получив задание лишь прочитать суру «ал-Фатиха», немного удивился и чуть-чуть ошибся. А, возможно, на него подействовало и то, что он не знал, что в Управлении не был заведён определённый порядок сдачи экзаменов, не были установлены вопросы, и поэтому он выучил все, не уделяя особого внимания «ал-Фатихе».

После этого Марджани вернулся в Казань и прожил там 1,5 месяца. 27 джумад ал-аввал 1266 х. / 30 марта 1850 г. он получил указ о своём назначении имам-хатибом и учителем в 1-ю мечеть и стал служить приходу и обществу.

Медресе. Первые уроки и первые ученики. Черты характера, проявившиеся в медресе

Когда Марджани переехал в Казань и поселился там, в медресе уже собралось много шакирдов. Глубина его знаний была давно известна шакирдам Казани и её окрестностей, поэтому даже довольно взрослые шакирды написали ему письмо о том, что с большой радостью ждут его приезда. И шакирды старших курсов, до этого времени получавшие знания у знаменитого мударриса Казани дамеллы Баймурата, именно в этом году ушедшего в мир иной, решили перейти в медресе Марджани. Также среди обучающихся было много новых приезжих шакирдов.

В одном из своих сборников Марджани так пишет о численности учеников: «25 человек пришли от Баймурат-хазрата, 23 остались от Сагид-хазрата, 17 человек приехали только в этом году».

Так как Марджани любил знания, а шакирды очень ждали его, спустя 3–4 дня после своего приезда в Казань, в среду 26 мухаррама 1266 х. / 12 декабря 1849 г. он впервые вошёл

в медресе для начала занятий. Когда шакирды спросили у него, с какого предмета начнётся обучение, Марджани ответил: «Урок начнём с того предмета, какой вы выберете сами. Но лучше всего будет начать с тафсира» и провёл урок тафсира³⁸.

В то время Марджани проявлял большое усердие, уделяя большое внимание преподаванию и довольно много времени проводил в медресе. Спустя год после своего назначения имамом умерла его первая жена, и он больше года жил один, не женился, большую часть времени трудясь на пути знаний. Директор и хозяин медресе Ибрахим-бай также отмечал образованность и усердие Марджани, гордился тем, что его медресе стало лучшим в округе. Ибрахим-бай очень уважал Марджани и старался во всём оказывать ему помощь и поддержку. Даже свадьба Марджани на третьем году назначения имамом и первая брачная ночь молодожёнов прошли в доме Ибрахим-бая.

Спустя год после назначения Марджани имамом скончался мулла Хабибулла ибн Рахманкули, имам 4-й мечети Казани, и многие его старшие шакирды также перешли к Марджани.

За пять лет успешной и плодотворной работы медресе

³⁸ Имам деревни Тинчали услышал об этом от одного из первых учеников Марджани муллы Джамалутдин-хазрата Биккули и упомянул этот факт в своём личном письме.

Марджани взрастило следующих преданных пути знаний мыслящих людей: Хусаин ибн Фаизхан, Гаййас Махдум, Наджиб ибн Баймурат, мулла Гимран ибн Сагид ал-Багиши, знаменитый Камал-кари, имамы Казани: мулла Ахмад ибн Вафа и Худжа-Ахмад Музаффари.

Должно быть, в то время Марджани пользовался большим авторитетом, через три года после своего назначения имамом он получил участок в самом лучшем месте прихода и построил там дом.

Но успешная деятельность Марджани и развитие его медресе были недолгими. Многим муллам Казани не понравились его взгляды в вопросах вероубеждения и исламского права, его справедливая критика задела их. Больше всего у него испортились отношения с Ибрахим-баем, у Марджани даже дважды забирался указ о назначении его имамом, медресе прекращало свою работу, шакирды распускались. А сам Марджани испытал немало трудностей. Для того чтобы понять причины этого, мы пишем следующую главу.

Ибрахим-бай. Исламские суды в Казани. Характер Ибрахим-бая, его отношение к Марджани и другим людям. Развитие медресе. Труды в области религиозных знаний

Ибрахим ибн Губайдулла ибн Мухаммад-Рахим ибн Юнус, известный как Длинный Ибрай, был одним из самых известных и авторитетных богачей Казани. По богатству он превосходил большинство богачей города. Он сам и его отец были знакомы с людьми из правительства, имели довольно большой авторитет и совершили немало полезных для мусульман дел. Однажды Ибрахим-бай съездил в Петербург по делам общины. Во время своего приезда в Казань Александр, будучи наследником престола, и сын Александра II, наследник престола Николай³⁹ заходили в медресе прихода Ибрахим-бая. Тогда же наследник престола был гостем в доме Ибрахим-бая.

Была и более весомая причина того, что мнение Ибрахим-бая пользовалось среди народа авторитетом. В то время

³⁹ 22 сафара 1278 х. / 17 августа 1861 г. в пятницу Николай на предвечернем намазе был в мечети первого прихода, смотрел, как совершают коллективный намаз. Об этом Марджани пишет в личном сборнике. В это время Марджани был имамом в намазе. [После окончания намаза] он вслух совершил дуа за наследника престола.

у мусульман Казани были определённые привилегии. Самая важная из них – это наличие у мусульман трёх судов, первый из которых занимался наследственными делами и следил за сохранностью имущества сирот. Вторым судом собирали с мусульман налоги и распределял их в надлежащие места. А в последнем суде рассматривались остальные дела, касающиеся мусульман. Все эти суды имели одного председателя, который надзирал за их работой. Человек на эту должность утверждался мусульманами, однажды эти обязанности выполнял и отец Ибрахим-бая Губайдулла, а позже председателем был выбран и сам Ибрахим-бай.

Эти суды были известны как Ратуша, просуществовали довольно долгое время и были закрыты в 1271 х./1855 г. во время Крымской войны⁴⁰.

Так как Ибрахим-бай обладал и этими привилегиями, многие люди обращались к нему с просьбой, выказывали ему всяческое почтение и боялись открыто противостоять ему.

Кроме этого двери его дома были открыты для каждого, он был гостеприимен, часто проводил у себя собрания алимов, участвовал во многих делах, касающихся мусульман, и многие дела совершались именно так, как того хотел он. В назначении Марджани имамом Ибрахим-бай также сыграл немаловажную роль.

Из-за всего этого Ибрахим-бай ставил себя выше не толь-

⁴⁰ Во 2-м томе «Мустафада ал-ахбар» на стр. 333–342 написана пара слов об этих судах и людях, работавших в них.

ко всех богачей, но и мулл, старался всё делать по-своему, и его своенравие часто одерживало победу над его совестью. Любил веселиться, шутить с муллами и шакирдами. Гордась своим богатством и авторитетом, он частенько перебарщивал в своих шутках, унижал и оскорблял даже очень уважаемых людей, ставя их в неловкое положение.

Однажды он взял самого знаменитого учителя Казани с собой на свадьбу. Когда в дороге в одной деревне им преподнесли испить медовуху, Ибрахим-бай стал упрашивать учителя: «Хазрат! Выпей медовуху. Это хорошая вещь. От неё не пьянеют». Тут учитель вспомнил, что Ибрахим-бай обычно мстил тому, кто не слушает его слов, и сказал своему соседу: «Если мы не выпьем это, он может опозорить нас, посадив посреди леса и оставив там. Станешь посмешищем для всего народа» и вынужден был маленькими глотками выпить медовуху.

Однажды Ибрахим-бай пригласил к себе в гости муллу прихода и пригвоздил его обувь у входа в дом. Когда мулла надел обувь и захотел сделать шаг, то упал возле двери. Ибрахим-бай вдоволь посмеялся от проявленного таким образом «уважения» к мулле прихода.

Смеяться и издеваться над шакирдами он любил ещё больше. Иногда Ибрахим-бай звал их в гости и кормил их до отвала похлёбкой из полбы, говоря: «Шакирды! Другого угощения нет. Я позвал лишь для того, чтобы позабавиться». А позже он ставил на стол всевозможные яства и смеялся.

ся над шакирдами, которые не могли есть, так как их желудки были полны. А если же шакирды всё же сидели и ждали, что бай угостит их чем-нибудь более вкусным, он говорил: «Не обижайтесь, другой еды нет» и выпроваживал их, смеясь им вслед. Ибрахим-бай устраивал много таких шуток и издевательств, о большинстве из которых сложили рассказы и анекдоты.

Так как Марджани приходилось общаться с Ибрахим-баем, являющимся председателем прихода и надзирателем мечети, ему оставалось выбрать одно из двух: либо не высказывать свои мысли и планы, закрывать глаза на все недостатки Ибрахим-бая, плясать под его дудку, терпеть его унижения и выполнять все приказы. Либо не обращать на него особого внимания, не боясь перемены отношения к себе, говорить правду, не отходить от середины и остерегаться совершать противоречащих шариату и совести поступков из страха перед мстостью Ибрахим-бая.

Как бы Ибрахим-бай ни уважал Марджани, он всё же не отказывался от своих шуток, вёл себя с ним так же, как с остальными муллами и хотел помыкать Марджани. Но Марджани был серьёзным человеком, и его высокая натура не позволяла ему быть игрушкой в чужих руках и следовать за чужими взглядами, поэтому и с Ибрахим-баем он общался довольно сдержанно. Он считал унижением жить как некоторые муллы и слуги бая, смотрящие ему в рот, поэтому не возвеличивал его больше заслуженного.

Кроме этого Ибрахим-бай получил кое-какое образование и имел небольшие знания в области морфологии и синтаксиса, поэтому он вмешивался в образовательный процесс медресе, а иногда даже отменял приказы, вынесенные тем или иным учителем. Когда однажды Марджани решил отчислить из медресе ученика, не отличавшегося прилежным поведением, Ибрахим-бай высказал ему: «Почему ты без моего разрешения отчисляешь учеников из моего медресе?», наговорил ещё много некрасивых слов и запретил выносить решение об отчислении. Вдобавок этот ученик не брезговал лгать и частенько рассказывал Ибрахим-баю, будто Марджани распространял слухи о нём и высказывал противоречащие шариату речи. Именно он и стал первой причиной напряжённых отношений между Марджани и Ибрахим-баем, из-за него произошло немало смут. Среди людей того времени эта история запомнилась как «История Бей Хасана».

После этого между Ибрахим-баем и Марджани произошло ещё несколько событий. Однажды Ибрахим-бай сказал ему: «После вечернего намаза я устраиваю собрание алимов и хотел бы, чтоб ты присутствовал на нём». На что Марджани ответил: «Я обещал одному человеку, что после вечернего намаза приду к нему», упомянув при этом имя одного бедняка. Ибрахим-бай подумал, что Марджани не сможет предпочесть его какому-то бедняку, и всё же устроил собрание. Он даже не мог предположить, как можно оставить богача и уйти к бедняку.

Марджани же сначала выполнил своё обещание и лишь потом пришёл на собрание. Ибрахим-бай очень разозлился и высказал много некрасивых слов перед всеми собравшимися. Марджани же сказал, что сначала следует посетить того, кто первый пригласил, кому первым было дано обещание, потому что шариат велит поступать именно так.

В другой раз Ибрахим-бай решил посмеяться над Марджани так же, как он это делал с другими муллами. На что Марджани сказал: «Если ты не прекратишь издеваться подобным образом над людьми, ноги моей больше не будет в твоём доме».

Но такое отношение и такое общение было не по нраву хозяину медресе Ибрахим-баю, и их отношения дали трещину. Льстивые муллы, крутившиеся возле бая, всё больше начали пересказывать ему дурные сплетни про Марджани. Некоторые даже говорили: «Взгляды Марджани противоречат шариату. Есть сомнение, что прочитанный за ним намаз будет принят». Эти слова действовали на Ибрахим-бая, который и без того стал недолюбливать Марджани, и они всё больше отдалялись друг от друга.

Надо отметить, что некоторые видели в этом и вину самого Марджани. Они говорили: «Марджани слишком справедлив, не любит, когда ему делают замечание, считает, что на свете нет ничего превыше истины и знаний. Поэтому и к Ибрахим-баю он относился предвзято. Если бы он хоть немного сделал вид, будто считает его своим другом и выка-

зал небольшие знаки уважения, они были бы друзьями». По этому поводу родственник Ибрахим-бая Мухаммадрахим ибн Исхак сказал следующее: «Ибрахим-бай знал немного арабский язык и мог оценивать знания Марджани. Однажды, возвращаясь с пятничного намаза, он сказал: «Наш Шихаб-мулла лучше всех мулл Казани. В его знаниях нет ни малейшей погрешности. Во время сегодняшней хутбы он сказал: «Ва тахтаха...» [пер. – «и под нею». – Г. Р.]. Другие же муллы не знают даже значения этих слов. Если бы наш мулла не был столь горд и безразличен к другим, цены бы ему не было».

Также Мухаммад-Рахим рассказывал: «Знаниям Марджани невозможно было не удивляться. Если он углублялся в историю, он рассказывал всё в мельчайших подробностях, будто сам присутствовал при описываемых событиях. А если речь заходила о ком-либо, Марджани с большой точностью называл его предков, жён и детей и весь его род. Если же он приводил какой-нибудь хадис, то сообщая, о ком говорится в нём, он без заминки и так последовательно приводил доказательства, будто читал по книге. Его таким знаниям и памяти удивлялся весь народ, присутствовавший на собрании. Поэтому Ибрахим-бай так хорошо относился к Марджани. И лишь муллы непомерно возвеличивали бая и портили отношения между ними, рассказывая много плохого о Марджани. Однажды один известный преподаватель, заведя речь о Марджани, сказал Ибрахим-баю: «Вероубеждение этого че-

ловека искажено. За деньги, потраченные на то, чтоб сослать его в Сибирь, ты получишь столько же награды, как за хадж. В Судный день ты не будешь спрошен за богатства, потраченные для этой цели». Такие слова и сплетни окончательно испортили отношения между Марджани и Ибрахим-баем. Причина по большей части именно в этом».

* * *

В это время Сагид-хазрат вернулся из хаджа и, жалея о том, что оставил должность имама, захотел вернуть её себе. Конфликт между Марджани и Ибрахим-баем он воспринял как удачу для себя, стал ходить на собрания и льстить баю. Наконец, копая под Марджани, его недоброжелатели написали на него жалобу о том, будто он прочитал никах несовершеннолетней девушке. Больше из-за авторитета приближённых Ибрахим-бая, нежели из-за правдоподобности слухов 8 зу-л-хиджи 1270 х. / 21 августа 1854 г. Марджани был лишён указа имама и отстранён от преподавания в медресе. Немного подсуетившись, Сагид-хазрат снова занял должность имама.

Эта ситуация больше всего навредила медресе и талантливым, влюблённым в знания и подающим надежды шакирдам. Хоть они и устроили собрание, где заявили, что ни у кого, кроме Марджани, они обучаться не будут, так как не хотят потратить свою жизнь впустую, был оглашён приказ об от-

числении шакирдов, не посещающих уроки Сагид-хазрата, и они были вынуждены со слезами покинуть медресе. Так, самое перспективное медресе смогло сохранить лишь 5–6 шакирдов и стало похожим на развалины. А ученики Марджани разбрелись по другим учебным заведениям.

Эта история сильно повлияла на Марджани. Должно быть, он перестал возлагать надежды на работу в Казани. Шакир ибн Мухаммаджан Казаков рассказывал, будто Марджани поделился с одним из друзей: «Если на этой земле я не смогу служить знаниям, у меня есть намерение переехать в земли ислама, в сторону Багдада». В это время все казанские муллы были настроены против Марджани, было сложно устроиться на работу, поэтому он был вынужден предпринять какие-либо меры, и пришёл именно к такому решению.

После этого ситуация была тщательно рассмотрена, и выяснилась невиновность Марджани. Тогда весь народ приходит объединился, сказав: «Нельзя снимать с должности столь образованного человека лишь из-за такой мелкой погрешности по прихоти некоторых людей. Нам не нужен другой имам». Новый приговор был рассмотрен в Министерстве внутренних дел, и спустя год, 12 шавваля 1271 х. / 17 июля 1855 г., Марджани был вновь утверждён на должность имама. В этом деле ему большую помощь оказал Шагиахмет Алкин (отец Сайтгарая Алкина, одного из тех, что написали жалобу), бывший в то время полицмейстером в Казани⁴¹.

⁴¹ В книге «Мустафад ал-ахбар» (Т. 2. – С. 343) Марджани приводит биогра-

После получения на руки указа Марджани, которому неуместное вмешательство Ибрахим-бая в его дела надоело, написал заявление в Духовное управление о том, что сам в состоянии управлять учебным процессом и делами медресе, и получил документ, запрещающий другим вмешиваться в эти дела.

После этого многие бывшие шакирды Марджани вновь вернулись в медресе. Он несколько лет руководил медресе по своему желанию и усердно преподавал. Но, разозлившись на то, что в медресе дела идут не по его воле, Ибрахим-бай уменьшил количество оказываемой помощи. Он больше не участвовал в ремонтных работах и не укреплял ветхие постройки.

Марджани неоднократно обращался к Ибрахим-баю с просьбой выделить людей для ремонта здания, но тот остался безразличным. В «Мустафад ал-ахбар» Марджани пишет об этом медресе: «Спустя некоторое время здание медресе

фию Шагиахмета, упоминает его деяния, которые можно ставить в пример многим мурзам. В своём послании (рисале), в котором в первый раз приводится биография Марджани, мулла Джамалутдин ат-Тинчали приводит следующее высказывание Шагиахмета Алкина: «Во время моей службы полицмейстером ко мне приходило много казанских баев и мулл, дурно отзывающихся о Марджани. После их многократных просьб снять его с должности имама, я, наконец, согласился им помочь. Но позже, хорошо подумав над этим вопросом, я понял, что эти люди делают всё из зависти к Марджани. Тогда я сказал себе: «Какой же из меня мусульманин, где же мои старания во имя справедливости, если я соглашусь вынести обвинительный приговор против такого великого учёного, как Марджани?» Поэтому я закончил это дело без вреда для него, взяв обратно своё обещание, данное людям. Хвала Аллаху, я выбрал истину в этом деле».

обветшало и пришло в аварийное состояние. Я сам и через людей просил помощи в ремонтных работах, но все остались безучастны. Позже при поддержке жителей прихода мы позвали в свой дом Ибрахим-бая и ещё около десяти богачей и стариков соседних приходов, чтобы посоветоваться о судьбе медресе. Я первым высказал просьбу о восстановлении медресе. Когда Ибрахим-бай ответил, что у него нет времени, я сказал: «Если у вас нет времени, разрешите заняться этим делом другим людям». На что он ответил, что всё решит сам, когда найдёт на это время. Даже когда весь народ прихода умолял разрешить им самим на свои деньги отремонтировать медресе, их слова остались без внимания. Желанием бая было либо дождаться, когда в медресе что-нибудь рухнет и при этом погибнут люди, вспыхнет скандал, а он будет наблюдать всё это и смеяться; либо, когда ученики уже не смогут выдерживать таких условий и уйдут из медресе, распространить сплетни, будто мулла не бывал в медресе и не обучал шакирдов».

Ученики того времени следующим образом описывали медресе: «Ибрахим-бай толком не смотрел за медресе и не разрешал делать это другим, а остальные богачи не решались без его согласия осуществлять помощь медресе. Медресе было похоже на заброшенное здание, местами оно уже рушилось. Верхний этаж здания был деревянным, и некоторые углы прогнили. Для того чтобы медресе не обрушилось, в нескольких местах оно подпиралось столбами. Стены бы-

ли влажными, а полы – прогнившими и даже развалившимися. Зимой сильно дуло сквозь щели в окнах. Окна столовой были разбиты, двери были открыты настежь, в медресе заходили животные. Вода, пролитая зимой, тут же замерзала, поэтому потолки становились всё ниже и ниже, так, что стали касаться головы. Медресе не снабжалось водой. Мы сами вёдрами таскали воду из озера Кабан и даже зимой совершали омовение на улице. Вдобавок ко всему в медресе было очень холодно. Когда мы приходили к Ибрахим-баю с просьбой выделить нам дрова, он смеялся над нами, говоря: «Да не умрёте вы от холода. На улице много снега, топите печь снегом» и посылал нам дрова лишь с наступлением холодов.

Позже полиция узнала о таком состоянии медресе, и к нам пришли с проверкой. Огласили, что в таком здании жить невозможно. Хотя после этого для отвода глаз Ибрахим-бай и обшил медресе с внешней стороны досками, через год медресе вновь пришло в негодность»⁴².

До возведения нового здания Марджани 22 года старательно преподавал в этом медресе, несмотря на все трудности. Он не оставил это учебное заведение, ссылаясь на безразличие к его работе и медресе. И никогда не пропускал занятия, проводил их с усердием и старанием.

Когда медресе переживало трудные времена, невозможно было сделать его больше. Какие бы меры Марджани не пред-

⁴² Это я записал со слов муллы Киямутдина ат-Тарджемани (Киям ад-дин ат-Тарджемани).

принимал, с одной стороны, из-за каверзных сплетен мулл о нём, с другой – из-за отсутствия материальной поддержки, он не смог добиться больших результатов. Поэтому учащиеся медресе, которое должно было быть основой для пробуждения и развития нации и стать примером для всех религиозных учебных заведений, не смогли особо прославиться. А их численность частенько достигала 70–80, а иногда и 100 человек.

* * *

Даже если в течение этих 22 лет состояние медресе, в котором работал Марджани, казалось несчастным и убогим, обладающий высокой натурой и работающий Шихабутдин не проводил это время в горести, не распространял сплетен. Он проявлял терпение по отношению ко всем трудностям, и, пользуясь существующими возможностями, создал много важных работ. Всё время, остававшееся после преподавания и дел прихода, он посвящал чтению и творчеству. В это время он совершил множество важнейших дел, самые значительные книги были написаны именно в этот период. Труды «Назурат ал-хакк», «ал-Хикма ал-балига», толкование «Мулла Джалал», имеющие важное значение в вопросах религии, поднявшие в своё время вокруг себя много шума и подействовавшие на общественное мнение, написаны именно в это время.

Он потратил много сил, провёл тщательные исследования и первым заложил основы нашей национальной истории. Он донёс до мировой общественности существование тюрко-татарской нации и рассказал её славную историю. Первым в этой области написал книгу «Гилалат аз-заман фи тарихи Булгар ва Казан». Эта книга была переведена на русский язык известным востоковедом Радловым и представлена на обозрение собрания археологов, на котором присутствовал и сам Марджани. Позже в книге «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар» он более подробно описал историю татар. Опубликовал «Гурфат ал-хавакин», имевший большое значение для истории Средней Азии. Большую часть произведения «Вафиййат ал-аслаф ватахиййат ал-ахлаф», состоящего из 7 частей, он написал именно в этот период.

Марджани также был редактором печатных Коранов того времени и, приложив немало усилий, первым в Казани опубликовал Коран, соответствующий Книге времён сахабов. Также в этой области он написал очерк «Фаваид ал-мухимма».

Несмотря на то что, думая о развитии медресе Марджани, мы испытываем некоторую жалость, наши души находят утешение, представляя, что даже в такое время он сумел найти возможность написать столь важные книги. Возможно, на это повлияла малочисленность учеников и отсутствие особых дел в медресе.

Уход из медресе. Здание медресе «Галия». Порядки в медресе. Образовательные программы

С течением времени авторитет Марджани начал расти, увеличилось число приверженцев его трудов, понимающих уровень его знаний. Хотя и нехотя, но и казанские муллы обращались к обладающему глубокими познаниями, сильному и гордому Марджани при выполнении некоторых особо важных дел.

В то время в Казани был распространён очень важный обычай. В религиозные праздники ('ид) весь городской народ собирался в одном месте Новотатарской слободы и за одним имамом читал намаз. В 1279 х./1863 г. народ позвал на это место Марджани. Он совершил праздничный намаз Курбан-байрама в качестве имама⁴³.

В 1284 х./1867 г. Духовным управлением Марджани была признана степень ахуна и мухтасиба.

В 1286 х./1869 г. казанский губернатор попросил его на-

⁴³ Такие праздничные намазы, соответствующие сунне и взаимоотношениям мусульман времён сахабов, были забыты по большей части из-за междоусобиц. Этот обычай должен быть возрождён в первую очередь. Его легко выполнить в маленьких городах и деревнях. Раньше праздничные и пятничные намазы совершались при участии всего городского и деревенского населения в одном месте. Имамы некоторых деревень близ Казани, состоящие из двух-трёх приходов, читали пятничные намазы вместе.

писать брошюру на татарском языке о защите животных и милосердном отношении к ним. Книга, написанная Марджани, была принята губернатором, и тот отправил Шихабутдин благодарственное письмо с личной подписью. А данная брошюра была напечатана на государственные деньги и распространена среди татар.

В это время авторитет Марджани рос с каждым днём, увеличивалось число близких друзей, а уважение к Ибрахим-баю после ликвидации мусульманских судов, наоборот, уменьшалось. Вдобавок к этому, он затронул самолюбие остальных богачей прихода, которые приходили к нему с просьбой отремонтировать медресе и натыкались на стены безразличия. Тогда самые богатые люди прихода собрали деньги и купили вместе со всеми домами землю, на которой сейчас стоит медресе Марджани. 2 рамадана 1288 х. / 9 ноября 1871 г. ученики покинули медресе Ибрахим-бая и начали жить в одном из этих домов. Когда Ибрахим-бай услышал об этом, он сказал: «Люди прихода бараны, что они смогут сделать без меня?» Эти слова лишь ещё больше подстегнули жителей прихода, и они стали ещё больше заботиться о медресе. Купив и соседний участок, люди присоединили его к медресе.

Марджани, который претерпел много унижений по той причине, что медресе, в котором он работал, было в руках частного лица, от имени людей прихода написал письмо в Духовное управление с просьбой назначить специальных

попечителей для присмотра за мечетью, медресе и имуществом, завещанным на благотворительные цели. Он получил ответ, свидетельствующий о том, что государство и Духовное управление назначает попечителей школ, медресе и мечетей⁴⁴.

После этого Ибрахим-бай возвёл новое каменное здание для медресе и оповестил Марджани, что шакирды могут заселяться туда. Хотя Марджани и ответил ему, что шакирды переедут в новое здание лишь после полного перехода медресе в распоряжение жителей прихода, Ибрахим-бай не принял это условие. Позже он всё же согласился, но уже жители прихода отказались заселять шакирдов. Для решения этого вопроса Ибрахим-бай даже обращался к инспектору татарских школ и известному востоковеду Радлову, но ситуация осталась без изменений⁴⁵.

⁴⁴ Мустафад ал-ахбар. – Т. 2. – С. 353.

⁴⁵ По этому поводу 1 августа 1875 г. Радлов отправляет Марджани запрос под № 90. Весь текст письма, кроме начальной подписи, написан на татарском языке: «Указному мулле Шихабутдину Бахаутдину. Коммерческий советник Юнусов хотел подарить это здание (медресе), в то время жители прихода не согласились с поставленными им условиями. Сейчас Юнусов изменил эти условия и сообщил мне об этом. Он согласен подарить это здание в пользу медресе при следующих условиях: первое – это здание должно принадлежать лишь медресе прихода, а если народ пожелает воспользоваться им в иных целях, они должны будут получить разрешение Юнусова или его наследников. Второе – имущество медресе прихода должно быть под руководством людей, избранных самим приходом. И правила для этих людей должны быть по закону утверждены Министерством народного просвещения. Данные условия дарения кажутся мне очень

Следует заметить и следующее: после переезда в новое здание медресе муллы Казани написали в Духовное управление жалобу на Марджани, будто он начал пост в рамадан на один день раньше. Под этим предлогом Управление на полгода лишило его указа и отстранило от обязанностей имама. Естественно, на принятие такого решения повлияли и его отношения с Ибрахим-баем. Позже выяснилось, что в Стамбуле, Харамайне [Мекке и Медине], Шаме, Бухаре начали поститься именно на день раньше, и что Марджани был прав. После проведённого расследования Марджани был возвращён указ.

(Про Ибрахим-бая нужно заметить следующее: какими бы холодными не стали его отношения с Марджани, он никогда не переставал помогать ему материально. Даже когда Марджани был лишён указа, Ибрахим-бай продолжал посылать ему подарки. В этом отношении Ибрахим-бай не изменился. Об этом рассказывает один из родственников Марджани Сафиулла-хазрат. Это тоже немалые старания.)

После этих событий медресе Марджани начинает развиваться, с каждым годом растёт число шакирдов. Спустя несколько лет некоторые части здания немного обветшали и

привлекательными, потому что после этого здание полностью переходит в руки жителей прихода. Поэтому, будучи сам с ними согласным, я хочу посоветоваться с Вами. Что Вы думаете по этому поводу? Считаете ли Вы принятие здания на таких условиях выгодным делом для медресе? Прошу Вас ответить в скором времени. Инспектор татарских школ Радлов». Этот документ и по сей день хранится в библиотеке Марджани в своём первоначальном виде.

стали непригодными для проживания шакирдов. Тогда богатые люди прихода Марджани и его друзья из других медресе на общие деньги начали строительство каменного здания, ныне известного как медресе Марджани (медресе «Галия»). 13 зу-л-каада 1298 х. / 25 сентября 1881 г. здание было сдано в эксплуатацию, в него заселились шакирды, и начались занятия. Наибольшую помощь в этом деле оказал друг Марджани Сафа-хаджи Галикаев, который вложил в строительство около семи тысяч рублей. Больше всего усилий же приложил заведующий медресе Зайнулла ибн Гусман (Зайни-хаджи), совершивший паломничество вместе с Марджани.

Здание медресе было спроектировано таким образом, что длинный коридор разделял его на две части, по обе стороны от коридора располагались комнаты и классы. Это медресе было самым совершенным и современным учебным заведением тех лет. Марджани проработал в нём восемь лет – до конца своей жизни.

Марджани не только хотел построить красивое медресе, также он хотел привить своим шакирдам определённые правила. Не известно, что до этого времени в других медресе были введены правила поведения для шакирдов.

Марджани написал для медресе «Галия» первый свод правил.

После описания медресе, в котором работал Марджани, мы хотели бы написать и об учебниках и учебных программах, которые он использовал.

Сейчас у нас имеется четыре дюжины расписания уроков, по которым Марджани преподавал в разное время. Известно, что расписание, которое когда-то считалось новым, спустя некоторое время устаревало. Даже если по сравнению с расписанием уроков в Бухаре, о которых писалось выше, правила Марджани казались новыми и реформированными, они были намного старше расписания медресе последних лет, и в них есть достаточно мест, которые могли бы подвергнуться критике. Поэтому мы судим о расписании уроков Марджани, сравнивая его с методами, заведёнными в медресе Бухары и других городов того времени. Ниже мы приводим два расписания, по которым он сам преподавал.

Первое расписание: «По грамматике «Кафийа» – 2 урока; «Шарх Мулла» – 2 урока; по красноречию «Талхис» – 1 урок; по логике «Шамсиййа» – 2; «Шарх тахзиб ал-мантик» – 2; «Суллам ал-‘улум» – 2 урока; по философии «Хикмат ал-‘айн» – 1 урок; по акиде «Тахзиб ал-калам» – 2; «Шарх ‘акида ан-Насафи» – 2; «Мулла Джалал» – 1 урок; по основам исламского права «Таудих» и его комментария – 2 урока и по исламскому праву «Мухтасар ал-викайа» – 1;

«Шарх ал-викайа» – 1; «ал-Хидайа» – 1; «Фараид» – 1; по этике «‘Айн ал-‘илм»; «ат-Тарика ал-мухаммадия» – 1 урок; по хадисам «Мишкат ал-масабиx» – 1 урок».

Второе расписание: «По грамматике «Кафийа» – 2 урока; «Шарх Мулла» – 1 урок; по логике «Шамсийа» – 2; «Шарх тахзиб ал-мантик» – 1; «Мирза Захид», примечания «Тахзиба» – 2; «Суллам ал-‘улум» – 2; «Кади Мубарак», примечание на «Суллам» – 3 урока; по вероубеждению «Тахзиб ал-калам» – 1; «Шарх ‘акида ан-Насафи» – 3; толкование (хашиййа) «‘Акиды» – 2 урока; «Хайали» – 2; «Мулла Джалал» – 2 урока; по основам исламского права «Таудих» и его комментария – 3 урока и по исламскому праву «ал-Хидайа» – 1; «Мухтасар ал-викайа» – 1; «Шарх ал-викайа» – 1; «Фараид» – 1».

Кроме предметов, указанных в этих расписаниях, Марджани больше, чем другие преподаватели, уделял внимание каллиграфии и чтению. Несколько лет сам преподавал шакирдам. Его наставления о том, что нужно стараться читать Коран правильно, подействовали и на некоторых богачей, и такие казанские баи, как Сафа-хаджи Галикай, Гайса-хаджи Мусин, Чутай Даут и другие обучались у Марджани. Позже Камал-кари вернулся из Египта, начал читать Коран в Сенной мечети Казани, и многие ученики Марджани начали ходить в эту мечеть⁴⁶.

Первое из указанных выше расписаний использовалось

⁴⁶ Я услышал эти слова от кари (чтеца Корана) Садика Галикая.

раньше второго. Судя по ним, дела обстоят не очень хорошо. Марджани, который критиковал методы преподавания, заведённые в Бухаре, предложил способы их изменения и написал много книг на эту тему, почему-то в своём медресе и на своих уроках не ввёл должного порядка. Несмотря на то что предметы должны были ежегодно меняться, в расписании Марджани этого не видно. Хадисы, красноречие, этика, древняя философия, указанные в первом расписании, были оставлены, вместо них увеличилось число уроков по логике, каламу и примечаниям, не имеющие особого значения. Ещё более странным кажется то, что в медресе, уделяющем наибольшее внимание религиозным дисциплинам, отсутствуют такие предметы, как тафсир, хадис, история ислама и арабская литература. Мы спросили у шакирдов, часто посещавших уроки Марджани и его друзей-современников, почему он не воплощал в жизнь свои взгляды в области преподавания, почему в его расписаниях тафсиру, хадису и арабской литературе уделено мало внимания, поинтересовались, что он говорил о методах преподавания в своём медресе.

Один из учеников Марджани ответил: «Тогда наши головы были забиты лишь логикой, кроме неё и калама мы ничего не знали. Поэтому я не обратил внимания на взгляды Марджани в этой области, не могу ничего вспомнить. Если у него и было много полезных нам знаний, к сожалению, мы не смогли ими воспользоваться». Другой же сказал: «Мне в первый раз задают такой вопрос. Я не слышал, чтобы эта

проблема поднималась».

Так как ответы, полученные у остальных учеников, довольно ясно характеризуют Марджани, шакирдов его эпохи и образовательные тенденции в медресе тех времён, здесь мы приводим анализ этих ответов.

1. Во времена Марджани во всех медресе преподавали на основе методов, распространённых в Бухаре. Шакирды из известных медресе устраивали дебаты между собой по логике, каламу, древней философии, основам права. Они получали большее наслаждение от споров, нежели от истины. Прославленными алимами становились именно те, кто имел знания в этих областях, а тех, кто занимался исламским правом, этикой и другими религиозными науками, называли «замороженными».

Ученики Марджани тоже тесно общались и устраивали дебаты с шакирдами других медресе. Поэтому все его ученики были вынуждены следовать за течением того времени и посвятить себя таким предметам, как логика и калам. Шакирды той эпохи говорили: «Хорошо зная логику, можно изучить всё. Философские понятия являются ключом ко всем наукам». Поэтому они не уделяли должного внимания религиозным предметам. Если бы Марджани обучал по методу, указанному в книге «Мукаддима», ученики, подверженные влиянию общего течения, покинули бы медресе, так как в нём не изучали бы считающиеся в то время важными предметы.

2. Марджани уделял много внимания творчеству и написанию книг, поэтому дела в медресе были предоставлены на усмотрение мударрисов. Им и ученикам была предоставлена полная свобода в выборе расписания уроков и книг. Марджани никогда насильно не преподавал тот или иной предмет, он не любил принудительного образования, а предпочитал, чтобы шакирды сами выбирали нужное себе. Если они просили обучить их чему-нибудь полезному, он очень радовался. Поэтому он проводил уроки по некоторым предметам, не указанным в расписании. Были времена, когда Марджани преподавал по тафсиру «Кади Байдави», «Тафсир Мадарик», «Тафсир Кашшаф», «Тафсир Са‘лаби», по хадису – «Сахих Бухари», «Мишкат», по красноречию – «Талхис». Так как эти уроки чаще проводились в четверг и пятницу, они не указывались в расписании. Многие из учеников, получающие удовольствие лишь от дебатов по логике, не уделяли должного внимания этим предметам и часто сбегали с этих уроков. Эти уроки были не официальными, а частными.

3. Марджани часто говорил своим ученикам, что учебные программы медресе требуют изменений. На многих уроках он обогащал учеников знаниями о тафсире, хадисах, об арабской и персидской литературе, а больше всего об истории ислама, татар, приводил биографии учёных. Он интересовывал шакирдов тем, что изучал эти предметы, запершись у себя в кабинете. Потом Марджани давал учащимся нужные книги. Но шакирды и многие преподаватели всё же

говорили: «Если мы не будем уделять должного внимания логике, нам придётся сидеть с раскрытыми ртами, когда ученики других медресе будут участвовать в дебатах». Поэтому они посвящали себя логике, а когда к концу своей жизни Марджани стал уделять медресе меньше внимания, число уроков по логике и каламу увеличилось.

Сам Марджани очень переживал, что его реформаторские идеи не оказывают влияния на людей и что в их продвижении у него мало союзников. Иногда он открыто выражал недовольство методами преподавания и говорил: «Стараясь быть похожими на медресе Кшкара, Буинска, Казани, уничтожили моё медресе. Все мои планы относительно преподавания, которые я строил в Бухаре, не осуществились. Здесь тратят время на бесполезные занятия, а нужных предметов не изучают. Ах, такое уж время, что поделаться! Я бы не преподавал ни один из нынешних предметов». Но как бы он ни сопротивлялся, эпоха вынуждала его преподавать их. Шакирды тех времён были настолько подвержены влиянию общего течения, что уроки истории и литературы считали скучными. Они говорили: «Сегодня дамелла читал нам какие-то арабско-персидские бейты, провёл время, рассказывая дела давно минувших дней, о том, кто когда родился и когда умер. Мы все не могли дождаться, когда же он остановится». Однажды Марджани принёс ученикам книгу Ахмета Мидхата «Мудафа'а», очень хвалил её и даже зачитал отрывки из неё. После урока один шакирд сказал: «Дамелла увлекается таки-

ми ненужными вещами. Если бы он рассказал нам что-нибудь из области логики, мы бы все смогли воспользоваться этими знаниями. А послушав сегодняшний урок, мы лишь потратили время впустую. При этом было как-то неудобно встать и выйти с урока дамеллы».

Известные ученики Марджани, послужившие народу

Выше мы писали о том, что Марджани преподавал в деревне Ташкичу, в Бухаре и Самарканде. После переезда в Казань он 40 лет был имамом и посвятил себя преподавательской деятельности. Конечно, то, что он с 16 до 74 лет занимался этим, принесло пользу многим людям.

В своих воспоминаниях Марджани пишет следующее о своих уроках и учениках: «В Бухаре и Каракуле я занимался преподаванием семь лет, а потом один год в Самарканде. В бухарском медресе «Мир Араб» в течение одного года выполнял обязанности имама. С 1266 х./1850 г. был учителем в одном из медресе Казани. Среди моих шакирдов были выходцы из Астрахани, Пензы, Саратова, Самары, Симбирска, Казани, Вятки, Уфы, Оренбурга, Тобольска, Томска, Петербурга, Рязани, Костромы, Тамбова, Крыма. Откуда-то их приезжало очень много, а отку-да-то – единицы».

Здесь мы приведём имена и краткую биографию тех, кто получил образование у Марджани, а потом служил наро-

ду, занимаясь преподаванием, создавая приносящие пользу книги, либо каким-нибудь другим делом стал известен людям.

1. Абдулхабир ибн Абдулвахаб ('Абд ал-Хабир ибн 'Абд ал-Ваххаб) ал-Муслими. Он обучался у Марджани в Бухаре, был одним из лучших учеников, влюблённых в знание. Много занимался исследовательской работой, имел светлую голову. После возвращения из Бухары он стал имамом в городе Петропавловске и начал заниматься обучением людей. Большинство его учеников были из казахов. У него были важные идеи об установлении новых порядков общественных дел в медресе и на уроках, реформировании методов преподавания. Об этом, а также о биографиях учёных ближайших окрестностей он писал Марджани в своих многочисленных письмах.

О нём Марджани говорит: «Он был одним из выдающихся учёных своего времени, накопил много знаний и обладал хорошими человеческими качествами». Он испытал все тяготы жизни, на закате своей жизни сильно заболел и 2 шаабана 1296 х. / 11 июля 1879 г. ушёл в мир иной.

2. Мухаммади ибн Салих ал-Уфави ал-Гумари (ал-'Умари). Обучался у Марджани в Бухаре, был имамом в деревне Кара-Кучук (*Кара Көчек*) Белебейского уезда. Один год служил в Макарьеве в качестве имама, после при помощи Марджани был выбран имамом в десятый приход Казани. Был одним из наиболее образованных мулл Казани и одно время

даже исполнял обязанности кади в Уфе. Но почему-то после переезда в Казань влился в течение мулл, настроенных против Марджани. Его медресе в Казани было названо «Гусмания» по имени тех, кто помогал строить его.

Медресе Мухаммади-хазрата было одним из средних⁴⁷. Он умер в 1306 х./1889 г.

3. Хафизутдин ибн Насрутдин. Служил Марджани в Бухаре и в течение трёх лет учился у него. Сам прочёл много книг и участвовал в собраниях алимов Бухары и её округи. Позже исполнял обязанности имама и учителя в деревне Параньга Вятской области. У него есть множество больших и малых трудов, посвящённых тасаввуфу, вероубеждению, исламскому праву, хадисам и др. Но все они хранятся в рукописном виде, многие написаны на арабском, а некоторые – на персидском и татарском языках. В последние годы своей жизни в некоторых вопросах у него возникли разногласия с Марджани, чему он даже посвятил несколько книг. Одно время даже был назначен Духовным управлением корректором Коранов, издаваемых в Казани.

4. Ахмадуллатиф ибн Габдуллатиф (Ахмад ал-Латиф ибн ‘Абд ал-Латиф). В течение одного года обучался у Марджани в Бухаре, а потом исполнял обязанности имама в деревне Тумутук (*Тымтык*) Бугульминского уезда. Был одним из выдающихся алимов тех мест, преподавал многие годы,

⁴⁷ Мечеть Мухаммади-хазрата в официальных кругах именовалась 8-й. Написанные выше слова относились к проекту здания.

из его медресе вышли многие имамы. Занимался также воспитанием муридov. Умер в 1325 х./1907 г. В Бухаре учился вместе с братом Марджани Садрутдином.

5. Хусаин ибн Фаизхан. Выходец из деревни Сабаджай Симбирской губернии. После приезда из Бухары обучался в медресе Марджани у Баймурат-хазрата. Марджани обратил на него внимание, заметив его выдающийся талант, старания, справедливые взгляды. Ещё живя в Казани, Хусаин общался с Казембеком, который преподавал в Университете на факультете восточных языков. От имени Казембека они издали книгу «Мифтах канз ал-Курган»⁴⁸. Хусаин приложил немало усилий для издания этой книги, весьма полезной для ориентации в аятах Корана.

Позже он был преподавателем арабского и турецкого языков в Петербургском университете на факультете восточных языков. А через три-четыре года был назначен лектором на этот факультет. Проработав там до последних дней своей жизни, он умер 29 раби ал-аввала 1283 х. / 30 июля 1866 г. в возрасте 43 лет.

Он является автором знаковой книги, посвящённой татарским медресе и их реформированию⁴⁹. В ней есть много мыслей об истории медресе и состоянии. Фаизханов также напи-

⁴⁸ «Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текста для руководства и исследования религиозных, юридических, исторических и литературных начал всей Книги». – Г. Р.

⁴⁹ Эта книга хранится в библиотеке Марджани. Некоторые мысли из неё упоминаются в книге «Асар». – Т. 2. – С. 432–443.

сал книгу о войне крымских ханов с царями России и Польши⁵⁰. Также он написал на русском языке одну книгу о морфологии и синтаксисе татарского языка, и маленькую статью, посвящённую религиозным обязанностям.

Хусаин много помогал Марджани. Живя в Петербурге, он неоднократно посылал Марджани информацию об истории Казани и Булгар, а также сведения, переписанные из специальной библиотеки восточных языков. Даже число тех записей, сделанных специально для «Вафиййат ал-аслаф», которые мы видели сами, превышает две сотни.

6. Гаясутдин ибн Хабибулла (Гайас ад-дин ибн Хабиб Аллах). Родился в деревне Бик (*Биек авыл*) Тетюшского уезда. Его отец был имамом 4-й мечети Казани. Он проучился в медресе Марджани около десяти лет, накопил большой багаж знаний. Был одним из тех учеников, что заслужили внимание Марджани. Позже он поехал в Бухару, но из-за болезни вернулся в Казань и в течение семи-восьми лет был имамом вместо отца и преподавал. Этот человек был одним из лучших, талантливых, обладающих глубокими знаниями учеников Марджани. Но из-за болезни он скончался совсем молодым в 1287 х./1870 г. Хорошо знал арабский язык и имел поэтический талант. Некоторые из его стихов приводятся в книгах «Мустафад ал-ахбар», «Асар».

7. Гимран ибн Сагид. Выходец из деревни Тавельдино

⁵⁰ Это произведение на татарском языке в объёме 941 страницы, один экземпляр хранится в библиотеке Галимджана ал-Баруди.

(Тәүгилде) Тетюшского уезда. Перешёл в медресе Марджани от Баймурат-хазрата, был одним из лучших учеников, хорошо знал арабский язык, любил читать. Многие ученики Марджани обучались у него. Он преподавал в медресе более 10 лет, после чего стал работать имамом в деревне Багишево (Багыш) и посвятил свою жизнь религиозным наукам и преподаванию. Среди его учеников есть те, которые стали имамами. Умер в 1312 х./1894 г.

8. Камалутдин ибн Сайфутдин (Камал ад-дин ибн Саиф-ад-дин). Родился в Симбирской деревне Кашинка (Кәшә). 10 лет проучился в медресе Марджани. Позже поехал в хадж, обосновался в Египте и учился в медресе мечети «ал-Азхар», выучил Коран. Довольно продолжительное время в мечети «ал-Азхар» был имамом в отделении для тюрок. Преподавал рецитацию Корана.

Вернувшись в Казань, 10 лет преподавал этот предмет в медресе «Мухаммадия». Некоторое время обучал рецитации Корана в Сенной мечети, 4-й мечети Казани. Несколько лет весной ездил в Тюмень и Оренбург преподавать рецитацию. Приложил много усилий для распространения среди татар правильного чтения Корана. Был известен как Камал-кари.

Умел писать различными почерками и несколько лет давал уроки каллиграфии в медресе «Мухаммадия». Будучи в Египте, переписал для Марджани книгу «ат-Табакат ас-саннийя» («Высокая классификация»), состоящую из двух то-

мов и послал много других книг. В «Вафийят ал-аслаф» приводятся составленные им биографии. Умер 17 мухаррама 1324 х. / 31 марта 1906 г.

9. Джамалетдин ибн Габдельлатиф (Джамал ад-дин ибн ‘Абдал-Латиф). Родился в Симбирской деревне Тинчали (*Тинчале*) и многие годы обучался в медресе Марджани. Несколько лет там исполнял обязанности кадия и преподавал некоторые предметы. Много общался с Марджани. При жизни Марджани (1293 х./1876 г.) написал состоящую из 8 страниц брошюру на арабском языке, посвящённую его биографии. Джамалетдин также написал стихотворение на смерть учёного – марсия. Его сын Касим Биккули также был известным учителем и имамом, он тоже обучался у Марджани. Его учебники по истории и чтению, написанные для начальных классов, используются и в школах.

10. Губайдулла ибн Рахматулла (‘Убайд Аллах ибн Рахмат Аллах). Родился в деревне Карла (*Карлы*) близ Буинска. Долгое время обучался у Марджани и был одним из лучших учеников. Потом получил образование в Бухаре. По желанию родителей вернулся в родную деревню и стал там имамом. Несмотря на то что он любил знания и прочёл много книг, Губайдулла не смог в своей деревне устроить большое медресе и преподавать там, так как конкуренцию ему составлял Буинск, известный своими медресе. Сам был поэтом, у него есть стихотворения на арабском, персидском, тюркском языках. В книге Марджани «Назура» также присутствуют его

работы. Получив в тарикате разрешение (иджаза) у Фахрутдина ал-Каратаи из Чистополя, преемника Закир-хазрата, в последние годы своей жизни был ишаном. Умер в 1326 х./1908 г.

У него был сын Абдулла, получивший прекрасное образование, который в юности учился у Марджани, а потом – в «Мухаммадие», несколько лет занимался преподаванием и стал имамом в Буинске. Имеет хорошее медресе.

11. Мингазетдин ибн Абулмагалим (Минхадж ад-дин ибн Абу-л-Ма'алим). Родом из деревни Варяш (Муслюмово) Мензелинского уезда. Долгое время обучался и преподавал в медресе Марджани. В своё время был одним из лучших и самых справедливых учителей. Многие люди обучались у него. После этого он был имамом, учителем и ахуном в медресе деревни Тойгильдино (*Туйгилде*) близ Мензелинска. После окончания медресе он стал хорошим учителем и одним из самых осведомлённых алимов тех мест. У него имеются краткие работы в области калама.

12. Абу бакр ибн Йахуда. Родился в деревне Шахмурза (*Шахмирза*) Симбирской губернии и долгое время учился в медресе Марджани. В библиотеке Марджани мы видели книги, переписанные им. После медресе он уехал в Харамайн и 10 лет получал там знания. Выучил Коран наизусть и выучился рецитации. После этого он вернулся в родную деревню в качестве имама, у него было медресе, в котором он по большей части занимался обучением чтению Корана. В

те времена люди каждую весну приезжали к нему издалека, чтобы научиться рецитации Корана. Был известен как Абу Бакр-кари. Умер в 1321 х./1904 г.

13. Нурулгаян ибн Гайникамал (Нур ал-'ийан ибн 'Айн ал-Камал). Родился в деревне Каран Белебейского уезда. Был одним из самых увлечённых поиском знаний учеников Марджани. Марджани очень доверял ему и представлял на его суд свои самые дорогие произведения. Получив в медресе довольно глубокие знания, два-три года он преподавал там. В библиотеке Марджани нам встретились его работы, посвящённые судебным искам, исполнению предписанных шариатом действий, наследству, вероубеждению. После смерти его отца, довольно известного учителя, был назначен имамом вместо него, в течение 20 лет преподавал на хорошем уровне, поспособствовал распространению знаний и воспитал много хороших имамов. Умер во время хаджа в 1311 х./1893 г.

14. Хуснутдин ибн Сираджутдин (Хусн ад-дин ибн Сирадж ад-дин). Сначала учился в деревне Чекмак (*Чакмак*), а потом – в медресе Марджани и долгое время работал там преподавателем. После этого стал имамом деревни Такермян (*Тажерман*) Мензелинского уезда и с усердием преподавал там. Он всегда был в поиске знаний, и мы не раз слышали о его учениках, добросовестно служащих своему народу.

15. Миргальявутдин ибн Габдулмагалिम (Мир 'Ала'ад-дин ибн 'Абд ал-Ма'алим). Родился в деревне Варяш Мензелинского уезда. Родственник Мингазетдина, о котором мы писа-

ли выше. Закончил медресе Марджани и долгое время преподавал в нём. Имел хорошие знания по официальным предметам, любил читать, поэтому и ученики узнавали много полезного для себя, посещая его занятия. В медресе был известен как «учитель Миргали». И после назначения имамом в деревне Мелля-Тамак (*Мэллэ Тамак*) в родных краях, прославившись своими знаниями, прочёл много книг. До последних дней старался поддерживать медресе в хорошем состоянии.

16. Бурханетдин ибн Габдуррафиг (Бурхан ад-дин ибн ‘Абд ар-Рафи’) аш-Шабкави. Был одним из авторитетнейших учеников, с которым Марджани даже советовался и часто общался. Он помог Марджани в написании некоторых научных работ. Он также внёс несколько дополнений в «Мустафад ал-ахбар» и «Вафиййат ал-аслаф». В качестве приложения написал биографию Марджани. «Хакк ал-ма‘рифат», «Фаваид ал-мухимма» и ещё несколько подобных работ Марджани были изданы от его имени. Сегодня он жив и здоров и исполняет обязанности имама, учителя и ахуна в деревне Казаки.

17. Сафиулла ибн Абдулла (Сафий Аллах ибн ‘Абд Аллах). Родился в деревне Цильна (*Чинлы*) близ Симбирска. После преподавания арабского языка в Буинске стал работать в медресе Марджани. Долгие годы он преподавал там, обладая способностью вызывать интерес шакирдов к своим урокам. В последние годы в медресе было очень мало учеников, не посещающих его занятия. После Марджани был на-

значен имамом в деревню Орда (*Хан Урдасы*) и преподавал там, но спустя некоторое время с «лёгкой руки» некоторых чиновников был отстранён от дел. Позже он был призван в Казань, назначен имамом в первый приход города и стал обучать людей вместе с сыном Марджани Бурханетдином.

18. Галия бинт Шихабутдин. Старшая дочь Марджани. Марджани очень внимательно относился к воспитанию своих дочерей, а этой дочери преподавал морфологию, синтаксис (по морфологии он использовал книгу Замахшари «Муфассал»), уроки «Халаби» и «Хидаййи», она прочла его книгу «Мустафад ал-ахбар», изучала арифметику и персидский язык, обучалась рецитации Корана. При жизни Марджани выучила Коран. Из всех детей Марджани она получила самое хорошее образование. Она даже могла читать книги на арабском и персидском языках. Галия-ханум также помогала отцу и вышеупомянутому Сафиулле в их работах. Часто Коран издавался именно с её исправлениями.

19. Габдулгаллям ибн Фаизхан (‘Абд ал-Аллам ибн Фаизхан). Является братом вышеупомянутого Хусаина Фаизхана, закончил медресе Марджани и в течение двух лет был учителем. Позже поступил в мужскую школу для подготовки учителей и получил диплом учителя русского языка. Правда, вскоре он оставил это занятие и начал заниматься торговлей, но до конца не отстранился от интеллектуальной деятельности. Перевёл на татарский язык книги «Калила ва Димна», «Шаджараи тюрк». На татарском языке написал книги «Син-

таксис» и «Мухаррик ал-афкар». Умер в 1328 х./1910 г.

20. Габдулвахид ибн Хабибулла ('Абд ал-Вахид ибн Хабиб Аллах). Родился в деревне Зимница Хвалынского уезда. Закончил медресе Марджани и стал имамом в мечети вместе с отцом. Его отец Хабибулла-ишан при жизни владел несколькими медресе и обучил многих людей. Его сын Хабибулла был также одним из известнейших имамов, при жизни и после смерти отца хорошо смотрел за медресе и также воспитал многих имамов.

21. Фасихутдин ибн Мухутдин (Фасих ад-дин ибн Мухйи ад-дин). Выходец из деревни Аппаково (Апак) Спасского уезда. После окончания медресе обучался русскому языку и долгое время в Казани и её пригородах преподавал русский язык. Сейчас также работает учителем религиозных предметов в Казанской русско-мусульманской мужской школе для подготовки учителей, в военной и некоторых государственных школах; исполняет обязанности военного имама и ахуна. Издал одну историческую книгу «Тарих интишара ислам» и книгу по медицине.

22. Мустафа ибн Давуд. Известен как Мустафа Четайский. Прошёл курс официальных предметов в медресе Марджани и прочёл много арабских и персидских книг. Любил литературу, писал стихотворения на арабском и персидском языках. Некоторые из них опубликованы в конце книги «Мустафад ал-ахбар». В своё время был одним из известнейших каллиграфов. Многие люди брали у него частные уро-

ки по каллиграфии. Два-три года он обучал этому и в медресе «Мухаммадия». В Казани и её округе много могильных камней и других работ, написанных его рукой. Не женился, прожил всю жизнь холостяком и умер в 1328 х./1910 г.

23. Шакирджан ибн Ахметджан Тахири. Родился в деревне Шушерма Свияжского уезда. После окончания медресе Марджани обучался в мужской школе для подготовки учителей, получил диплом учителя русского языка и довольно долгое время занимался обучением людей русскому языку. И сейчас преподаёт некоторые уроки в русской мужской школе для подготовки учителей. Также работает учителем религиозных предметов в нескольких учебных заведениях, таких как гимназия и торговая школа.

Его азбука «Бад' ат-та'лим» («Начало обучения»), возможно, является одной из первых книг, посвящённых джадидскому методу преподавания. Кроме того, в некоторых школах обучаются по его книге «'Илм ал-хал» и синтаксису арабского языка. Его отец Ахметжан был верным другом Марджани и трижды исполнял обязанности кади в Уфе.

24. Бурханутдин ибн Шихабутдин. Сын Марджани, первоначальное образование получил в медресе отца, позже уехал в Стамбул и в течение семи лет обучался религиозным наукам и новым предметам. Приехав в Казань, работал имамом вместе с Марджани и преподавал в его медресе. Продолжая преподавать и после смерти Марджани, подготовил хороших учеников. Кашшаф Тарджемани, один из уважаемых имамов

Казани, участвовавший в написании данной книги, посвящённой Марджани, является его учеником. Обладая хорошими знаниями и широкими взглядами, мог написать и более весомые произведения, но в последние годы его одолела болезнь на нервной почве, и он отошёл от дел в этом медресе и начал преподавать в медресе своего сына Габдельхамита, получившего образование в Бухаре и Стамбуле.

25. Насрутдин ибн Калимулла (Наср ад-дин ибн Калим Аллах). Родился в деревне Сабаджай близ Симбирска. 12 лет жил и учился в медресе Марджани, также брал у него частные уроки. Потом сам стал преподавать в медресе. У Камал-кари обучался рецитации Корана. После своего назначения имамом в родную деревню, долгие годы преподавал рецитацию и другие предметы. У него есть многочисленные труды, посвящённые различным вопросам суфизма, калама и исламского права.

26. Аббас ибн Ашраф. Родился в деревне Сабаджай, обучался в медресе Марджани и некоторое время преподавал там. В это время написал одно произведение, посвящённое обязательным религиозным предписаниям. Позже поступил на русское отделение мужской школы для подготовки учителей. После этого уехал в Стамбул, закончил юридическую школу и получил диплом. В последующие годы побывал в разных местах и работал государственным служащим. Будучи в Стамбуле, вместе с Юсуфом Акчурой написал биографию Марджани и опубликовал её в газете «Ма'лумат».

27. Салих ибн Муса. Выходец из деревни Латышовка (*Латъши*) Пензенского уезда. Семь-восемь лет учился в медресе Марджани. Он был человеком, искренне любящим знания, обладал хорошей дикцией, поэтому ученики очень любили его. Очень ценил уроки Марджани и имел привычку записывать все его слова. После открытия медресе «Галия» Марджани впервые предоставил Салиху провести урок⁵¹. После назначения имамом в родную деревню продолжал преподавать с прежним энтузиазмом и взрастил хороших учеников.

28. Хабибуннаджар ибн Мухаммадкяфи. Родился в деревне Утяково (*Утяк*) Стерлитамакского уезда, 10 лет учился в медресе Марджани. Будучи учителем, завоевал любовь учеников. Позже был назначен преподавателем вместо своего отца, выполнял эту работу с особым усердием, распространяя знания. Он был одним из тех, кто первым начал обращать внимание на внесение изменений в методы преподавания. Учеником Марджани, в то время обучившим наибольшее количество учеников, был именно Хабибуннаджар. В окрестностях многообразованных имамов и преподавателей, учившихся именно у него. В тарикате получил свидетельство у шейха Зайнулла ибн Хабибуллы ан-Накшбанди. Были опубликованы его книги «Мифтах ат-таварих», «Навадир», кроме этого у него есть и другие труды.

29. Габдуррахман ибн Исмагил ибн Гумар ('Абд ар-Рахман ибн Исма'ил ибн 'Умар). Родился в Астрахани. Был вы-

⁵¹ Мустафад ал-ахбар. – С. 20.

ходцем из ногайского племени карагач, долгое время обучался в медресе Марджани. Заслужил внимание Марджани своими талантами, усердием, способностью побеждать в дебатах, поэтому в некоторых своих поездках Марджани брал его с собой, проявлял личную благосклонность. Позже был назначен имамом в Астрахань и многие годы усердно преподавал там, взрастив довольно хорошо осведомлённых учеников. Но по неизвестной причине в последние годы его медресе пришло в плачевное состояние. Написал множество книг по морфологии, синтаксису и истории, которые во многих медресе применяются в качестве учебников. Принадлежал к думающей интеллигенции, занимался общественной деятельностью. Уже шесть лет выходит основанная им газета «Идель». (Но благодаря «стараниям» некоторых людей в феврале 1914 г. он был на четыре года выслан из Астрахани.)

30. Хаййалетдин ибн Хусаин (Хаййал ад-дин ибн Хусайн). Родился в деревне Молвино (*Мулла Иле*) Свияжского уезда. Окончив медресе Марджани, стал учителем в деревне Агрыз Сарапульского уезда, а позже – имамом в деревне Байкеево (*Байки*). Съездил в Стамбул и Египет и познакомился с существующими там методами преподавания. Первым в своих краях начал преподавать по джадидскому методу. Из его медресе вышли довольно образованные учителя и имамы. Позже был назначен имамом в Пермь, проработал там четыре года. Оттуда уехал в хадж и скончался во время паломничества в возрасте 45 лет в 1326 х./ 1908 г. Он был челове-

ком решительным, стремился служить своему народу, усердно работал во всех местах, куда его назначали, радуя людей. Является автором учебников по истории и книги «Илм ал-хал», написанные для школ.

31. Хафиз ибн Шахимурад. Был одним из лучших учеников Марджани в поздние времена, занимался тюркскими печатными изданиями. В медресе преподавал математику. Позже был назначен имамом в деревню Курмашево (*Кормаиш*) Мензелинского района, также преподавал там. Мы слышали, что он и сегодня обучает учеников полезным для жителей деревни ремёслам и навыкам, уходу за медресе уделяет больше внимания, чем уходу за своим домом, а порядки и методы воспитания его медресе являются примером для всей округи.

32. Кашшафутдин (Кашшаф ад-дин) ибн Шахимардан. Выходец из деревни Сулюково (*Сөлөк*) Мензелинского уезда. С большим усердием учился в медресе Марджани, чем привлёк его внимание, и Марджани завещал ему отредактировать и напечатать свой большой труд «Хизмат ал-уаваши». Кашшафутдин выполнил эту просьбу. Он был учителем и имамом сначала в родной деревне, а потом – в сибирском городе Каркаралы. В то же время он занимался и преподаванием, мы видели и несколько его произведений в жанре послания (рисаля).

33. Шайхулислам ибн Хамидулла (Шаих ал-ислам ибн Хамид Аллах) ат-Такави. Родился в деревне Тагай (*Тәке*) близ

Симбирска. После пятилетнего обучения в медресе Марджани стал работать преподавателем в медресе «Гусмания». Позже ещё год учился и преподавал в медресе «Мухаммадия», после чего вновь вернулся в «Гусманию» и несколько лет преподавал там. Потом был назначен имамом в деревне Яхшибай Мензелинского уезда. Спустя три года он сильно заболел и скончался в 1329 х./1911 г. Отличался умом и решительностью. Был издан его тафсир «Иткан фи тафсир ал-Куръан». У него есть и другие труды, представляющие собой перевод «Мухтасар ал-Кудури» и других книг.

* * *

Мы написали об известных нам учениках Марджани, которые служили народу. Кроме этого, конечно, есть множество других, которые чем-то послужили нации, но у нас нет сведений о них и их произведениях.

Вышеназванные люди общались с Марджани, долгое время лично присутствовали на его занятиях. В этот список не включены те, кто пришёл в медресе в последние годы жизни Марджани и обучался у других учителей. В медресе Марджани учились Садык Галикаев, его брат Габдурахман Галикаев, Салих Губайдуллин, Шакир Казаков, Мухаммад-Рахим Юнусов, сам Мухаммаджан Каримов и его родные, а также известный присяжный поверенный Саидгарай Алкин, Зиннатулла Гусманов, много работающий в казанской благотво-

рительной организации, Нургазиз Хусаинов, Габдрахман Кушаев и многие др. Все они являются передовыми людьми Казани.

Вообще, отличительной чертой учеников Марджани является отсутствие фанатизма, они легко находят истину и больше остальных любят справедливость. Любовь Марджани к истине и верность правде оказали влияние и на его учеников.

Но ученики Марджани и их труды стали показываться уже после смерти Марджани. Из-за трудного периода, переживаемого медресе, непонимания народа и ещё из-за нескольких подобных причин при жизни Марджани было мало людей, проявивших себя. Он иногда с горечью отмечал, что его ученики не прославились какими-либо значимыми трудами, они не были заметны в его время. Его брат Сибгатулла ибн Фазил передаёт, будто Марджани говорил: «Мне не повезло с учениками. Самые способные из них умерли молодыми. Один человек находит своё счастье в одном, другой – в другом. Аллах Всевышний наградил меня тем, о чём я просил Его в молодости. Жаль, я не попросил Его, чтоб мои ученики были на пути к знаниям. Если бы я попросил, возможно, Он и это даровал бы мне».

Закон об обучении на русском языке. Взгляды Марджани. Открытие русской мужской школы для подготовки учителей. Работа Марджани. Отставка – отстранение от службы

2 февраля 1870 г. был принят закон, делающий обязательным преподавание русского языка в мусульманских школах и медресе. После этого в 1872 г. был назначен специальный инспектор по надзору за школами и медресе. Когда в мусульманские медресе стали назначать учителей русского языка, используя и насильственные методы, среди народа возникла смута. Наибольшее возражение вызывали обязательность обучения русскому языку и возложение затрат на содержания учителей русского языка на плечи мусульман. В Казанской и Вятской губерниях было много шума по этому поводу (много сведений об этих событиях приводит Ризаэтдин-хазрат в своём произведении «Исламнар хакында хөкүмэт тәдбирләре» («Правительственные меры, касающиеся ислама»). В то время среди религиозных учёных возникло много споров о том, можно или нельзя преподавать русский язык, о пользе и вrede этого. Многие люди, носившие звание алимов, считали, что, несмотря ни на что, преподавание русского языка неправильно и является запретным.

Тех же, кто считал такое обучение верным и обязательным, было очень мало, и во главе их стоял Марджани. Он говорил: «Обучение русскому языку необходимо. Народу, подчиняющемуся людям другой национальности, полезно и необходимо знать язык, письменность, государственные законы и правила правящего народа. Нужно лишь остерегаться перенимать их язык, привычки и традиции, не разговаривать между собой на русском языке, не вставлять в свою речь русских слов, стараться сохранить родной язык, насколько это возможно»⁵².

Но и у тех, кто выступал против преподавания русского языка, было два разных мнения. Некоторые были против преподавания несмотря ни на что, тогда как другие ссылались на то, что преподавание русского языка вводится с целью ослабить религиозный и национальный дух народа. Когда в казанских медресе преподавание русского языка стало обязательным, и у мулл попросили дать ответ по этому поводу, они написали письмо следующего содержания: «Наш народ, а в особенности шакирды, и так беден. Мы преподаём безвозмездно, ради довольства Аллаха. Поэтому мы отказываемся претворять в жизнь приказ о принудительном преподавании русского языка и возложении затрат на содержание учителей на плечи народа. Мы просим власти внять нашим

⁵² Марджани много раз произносил речи подобного содержания. В его библиотеке нам также встретились записи, описывающие конфликты того времени. В «Вафиййат ал-аслаф» и «Биографии Хусаина Фаизхана» есть много информации об этих событиях. О них также упоминается в «Асаре».

просьбам»⁵³.

После того как вопрос и споры о преподавании русского языка в Казани поутихли, в городе открылась мужская школа для подготовки учителей, выпускающая преподавателей русского языка. Преподавателем религии в ней был назначен Марджани. О своём поступлении на работу он пишет следующее: «Мне даже в голову не могло прийти стать учителем религии в этой школе. Но Радлов неоднократно обращался ко мне с просьбами об этом, с личной просьбой обратился и сам губернатор. Позже я понял, насколько важна эта должность. Если она изначально не будет в руках алима, то позже она вовсе перейдёт в руки невежественных и несведущих в исламских науках людей, и тогда учащиеся этой школы не получат никаких знаний об исламе. Посчитав, что я должен показать этим ученикам отношение шариата к жизни и к различным предметам и наукам, работу мусульман во благо этих наук, я решил принять эту должность».

От Шакирджана Тагирова, обучавшегося в этой мужской школе со дня её открытия и после выпуска ставшего там преподавателем, Фуат Туктаров услышал следующее: «Марджани очень любил историю и регулярно занимался историческими вопросами. Как итог своих трудов и любви к истории Марджани стал членом «Общества археологических памят-

⁵³ Данный ответ был написан Марджани по просьбе мулл. Один экземпляр такого письма, подкреплённый подписями всех мулл, сохранился в библиотеке Марджани.

ников» Казанского университета, написал несколько работ, чтобы преподавать их там. Он был знаком с русскими учёными и историками, живущими в Казани, с учёными-востоковедами, пользовался авторитетом среди них. Особенно близко он был знаком с востоковедом В. В. Радловым, они много общались, Марджани советовался с ним.

В 1876 г. в Казани открылась мужская школа для подготовки учителей. Её открытие можно с полным правом назвать заслугой Радлова. Радлов прикладывал много усилий для образования татар, для обучения их русскому языку, а со временем и для распространения науки на татарском языке и даже национальной литературы⁵⁴. В работе немца Радлова, по словам его современников, не было ни малейшего намёка на миссионерство. Даже после решения открыть в Казани мужскую школу для подготовки учителей для того, чтобы татары не боялись её, и она пользовалась авторитетом среди них, учителей он старался выбирать среди татар. Основываясь на этом, инспектором школы он назначил Гали Махмудова, официально не получившего никакого образования и по закону не имевшего права заниматься инспекторством. На второй год деятельности школы такие люди, как Ибрахим Терегулов и Шахбазгарай Ахмеров, были назначены учителями. Шакирджан Тагиров, закончивший эту школу, был взят туда на работу в качестве учителя рисования и

⁵⁴ Выше уже было написано о том, что историческое произведение Марджани «Гилалат аз-заман» было переведено Радловым на русский язык.

каллиграфии.

Сразу после принятия решения об открытии мужской школы для подготовки учителей Радлов обратился к Марджани, которого он хорошо знал и любил. Учитывая, что Марджани в Казани и её окрестностях пользовался авторитетом, Радлов предложил ему стать учителем религии в этом заведении. Должно быть, назначая Шихаба учителем в этой школе, Радлов таким образом хотел поднять в глазах татар престиж этого учебного заведения. Так как, несмотря ни на что, Шихаб положительно относился к преподаванию русского языка, он одобрял открытие данной школы и согласился выполнять обязанности учителя религии, к тому же это предложение поступило от такого уважаемого им человека, как Радлов. И как только школа была открыта, Марджани стал преподавать в ней религию.

Марджани преподавал в школе такие предметы, как шариат (по «Кудури»), вероубеждение (по «‘Акида ат-Тахави»), основы права (по «Мухтасар ал-Хуссами») и наследственное право. Если сегодня выбор этих уроков нам кажется немного странным, должно быть, в то время он был уместен. В те годы большинство учащихся этой школы были шакирдами, и среди них не было таких, кто бы не изучал морфологию и синтаксис арабского языка.

Во время уроков Марджани любил обращаться к истории, особенно к истории ислама, давал ученикам подробную информацию о событиях времён аббасидских халифов Харун

ар-Рашида и ал-Ма'муна. Иногда на уроке он и в тетрадях учеников записывал исторические данные.

Должно быть, Марджани любил математику так же, как историю. Время от времени он задавал ученикам задачи по алгебре, а если они не могли их решить, сам показывал ответ. Вероятно, он брал математические задачи из арабских источников, так как решал их арабским методом.

Во время уроков шариата Марджани любил, чтобы ученики сами, размышляя, находили ответы на поставленные им вопросы. Часто он спрашивал: «Как вы думаете?», и если ученики выражали интересную мысль, очень радовался этому». (На этом месте сведения о развитии мужской школы для подготовки преподавателей, полученные нами от Фуата Туктарова, заканчиваются.)

6 рамадана 1293 х. / 12 сентября 1876 г. был официально зачитан устав школы, с этого дня начали проводиться уроки. Марджани был одним из главных действующих лиц церемонии открытия, он произнёс речь и совершил молитву. Краткий черновой вариант этого выступления сохранился в его библиотеке. Мы приводим его здесь:

«Во имя Аллаха Милостивого Милосердного. Хвала Аллаху, Господу миров. Приветствие и мир Его посланнику и наилучшему созданию Мухаммаду, его домочадцам, сподвижникам и остальным пророкам и посланникам.

Как учит нас шариат, самыми достойными из всех моральных качеств и качеств совершенства являются знание и

мудрость. А ислам более, чем остальные религии, поощряет стремления к знаниям, мудрости и просвещённости. Сколько аятов Корана и священных хадисов нашего Пророка призывает к обретению знания и совершенства, повелевает получать образование!

Проявляя своё уважение к мусульманам и поощряя их стремление к получению знаний, за государственный счёт наш милостивый великий император приказал открыть эту школу, тем самым выказывая им своё благоволение. Хвала Аллаху, на пользу исламу открылась столь совершенная и хорошо оснащённая школа. И все мы, приверженцы ислама, должны ценить оказанное нам милосердие, считая это имущество священным и великим богатством, считать его за счастье и благодарить Всевышнего за проявленную милость.

О пришедшие получать знания! Старайтесь тратить своё время лишь на возложенные на вас обязанности, даже малую часть своей жизни не проводите впустую, проявляйте усердие на арене совершенства и просторах образования, развивайте в себе такие качества, как справедливость, воспитанность, человечность, стремитесь превзойти своих сверстников и братьев по знанию, образованности и благочестию. Мы возносим искренние молитвы за нашего великого императора».

Марджани начал преподавать в этой мужской школе для подготовки учителей со дня её открытия. Он работал в ней в течение девяти лет.

Но несмотря на то, что Марджани начал преподавать, имея желание быть полезным народу, люди оценивали его деятельность отрицательно, считали её великим преступлением против ислама. В первое время люди собирались на улице большой толпой и наблюдали, как Марджани шёл в школу и возвращался из неё. И простой народ, и муллы довольно долго обсуждали это. Было достаточно много мулл, старающихся навредить Марджани. Один казанский учитель рассказывал на большом собрании, что Марджани является миссионером. «Он продажный человек. Именно он стал причиной того, что стали преподавать русский язык. Пусть в Судный день наши руки вцепятся в ворот его одежды (т. е. в Судный день мы отомстим ему)», – говорил он. Конечно, такие высказывания передавались среди народа и имели влияние, поэтому про Марджани распространялись самые грязные сплетни. Были даже такие люди, которые хотели совершить покушение на него.

Не только враги, но и друзья Марджани не одобряли того, что он преподавал в этой школе. Они всегда поднимали этот вопрос, чем очень беспокоили его. Особенно после совершения Марджани паломничества люди начали говорить, что хаджию совсем не пристало преподавать среди русских учителей.

Марджани был человеком, самостоятельно принимающим решения, любящим доводить начатое дело до конца, он не обращал внимания на шум, поднятый не понимающими

сути дела людьми, на всё смотрел свысока. Признавая что-либо истинным, он придерживался этого, не сгибаясь перед противостоянием других, поэтому Марджани, как и прежде, продолжал свою деятельность. Он не обращал внимания на нападки окружающих и не спорил с ними. Даже своим друзьям, желающим ему блага, Марджани говорил: «Наш народ не понимает сути дела. Люди считают, что преподавание русского языка – это плохо, и думают, что обучать русскому языку будут до тех пор, пока этим занимается Марджани. Якобы, если я прекращу свою деятельность, никто не будет преподавать русский язык. Но дело обстоит иначе. Если для школы найдётся какой-нибудь хороший преподаватель, я и сам подумываю оставить эту работу».

Несмотря на то что Марджани хотел продолжать заниматься этим делом, терпеливо снося все трудности, позже между ним, инспекторами и учителями этой школы возникли разногласия, и он был вынужден оставить эту работу. Главной причиной этого было следующее. Марджани считал, что для жизни татарской нации и её развития, для сохранения религии и народа необходимо увеличить число татар, владеющих религиозными знаниями и знающих русский язык. По его мнению, именно эти люди должны служить народу в качестве имамов или учителей. Радлов был солидарен с ним в этом мнении и часто говорил: «Лучший путь для прогресса татар – увеличение числа мулл, хорошо знающих и русский язык». (Эти слова я неоднократно слышал от Фа-

сихутдина-эфенди, работавшего в этой школе учителем религии.)

Воплощая в жизнь эту идею, Марджани старался принимать в школу лишь людей, кроме арабской морфологии и синтаксиса ещё знающих и исламские науки. Он считал, что обучение русскому языку человека, не умеющего ни читать, ни писать по-мусульмански, не знающего ничего об исламе, может стать причиной его отдаления от родного языка и письменности, и поэтому по возможности старался не брать таких людей. Он не ждал ничего хорошего от обучения русскому языку тех, кто не имел представления о своей религии, родном языке и письменности. Часто перед учениками Марджани так высказывался по этому вопросу: «Ислам не против изучения языков других народов и получения образования. Ислам пытается пробудить в людях интерес к различным наукам. Но прежде всего нужно хорошо знать ислам и исправить вероубеждение. Если вера будет крепкой, лишь изучение русского языка не навредит. А вот обучаться только русскому языку, не зная ничего об исламе – дело неподобающее». (Мы многократно слышали эти слова от учеников Марджани.)

В течение нескольких лет после открытия мужской школы для подготовки учителей руководствовались этим правилом Марджани и не принимали учеников, плохо знающих ислам. Марджани было предоставлено право самому выбирать, какие предметы и по каким книгам он будет преподавать в свои

часы. Но позже внимание к исламу стали уделять всё меньше и в школу стали принимать тех, кто не умел читать по-татарски и не имел даже начального образования по родному языку и исламу. А мнение Марджани стало отвергаться многими членами учительского состава. Тогда Марджани, должно быть, в качестве практического акта протеста стал преподавать арабские предметы, игнорируя учащихся, не умеющих писать. Они только ходили, следуя за другими. Но такое положение дел не понравилось инспекторам и некоторым учителям. Поэтому они решили, что этот факт, а также преклонный возраст Марджани являются причиной для прекращения его деятельности в школе. Спустя девять лет со дня принятия на работу и за пять лет до своей смерти, весной 1301 х./1884 г., он был отстранён от преподавания. Хоть Марджани и предложил вместо себя кандидатуру своего ученика, наиболее достойного этой должности (имама деревни Казаки Бурханутдина Шабкави), тот не смог устроиться на эту работу. На место Марджани был назначен Таиб Яхин, имеющий некоторые отношения с инспектором и работающий по его указке.

Поездка Марджани в хадж. Подготовка к нему. Завещание. Путешествие. Нижний Новгород. Стамбул. Измир. Египет. Медина. Мекка. Возвращение из хаджа⁵⁵

Приняв решение совершить хадж, 7 раджаба 1297 х. / 3 июня 1880 г. Марджани написал заявление казанскому губернатору с просьбой разрешить совершить паломничество. Спустя два месяца он получает разрешение. В это время Марджани уже начал собираться в дорогу. Свои дела и завещание, которое ему помог составить Садик ибн Сафа Галикай, он оставил своему брату Габдельвали ибн Габдулбасиру. Завещание было следующим.

«Бисмилляхир-рахманир-рахим. Я, раб Аллаха, мулла Шихабутдин ибн Бахаутдин ибн Субхан ибн 'Абд ал-Карим ал-Марджани, находясь в здравом уме, светлой памяти и здо-

⁵⁵ Про свой хадж Марджани написал два сборника. Первый из них посвящён лишь Мекке и Медине и называется «Рихлат азалли-л-анам ила-л-байт ал-харам» («Поездка многоошибающегося создания к Заповедному Дому»). Второй из сборников был издан Ризаэтдин-хазратом в 1898 г. под названием «Рихлат ал-Марджани». В этих книгах, состоящих приблизительно из 120–130 страниц, есть и много не имеющих особого значения для народа сведений. В нашем сборнике их нельзя передать полностью, поэтому, собрав наиболее важные факты из них, добавив некоторые воспоминания, мы составили данную главу про паломничество.

ровом теле, завещаю: если меня постигнет смерть, мои наследники должны полностью выполнить моё завещание и поступить так, как это написано в этом и предшествующих ему завещаниях. При справедливых свидетелях заявляю, что билет в 1250 рублей под номером 62.784, вложенный в Вольский банк, я завещаю двум сыновьям – Мухаммаду, Махмуду и дочери Хаве. Пусть эта сумму будет разделена на пять частей, по две части достанутся сыновьям и одна – дочери. Билет в 4000 рублей, хранящийся под номером 62.784, завещаю своей жене Биби-Фатиме бинт ал-Хусаин. Также книги, являющиеся моим имуществом, я завещаю своим детям без возможности их продажи. Они не могут использоваться ни для чего другого, кроме чтения. Надёжному человеку они могут быть даны под расписку в пользование на короткое время. Да убережёт Аллах, но если мой род прервётся, пусть книги перейдут к другим моим родственникам и их детям с условием соблюдения всего вышенаписанного. На каждой из этих книг пусть будет написано моё имя и поставлена печать «имущество, завещанное моим детям на благотворительные цели». Пусть будет создан список с подробными их названиями и нумерацией.

Так как многие из принадлежностей, хранящихся у меня в шкафу, тарелки и блюда, чашки и чайники я сохранил как память о предках, они не могут быть проданы или отданы другим людям. Пусть они будут наследством моих детей, пусть они и моя супруга, как и я, завещаю их своим наслед-

никам на таких же условиях. Эти вещи следует хранить в другом месте и в другом банке, отдельно от моих денег. Все деньги я заработал собственным трудом. Из них по 2000 наследуется двумя сыновьями, по 1000 рублей – двумя дочерьми, положенную ей часть получит супруга, остальное имущество пусть будет поделено согласно законам Аллаха и шариату Мухаммада, пусть не будет совершено ничего, противоречащего шариату. Данное завещание я написал собственной рукой, а обязанности по его выполнению согласно шариату возложил на казанского купца Мухаммад-Садик ибн Сафу и уроженца деревни Ашит Казанского уезда Габдулвали ибн Габдулбасира (‘Абд ал-Вали ибн ‘Абд ан-Басир). И в доказательство подлинности завещания ставлю именную печать (надпись на круглой печати: «Шихабутдин ибн Бахаутдин ал-Марджани»). 5 шаабана 1297 х. / 13 июля 1880 г. Я Шихабутдин ибн Бахаутдин ал-Марджани. В качестве свидетеля подписались Бурханетдин ибн Габдеррахим, казанский купец Зайнулла ибн Гусман, имам деревни Чувашли (*Чуваши Иле*) Габдельвали ибн Мухаммадрахим».

Дела прихода Марджани возложил на своего ученика и имама прихода Сенной мечети муллу Худжа Ахмад ибн Музаффар. Обязанности имама во время совершения пятикратного намаза он передал своему ученику мулле Бурханетдин ибн Габдуррахиму аш-Шабкави. Также попросил приготовить необходимые в дороге одежду и лекарства.

С собой Марджани взял Коран, книги «Бабирийя» («Ба-

бур-наме»), «Тарих Абу-л-Гази» («История Абу-л-Гази»), «Субат ал-‘аджизин» («Стойкость обессиленных»), «Маджма‘ ал-адаб» («Сборник поэзии»), «Фадаил аш-шухур» («Достоинство месяцев»), «Мухтасар» («Сокращённое изложение») и по одному экземпляру своих изданных книг «Назура» («Обозрение»), «Хакк ал-ма‘рифат» («Истинное познание»), «ал-Фаваид ал-мухимма» («Важнейшие пользы»), «Мунтахаб ал-вафиййа» («Избранное из Подробного»).

17 рамадана 1297 х. / 11 августа 1880 г. после утреннего намаза вышли в путь с намерением совершить хадж. С собой Марджани взял 1400 рублей. Сначала на пароходе «Вольский» они прибыли в Нижний Новгород. Там проходила ярмарка, и Марджани пробыл в Нижнем двое суток. Тамошние купцы выказывали всяческое уважение к Марджани. Даже подарили ему 300 рублей.

Из Нижнего на поезде путешественники отправились в Одессу. Марджани записал, что по дороге они заходили в Москву, Курск, Киев, делал заметки о расстоянии между городами и времени, затраченном на дорогу. Других заметок не делал.

Пробыв два дня в Одессе и зарегистрировав паспорта, путники отправились в Стамбул. Там они провели 12 дней⁵⁶. В это время Марджани посетил самые большие мечети города Султан Сулейман, Султан Фатих, Султан Салим, Айя-София, Нур Усмани, Султан Баязид, Абу Аййуб ал-Ансари».

⁵⁶ Газеты Стамбула писали про Марджани.

В мечети «Хиркат ас-са'ада» он созерцал священную хирку (верхняя одежда) нашего Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует), сохранившуюся и по сей день. Взглянул на такиййу (религиозную обитель) возле мечети Нур Усмани, которая в будущем должна распахнуть свои двери для казанских мусульман. Посетил некоторые из наиболее известных библиотек Стамбула, читал там книги и переписал некоторые сведения, которые могли быть полезными для него. Библиотеке Баязид (Хамидия) Марджани подарил по экземпляру своих книг, взятых им с собой.

Будучи в Стамбуле, Марджани встретился со многими учёными и политиками. Он пишет, что ему удалось пообщаться с муфтием того времени Ахмадом Асадом, министром юстиции, историком Джаудат-пашой, министром иностранных дел Асим-пашой. Но о чём он говорил с этими занимающими высокое положение людьми, что слышал от них? Об этом Марджани не пишет ничего. Лишь упоминает, что подарил Джаудат-паше свои труды, Джаудат-паша тоже дал ему книги. Марджани также отмечает, что если бы он задержался в Стамбуле ещё на несколько дней, шейх ал-ислам рассказал бы о нём султану Абдулхамиду и Марджани был бы доставлен в Джидду на государственном пароходе.

Марджани пишет следующее о своём общении с другими известными людьми Стамбула: «Я был в доме почётного накиба⁵⁷ сейида Сулеймана ал-Багдади. Он оказался молодым

⁵⁷ Накиб ал-ашраф – глава потомков пророка Мухаммада (с. а. в.) – Г. Р.

человеком с приветливым лицом, очень любезный и благовоспитанный. Красиво и к месту разговаривает на арабском, турецком и персидском языках. Красноречив. У него я познакомился с дервишем Ибн Ибрахимом ал-Карди ал-Багдади».

«Я посетил дом Фадил ибн Шаабан ал-Алави ибн Мухаммад ибн Сахла ал-Хадари аш-Шафи'и. Так как сам он в это время был у султана Абдульхамида, нас принял его сын. На этой встрече был и сын сейида 'Абд ал-Кадира ал-Джазаирри. Через некоторое время вернулся и сам сейид Фадил. Это было приятное собрание и прекрасное общение».

«Я встречался с Са'ид 'Аун ибн Мухаммад ибн 'Ауном. Мы немного поговорили, потом он подозвал меня к себе и разговаривал со мной на арабском языке. Мы поговорили на разные темы, это была приятная и полезная беседа. Сейид 'Аун был учёным, хорошо знающим историю, географию и другие предметы, справедливым человеком. Узнав, что у меня есть произведение «Назурат ал-хакк», изъявил желание прочесть его. Расспрашивал о восходе и закате солнца, о дне и ночи, посте и намазах в наших краях. Интересовался шакирдами, алимами, вообще мусульманами нашего государства. Я рассказал ему о высокой степени образования и наших методах преподавания. Объяснил, что очень переживаю, что у нас мало преподаются предметы, позволяющие обучиться какой-либо профессии, а те уроки, что есть, не подчиняются никаким правилам.

Потом он перевёл разговор на тему моих книг и спросил: «Вы сами тюрк, ваш народ тюркский, книги, написанные для этого народа также должны быть на тюркском языке. Почему же вы свои произведения пишете на арабском?» Я ответил: «Наши алимьы и шакирды знают арабский язык. Если наши книги распространятся в других регионах, может, и для них найдутся читатели. А произведения на тюркском языке в других странах использовать не будут». Он нашёл мои слова уместными и сказал: «Правильно, арабский язык – общий язык». Когда я попросил разрешение уйти, он сказал: «Я не могу насытиться встречей с вами. Наша беседа показалась мне короткой. После вашего возвращения из Хиджаза мы снова увидимся, приходите». Он обрадовался, когда я добавил: «Хоть мы и далеки от ‘аср ал-са‘адат (эпохи благоденствия), хвала Аллаху, нам посчастливилось увидеть потомков Пророка и сидеть с ними за одним столом». Он вышел из-за стола и проводил меня. Уходя, я поцеловал его руку, а он – мою. Этот человек произвёл на меня большое впечатление. Я подарил ему по одному экземпляру всех моих произведений».

Марджани также пишет, что, будучи в Стамбуле, видел военные корабли. «Вместе с хатибом мечети Султан Салим мы ходили смотреть на военно-морской флот. Тысячник Ариф-бек подробно показал и рассказал нам о каждой палубе, каждой каюте, об оснащении кораблей и как оно используется. Потом угостил нас кофе. Проводил по-царски,

приказав войску приветствовать нас. Моряки встали в ряд, подняли ружья и так проводили нас.

Броненосец, который мы осматривали, был изготовлен в Англии. Его стоимость составляет 4 млн 500 тыс. рублей, не считая вооружения и оснащения.

Его качества невозможно понять умом и описать языком. Его длина составляет 444 шага, ширина – 59 шагов, глубина – 40 шагов. Имеется 12 дюжин больших бомб. Обладает мощностью в 1200 лошадиных сил и может принять более одной тысячи человек».

Кроме этого Марджани записал, какие деньги в ходу в Стамбуле, услышанные там названия книг, имена и краткую биографию известных личностей, о смерти которых приходило известие, имена известных учителей Стамбула, длину и ширину больших мечетей, таких как Айя-София, Султан Фатих, Султан Сулейман, переписал некоторые аяты и стихи, запечатлённые на стенах мечетей. Гостил у многих живущих в Стамбуле татар.

Марджани, вообще, был очень доволен временем, проведённым в Стамбуле. У него поднялось настроение, открылось второе дыхание, он получил много впечатлений. Часто он даже плакал от счастья. Даже сам говорил: «Сила мусульманского войска в мирное время, величие султана, величие ислама, военный корабль, посещение Абу Аййуба ал-Ансари сильно подействовали на меня. От избытка эмоций я даже расплакался».

Стамбульские алимы также проявили уважение к Марджани и с любовью проводили его. Исмаил Хакки, занимавшийся написанием нескольких книг, во время нашего визита в Стамбул рассказывал: «О Марджани у меня осталось много воспоминаний. Он был великим алимом и настоящим человеком. Мы всегда пользуемся его книгами, видим в них новые слова, новые мысли». Известный учитель, занимавшийся и литературой, шейх Халис рассказывал: «Марджани очень прямолинейный человек и великий алим. Его слова и записи пламенны. Из людей прошлого он подобен Ибн Хазму. Если бы Марджани был жив и здоров, я бы отправился в Россию специально для того, чтобы увидеть его и поговорить с ним».

Пробыв в Стамбуле 12 дней, Марджани взял билет на пароход, прямым рейсом следующий в Александрию. Вместе со спутниками он ехал вторым классом, питание было включено в стоимость билета. Спутник Марджани Зайнулла-хаджи хотел всё знать, был любопытным человеком, поэтому пошёл осмотреть кухню. Вернувшись к Марджани, он рассказал: «Я видел место, где режут кур. Там их не закалывают, а лишь отрубают голову. Так они и умирают». Помрачневший от такой информации Марджани сказал ему: «Какой чёрт тебя дёрнул ходить проверять всё это?» И после этого остерегался есть курятину.

Будучи проездом в Гелиболу, Чанаккале, Медилье, путешественники на один день остановились в Измире. Спустив-

шись с парохода, Марджани с друзьями осмотрел Измир. Так как это была пятница, в одной мечети они прочитали пятничный намаз. Марджани пишет об Измире: «Мы гуляли по Измиру. Пристань здесь вымощена брусчаткой, есть хорошие гостиницы, красивые магазины, богатые торговые центры, оснащённые машинами фабрики и заводы. По улицам ходят трамваи. Многие улицы узкие, хотя они и покрыты брусчаткой. На улицах и базарах народу много, жизнь кипит. Много мечетей и медресе, хороших зданий. Здесь есть и татары. С некоторыми из них мы поговорили, они показали нам Измир. Перед пятничным намазом мы пошли в мечеть. Там я увидел один Коран, прочитал немного. Несмотря на то что этот Коран был написан красивым почерком, в нём не были указаны места для пауз и остановок. В двух местах были допущены ошибки, я их исправил. Потом один человек прочитал суру «ал-Кахф». Хоть он и не обращал внимания на знаки остановок и чрезмерно растягивал звуки, он обладал хорошим голосом. После этого произнесли азан. Между азаном, произнесённым с минарета, и азаном, произнесённым с минбара, прошло десять минут. Мулла читал проповедь, не держа ничего в руках. Хотя во время проповеди он не повторил вознесение благодарности (шукр), он читал «Ташаххуд», что противоречило традициям предков. После пятничного намаза Коран не читали».

Марджани очень внимательный человек. Он на всё смотрит внимательно и беспристрастно. Так как религиозное зна-

ние в нём победило социальную сторону, он внимательно относится к сунне и нововведениям, записывает виды поклонения различных народов. Особенное внимание он обращает на то, что противоречит заведённым среди нашего народа правилам. Ему понравилось, что в мечети Измира во время пятничного намаза между первым и вторым азанами проходит десять минут. Марджани считает, что у нас это время очень коротко. В нескольких местах он заостряет внимание на то, что после пятничного и других намазов не читают Коран. И сам пишет об этом. У нас же существует традиция после всех намазов, кроме предвечернего и вечернего, читать Коран.

В нескольких местах Марджани пишет о том, что в Измире читают «Ташаххуд». Причина этих заметок в том, что во времена Марджани среди татарских алимов были разногласия по этому вопросу. В каждом месте они в качестве вознесения благодарности повторяют: «Хвала Аллаху, хвала Аллаху». Марджани же приводит предания и доказательства тому, что таким образом они противоречат традициям праведных предков. Несколько глав книги «ал-Барк ал-вамид» он посвятил этому вопросу.

Отправившись из Измира в Александрию, Марджани пробыл там три дня и смог осмотреть некоторые места города. Александрия очень понравилась Марджани. Он обратил внимание на то, что улицы города были широкими и прямыми, они были вымощены красивыми четырёхугольными

камнями, город благоустроен, жизнь здесь кипит.

О кладбищах Марджани пишет так: «В Александрии мы были на кладбище имама Бусайри (автор книги «Касида Бурда») и Ибн Хаджиба (автора книги по синтаксису «Кафийа»). Народ ходит почитать некие могилы, называя их могилами Даниэля (мир ему), Лукмана Хакима, Са‘да ибн Абу Ваккаса, Джабира. Но всё это противоречит истине. Эти люди погибли в других местах».

Из Александрии на поезде Марджани едет в Египет, там три дня живёт в комнате своего ученика Камала-кари. Камал-кари показал ему те места Египта, которые непременно должны были посетить путешественники. Один день они посвятили тому, чтобы осмотреть самые древние исторические памятники Египта – пирамиды, оставшиеся со времён фараонов. Некоторые из них они осматривали изнутри. Возвращаясь домой, путешественники видели большой дом и сад, построенный специально для военных. Гостили у известного алима Египта Махмуд-бека Фалаки. Так как Махмуд Фалаки читал некоторые произведения Марджани, он принимал его у себя с искренним уважением, даже предлагал ему погостить в своём доме несколько дней. Марджани же с благодарностью и извинениями отверг приглашение. Потом он осматривал известные мечети, некоторые медресе, библиотеки Египта. Купил необходимые для себя книги.

В Египте и Александрии Марджани обратил внимание на большие статуи Мухаммада ‘Али-паши и Ибрахим-паши,

возведённые на улицах городов, и даже сделал заметку об этом.

Будучи в Египте, Марджани посетил могилы великих учёных ислама. Он пишет: «Я видел могилы Мухаммада ‘Али-паши, Ибрахим-паши, Ахмада Фарика и Турсун-паши. Также я посетил могилы святых и некоторых великих потомков Пророка, из женщин, ведущих свой род от Мухаммада, я видел могилы Сакины, Нафисы. Сходил на могилы имама Шафии, шейха Шатиби, Ибн Дакика, Ибн ‘Ата ал-Искандарани, (учёного-ханафита) Камалад-дин ибн ал-Хумама (да будет доволен им Аллах). Хотя на могиле Ибн ал-Хумама и поставлена плита и есть мавзолей, но она заброшена. Потом мы сходили к могиле крупного имама Лайса ибн Са‘да ал-Мисри. Должно быть, правда, что эта могила принадлежит именно ему. Но некоторые глупцы, приехавшие из Бухары и Казани, называют это захоронение могилой знатока мусульманского права Абу-л-Лайса ас-Самарканди. Они, несомненно, ошибаются. Этот факих Абу-л-Лайс умер в 370 х. в Балхе».

Из написанного выше видно, что среди посещённых могил наибольшее внимание Марджани обратил на могилу Ибн ал-Хумама. Этот человек был одним из выдающихся знатоков мусульманского права и учителей ханафитского мазхаба. Его книга «Фатх ал-кадир» («Раскрытие Всемогущего») была признана лучшей книгой по исламскому правоведению, Марджани также счёл её надёжной. Он пытался пробудить

в своих учениках интерес к этой книге и говорил, что за свою жизнь четыре раза прочёл книги «ал-Хидайя» и «Фатх ал-кадир». Простояв долго у могилы Ибн ал-Хумама, Марджани сказал: «Это наш учитель. Мы часто пользуемся его книгами». Ко всему сказанному Камал-кари добавил: «Когда мы осматривали кладбище, с нами были и некоторые алимы Египта. Марджани рассказывал им исторические сведения о достопримечательностях и учёных города. Когда Марджани показывали могилы некоторых людей, он спрашивал: «Возле них должны были быть могилы таких-то и таких-то учёных, а в том месте должна быть такая-то гора. Где всё это?» Позже люди, которые посещали могилы вместе с ним, говорили: «Живя в Египте, мы не знали того, что услышали от Марджани».

Из Египта паломники поехали железной дорогой в Суэц. Марджани записывал расстояния между всеми станциями, встречавшимися на дороге, и скорость, с которой ехал поезд. Полностью переписал правила для путников, написанные и приклеенные на стене вагона. Заметил, что поезда на железных дорогах Египта ездят быстрее, чем российские, да и вагоны у них просторнее.

На пароходе они из Суэца прибыли в Янбу и пробыли там пять дней. Так как именно в Янбу нога Марджани впервые ступила на землю Аравии, он стал ещё более внимательно прислушиваться к каждому слову арабов, присматриваться к их привычкам, записал некоторые слова, названия фруктов-

тов, предметов, переписал прейскурант блюд, предлагаемых на пароходе. Среди этих слов есть и такие, что отсутствуют в словарях. Про Янбу Марджани пишет следующее: «В Янбу я познакомился со многими путниками, приехавшими из других стран. Расспросив у людей, мы посетили могилу хаджи Хусаин ибн Юусуфа⁵⁸, известного своей благотворительностью, уехавшего из Казани и умершего в Янбу. Прочитали Коран в его честь. Пусть Аллах примет наши дуа и осчастливит его душу. В Янбу мы пообщались с черкесскими шакирдами, встретились с группой иранцев. Во время намаза иранцы поднимают руки до ушей при каждом такбире, а перед [сурой] «ал-Фатиха» и остальными сурами громко говорят «Бисмиллях» («во имя Аллаха»). [Дуа] «Сана» (восхваление) не читают, в каждом из двух ракаатов читают [суру] «ал-Ихлас». Наклоняясь, трижды произносят «Субхан Аллах» («Свят Аллах»), а совершая земной поклон, говорят «Субхан Рабб ал-а'ла ва бихамдих, Аллахумма салли 'аля Мухаммади ва алихи» (Свят Всевышний Господь и Ему хвала! О Аллах! Благослови Мухаммада и его домочадцев!). Вставая из земного поклона, немного приподнимают руки. Я не видел, как они произносят азан и такбир, как совершают намазы суннат и витр. В совершении намаза они слабее уз-

⁵⁸ Этот человек был одним из выдающихся старание богачей прихода Марджани. В хадж на свои деньги он взял ещё двоих человек, и умер при возвращении из паломничества в 1281 х./1864 г. В «Мустафад ал-ахбар» Марджани пишет, что этот человек часто помогал ему и, посоветовав купить Марджани дом в Казани, подарил ему для этого 1100 рублей (Т. 2. – С. 350). А это немалые деньги.

беков, перед каждым аятом делают паузу для передышки».

Во время этого путешествия Марджани многократно встречался с иранцами, записывал свои разговоры с ними, интересовался их жизнью. Он всегда защищал их, многим татарским учёным, называющим иранцев неверными, старался доказать, что они такие же мусульмане, как и мы. В своих путеводных заметках Марджани пишет, что их поклонение такое же, как у нас. Отмечает, что один экземпляр книги «Назурат ал-хакк» он подарил имаму шиитов.

Из Янбу в Медину путешественники отправились на верблюдах. Марджани пишет: «В Янбу мы наняли людей по имени Рашид и Айд и на их верблюдах отправились в Медину. Оказывается, их верблюды за один час совершают 1340 шагов. Во время путешествия на верблюдах из Дамаска, я насчитал, что верблюды совершают 1300 шагов в час. В пути я интересовался у арабов названиями некоторых деревьев и деревень. Дойдя до местности под названием Баир Саид, я заболел. Так как мы ехали на верблюдах, некоторые намазы совершали жестами. Дороги между Янбу и Мединой оказались очень ровными, очень удобными для сооружения железных или трамвайных путей. Из-за моей болезни в Медину меня четыре человека внесли на носилках. В Мечеть Пророка я отправился лишь спустя два дня, в «Рауда ал-мутаххара» («Благословенный сад») возле могилы нашего Пророка прочёл два ракаата намаза, посетил могилы Пророка (да бла-

гословит его Аллах и да приветствует), Абу Бакра, ‘Умара, Фатимы. Передохнул в одном месте. В мечети намазы сунны совершал сидя. Потом моё самочувствие немного улучшилось, и мы посетили разные места Медины. Совершили намаз в доме Абу Аййуб ал-Ансари, где остановился наш Пророк после переселения из Мекки. Потом мы посетили могилы Аббаса, Хамзы, Усмана, ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауфа, Са‘д ибн Абу Ваккаса, матери правоверных Айши и др. Рядом с могилой имама Малика мне показали могилу имама Нафи‘а. Но это лишь народное поверье. Эта могила имама Нафи‘а-маула Ибн ‘Умара. Показали и могилу шейха Шамиля. Пробыв в Медине 10 дней, я, бедняк (факир), облачился в белую джуббу, белое одеяние, на пояс повязал платок и вошёл в обитель нашего Пророка (худжрат ас-са‘адат), совершил дуа за Пророка (да благословит его Аллах и да приветствует). [Могила] была покрыта шёлковым покрывалом, вокруг неё стояли свечи. В один день мы посетили кладбище мечети Куббы. В Медине шафииты, маликиты, ханафиты читают намаз вместе. Я совершал намазы, стоя за имамами разных мазхабов. В Мечеть Пророка заходят и женщины. В одном углу мечети им отведено специальное место».

Марджани в своих путевых заметках в нескольких местах отмечает, что в таких больших исламских городах, как Стамбул, Египет, Медина, Мекка, женщины заходят в мечеть. Так как совершение женщинами коллективных намазов, присутствие на проповедях является традицией, идущей со времён

Пророка и святых сахабов, Марджани смотрел на это без какого-либо удивления.

О Медине и людях, с которыми ему довелось там общаться, Марджани пишет следующее: «Медина расположена на плоскогорье, горы не каменистые, воздух хороший. Люди живут в достатке, продукты дешёвые, у них очень хорошие гранаты и финики. Они сеют пшеницу, ячмень, чечевицу. В Медине много учёных и медресе. Некоторые из медресе посещали и мы. Побывали во многих почитаемых местах города, видели могилы шахидов. Совершили дуа. Встречались с известными людьми Медины, беседовали с ними. В Медине общался с шейх ал-исламом Хасаном Фахми, шейхом Мухаммад Музаххар ибн Ахмад Са‘идом ал-Хинди, шейхом Ахунджан ибн ‘Абд ал-Хади ал-Бухари, шейхом ‘Абд ал-Джалилом ал-Мадини, ‘Абд ал-Кадир ибн Ахмадом ат-Тараблиси [ведёт свой род от Пророка], муфтием Мухаммадом ар-Рубали, попечителем медресе Килар шейхом Халил ибн Ибрахимом, муллою Зийадином ат-Тархани и др. После пятничного намаза шейх Музаххар прочитал за меня дуа, стоя перед священной могилой».

Марджани также записал некоторые стихи шейха ‘Абд ал-Джалила. Шейха Музаххара он считает своим братом на пути наставничества⁵⁹. Мулла Зийадин был близким другом Марджани, у него есть даже стихи, посвящённые ему, Марджани упоминает его имя в разных книгах. Про шейх ал-ис-

⁵⁹ Мукаддима. – С. 28.

лама Хасана Фахими в «Вафиййат ал-аслаф» Марджани пишет следующее: «Хасан ибн ‘Усман Фахми – один из лучших учёных Турции, учитель султана, дважды был шейх ал-исламом, потом был сослан в Медину. С ним я снова встретился в Медине, сидели на одном собрании. В путешествии из Медины в Мекку мы шли рядом и разговаривали. Из каждого его слова видна его начитанность, осведомлённость во всех областях. В своё время он с удовольствием прочёл книги «Назура», «Хикма ал-балига», «ал-Ма‘ аз-зулал фи шарх ал-Джалал». Он всем рассказывал, что и среди татар, живущих на территории России, есть много хороших учёных. И у тех, с кем встречался, всегда спрашивал о татарских хаджиях и учёных. Мы обменивались сведениями друг с другом. Хасан Фахими умер в 1298 х./1881 г. в возрасте 80 лет».

Про путешествие из Медины в Мекку Марджани пишет следующее: «Когда мы были в Медине, туда прибыл караван из Дамаска. Встречать его вышел весь народ Медины, войско города и правитель Медины Сафа-паша. Это мероприятие было организовано на высшем уровне. Военные стреляли из пушек, играла музыка. Я встретился с Сафа-пашой. Присутствовал на праздничном собрании, меня угостили кофе.

Вместе с этим караваном из Дамаска и мы отправились в Мекку. Предводителем хаджа в этом караване был Саид-паша. Вместе с караваном также шло войско, которое выстрелом пушек оповещало об остановках и времени намаза, а по вечерам выставляло караул.

В месте под названием Зу-л-халифа мы облачились в ихрам⁶⁰. Вместе с нами это сделали дамелла Фахрутдин ан-Нурлати, имам Тяжбердино (*Ташибилге*) мулла Ахмадсафа, имам Буздяка, мулла Хидаййатулла и все хаджи-иранцы. Когда я разговаривал с меллой Фахруддином в Медине, он не соглашался с моими словами. Но на деле последовал за нами.

Многие люди не облачаются в Зу-л-халифе в ихрам, с подозрением смотрят на это, считая, что это место является для шафиитов местом начала хаджа. Оказывается, большинство народа Медины облачаются в ихрам в деревне Раби', возле селения Джихфа, где облачаются в ихрам дамасцы.

По дороге в Мекку мы проехали через многие деревни и станции». (Марджани записывал названия этих деревень и станций, время, затраченное на дорогу из одного села в другое, а также замечает, что многие деревни имели благоустроенный вид. Мы же вкратце приводим некоторые из этих записей.)

«В дороге мы проехали через селение под названием Джадида. Там было множество финиковых садов. Когда мы проходили мимо этой деревни, солдаты взяли в руки ружья и заиграли музыку. Этот день был очень жарким. Даже расплавились свечи, хранящиеся в коробках. Тазы накалились так, что их невозможно было держать руками.

Дошли до Бадра. Так как селение было расположено близко к морю, здесь арабы продавали рыбу. После Бадра горы,

⁶⁰ Сегодня Зу-л-халифа известна как Баир Али.

которые раньше виднелись справа, исчезли, а те, что слева, отделились. Под ногами был песок. Ветер доносил до нас запах моря.

После этого мы достигли Раби'. Мужчины и женщины – все вышли встречать караван. Наше войско вошло в село с музыкой и выстрелами. Раби' оказался большой деревней, в которой имелись прекрасные финиковые сады, хорошие каменные дома и рынок. Большинство мединцев облачаются в ихрам здесь.

Мы были у «Баира Асфана» (колодца Асфана). Вода в нём оказалась очень хорошей, и её было много. Арабы говорят, что это и есть тот колодец, в который плюнул Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует).

Как только мы дошли до места под названием «Долина Фатимы», прогремел гром, сверкнула молния, и начался дождь, хотя необильный. Это была самая близкая к Мекке наша последняя остановка. Тронувшись после в путь, на 13-й день после выхода из Медины (7 зу-л-хиджи) мы вошли в Мекку, священный город и киблу ислама.

Прибыв в Мекку, первым делом мы совершили обязательные для хаджа действия и поклонения и через три дня, 10 зу-л-хиджи, вышли из ихрама. Хаджи из Ирана пробыли на горе Арафат на один день больше, чем мы, поэтому они вышли из ихрама 11 зу-л-хиджи. В таких местах, как Арафат, Муздалифа, Шариф Абдульмуталлиб ходил величественно и важно. Во всех местах, куда он ходил, его встречали зал-

пом пушек и музыкой.

В Мекке мы посетили достопримечательности и могилы известных людей. Видели место, где родились Пророк, ‘Али, Фатима, дома Абу Бакра и Хадиджы, дом Аркам ибн Абу-л-Аркама, где в начале своего призыва жил Пророк и где ‘Умар принял ислам. В один день после ночного намаза нам посчастливилось зайти внутрь Каабы, прочитать там два ракаата намаза и совершить дуа. Хотя я рассматривал стены и столбы Каабы, почтительность не позволила мне взглянуть на потолок.

В Мекке я виделся и общался со многими учёными и великими личностями. В один день вместе с моим братом Садретдином, муллой Зийаудином (Дийа ад-дин) ат-Тархани и ещё несколькими людьми мы посетили автора книги «Изхар ал-хакк» («Выявление истины») шейха Рахмат Аллах ибн Халиль ар-Рахмана ал-Хинди. Он с радостью принял нас, мы сидели и разговаривали некоторое время. Угостил нас чаем. Это было приятное собрание. Он обращался к нам со словом «саййиди» (мой господин). Из своих произведений шейх Рахмат Аллах подарил нам один экземпляр книги «Изалат ал-аухам» («Избавление от заблуждений») и пять экземпляров книги «Изхар ал-хакк». Лишние экземпляры велел подарить достойным этого людям. Он просил нас остаться ещё ненадолго, но мы вынуждены были откланяться, так как нас поджимало время.

В Мекке нас нашёл Мухаммад ибн Ахмад ал-Куньяви,

сказав, что он очень хотел пообщаться с нами. Он расспрашивал нас об учёных Казани и Бухары и ещё о многом другом.

Во время хаджа в Харамайне, т. е. в Мекке и Медине, с вечера зажигают свечи. В Байтуллахе они горят всю ночь, их тушат лишь перед утренним намазом. В Мекке утренний намаз первыми читают шафииты, потом маликиты, потом ханбалиты, а последними – ханафиты. Численность ханбалитов очень мала. Отдельным коллективом они читают утренний намаз лишь в Мекке. А другие намазы совершают вместе с ханафитами. Маликиты также в большинстве намазов следуют за ханафитами. И они лишь однократно произносят слова камата, во время намаза в положении стоя они опускают руки. Шафииты также произносят слова камата лишь один раз. Сцепляют руки на груди, опускаясь на колени и вставая с них, поднимают руки. Во время намаза, читаемых вслух, громко произносят «бисмиллях», в положении земного поклона во втором ракаате утреннего намаза громко читают молитву «Кунут». О том, как совершают намаз иранцы, было написано выше».

Как видим, Марджани обращает внимание на то, что в таких являющихся столицами ислама городах, как Мекка и Медина, четыре имама совершают намаз отдельными коллективами, и в их поклонении очень мало различий. Марджани не нравилось, что они читают намаз отдельно. По его мнению, мусульмане, собравшиеся с разных концов света,

должны совершать намаз в единстве, встав за одним имамом.

По поводу этого он пишет в книге «Мукаддима»: «Одним из нововведений является то, что в Мекке и в Медине для каждого из четырёх мазхабов существует отдельное место. Эта практика началась в 815 х. и длится по сей день. Она противоречит приказу шариата о коллективном совершении намаза и увеличении численности общества».

На этом хадж и дела Марджани в Мекке заканчиваются, вместе со спутниками он начинает готовиться к возвращению домой. Об обратном пути Марджани пишет: «Пробыв в Мекке 13 дней, мы распрощались с городом и вышли в обратный путь. Около часа шли пешком. На следующий день достигли Джидды и там продолжили свой путь на пароходе «Кайсарийа», принадлежащим Османскому государству.

Когда мы достигли Синая, для хаджи был объявлен карантин. Мы ехали вторым классом, для нас карантина не было. Через два дня продолжили свой путь. В дороге к нам зашёл один перс, открыл свой Коран и попросил нас дать ему толкование одного аята. Он ушёл, удовлетворённый нашим объяснением. Так как этот человек по своему мазхабу верно совершал намаз, правильно читал молитвы и в необходимых местах цитировал аяты Корана, я думаю, он был учёным. Я не смог понять причину того, зачем он обратился к нам с таким вопросом.

Мы проплыли Суэц, Исмаилию, Порт-Саид. Красивые сады Исмаилии, величественные здания Порт-Саида привлек-

ли наше внимание. Плывая на пароходе, на побережье мы видели много садов и деревень.

В Измире вновь объявили карантин. Хотя на нашем пароходе и все были здоровы, на английском пароходе, шедшем перед нами, был объявлен карантин, так как на нём хаджи поили испорченной морской водой, не давали укрываться от дождя, и поэтому некоторые хаджи простудились и заболели. После них и на нашем пароходе «Кайсарийа» объявили карантин. Карантин и здесь меня не коснулся, как и ещё нескольких человек. Через два дня мы вышли в путь. Мы слышали, будто английский пароход пробыл на карантине 11 дней.

В дороге 14 мухаррама было полное лунное затмение. Мы совершили намаз хусуф, который совершают во время затмения луны. Нам стало известно, что вместе с нами этот намаз совершили и персы. Затмение луны и её выход из тени я наблюдал через бинокль.

В соседней каюте ехал персидский имам по имени Мухаммад. Хотя по внешнему виду и одежде он походил на араба, разговаривал он на тюркском языке. Сказал, что принадлежит к мазхабу шафии. Но ни к суннитам, ни к шафиитам он не присоединился. Однажды я видел, что он читает книгу «Мукаддимат Ибн Халдун». Он спросил, есть ли у меня эта книга. Когда я ответил утвердительно, Мухаммад сказал, что в ней есть строки о разногласии между сахабами и он не может вникнуть в суть этого. Он листал книгу, чтобы пока-

зять мне эти строки, но не нашёл их. Этот человек вёл себя очень важно, мне показалось, что он обладает некоторыми знаниями.

На 20-й день своего путешествия мы живыми и здоровыми прибыли в Стамбул. Оттуда послали телеграмму в Казань».

Возвращаясь из хаджа, Марджани пробыл в Стамбуле лишь четыре дня. Его товарищи спешили вернуться. Марджани не хотел отставать от них, поэтому был вынужден отправиться вместе с ними. Он и сам рассказывал, что у него остались дела в Стамбуле. «Если бы я остался там на несколько дней, я бы увиделся с султаном. Но я посчитал, что эта встреча не стоит того, чтобы отставать от друзей. Подумал, что одному будет сложно возвращаться». За эти четыре дня он посетил некоторые медресе Стамбула. Купил книги по истории, географии, математике. Встретился с бывшим министром образования Муниф-пашой, Шарифом 'Ауном, Ахмадом Ас'адом, шейхом Сулейманом и ещё несколькими людьми. Об этих встречах он пишет следующее: «Возвращаясь из хаджа, я встретился и имел долгую беседу с Муниф-пашой. Он оказался очень приятным и справедливым человеком. Сказал, что владеет пятью языками. Мы и сами стали свидетелями того, как на арабском и персидском языках он разговаривал так же свободно, как на родном. Сыновья 8 и 4 лет также знают персидский. Позвав их к нам, перед нами разговаривал с ними на персидском. Старшему сыну на

персидском языке сказал: «Поцелуй руку этого человека». Сын подошёл и поцеловал мне руку.

В доме паши стояло чучело большого медведя. Это был медведь, застреленный российским императором. Говорят, будто император подарил этого медведя послу Турции в Петербурге Халил-паше, а тот подарил Муниф-паше. На первом этаже дома мы поели суп, а на верхнем этаже нас угостили чаем и кофе. Домашняя утварь у него очень красива и утончённа. Мы удивились, увидев столы и стулья, сделанные из золота.

В доме мы увидели мраморную женскую статую. Должно быть, для проверки наших знаний, он спросил, сколько она стоит. Потом сам же ответил: «Автор этой работы – очень талантливый скульптор. Поэтому и стоит она 7000 рублей». С нами он по большей части общался на арабском и персидском, а иногда – на тюркском. Подарил нам книги «Сирр ал-лайал фи ал-калб ва ал-ибдал», «Путевые заметки о Бразилии». Я тоже подарил ему некоторые из своих произведений. Будучи у паши, мы увидели нескольких уважаемых и известных людей, заходивших к нему. Одного из них нам представили как зятя султана ‘Абд ал-Маджида. Мы очень хорошо общались с пашой. Прощаясь с нами, он проводил нас до дверей и сказал: «Если вам понадобится какая-либо книга, напишите мне, пришлю её без промедления».

Потом на пароходе мы направились в Одессу, далее по железной дороге – в Нижний, а после на почтовых лошадях и

санях приехали в Казань. О нашем выезде из Нижнего мы отправили в Казань телеграмму. В Свяяге и Услоне нас встретили многочисленные шакирды и друзья. 30 мухаррама 1298 х. / 20 декабря 1880 г. перед предвечерним намазом мы вернулись в Казань. На пороге 1-й мечети встретились с друзьями, спутниками и учениками. В мечети совершили дополнительный и предвечерний намазы, потом я в здравии вернулся домой и встретился с родными».

Отношение к ахунам. Ахунство. Что он ждал от Духовного управления. Вопрос должности муфтия

До сегодняшнего дня между нашим Духовным управлением и муллами нет какого-либо посредника. Каждый мударрис, имам и муэдзин обращаются непосредственно в Управление. Если между муллами и муэдзинами возникает какое-либо разногласие, это дело рассматривает и выносит приговор по нему само Управление. Но так как его влияние распространяется на огромную территорию, а в составе его всего несколько кади, оно не может рассматривать возложенные на него дела должным образом. Решение разногласий, возникающих между приходами и муллами, затягивается на долгое время. Иногда истина бывает не очевидна, не понятна, поэтому приходится решать дело в судебном порядке. Таким образом, впустую проделывается много работы.

Для решения этих неудобств в государствах, где есть фиксированные законы, между высшим и низшим духовенствами существует средний слой. Он наблюдает за духовенством низшего разряда, в случае совершения ошибок делает замечания, а при возникновении разногласий рассматривает и решает эти вопросы. И лишь люди, не согласные с решением низшего и среднего духовенства, обращаются к высшим чинам. В таком случае сохраняется больший порядок, дела решаются легче и более справедливо. У нас же, несмотря на то, что ахуны считаются выше простых мулл, у них нет специального разрешения, и имамам необязательно подчиняться им. Ахунство является лишь почётным званием.

В 1284 х./1867 г. Марджани был утверждён ахуном и мухтасибом. Потом он решил сделать ахунов посредниками между Духовным управлением и муллами, чтобы при возникновении разногласий между муллами именно ахуны принимали решение. Обратившись с письмом к муфтию Салимгараю, предложил выбирать ахунов лишь из числа известных мударрисов, дать им некоторые полномочия, чтобы они могли надзирать за некоторыми делами мулл⁶¹. После утверждения его ахуном губернии, через станowych приставов Марджани сделал перепись ахунов Казанской губернии и других уездов, записал количество, имена и фамилии мулл в уездах, места их назначения имамами (эти записи сохранились

⁶¹ В библиотеке Марджани сохранились ответные письма, подписанные муфтием Салимгараем.

в библиотеке Марджани). По совету муфтия Салимгарая выпустил некоторые указы. Однажды по приказу губернатора Казани распространил среди ахунов и мулл, живущих в других районах, указ о том, что необходимо заниматься профилактикой холеры, уделять внимание личной гигиене, обращаться к врачам, а больным женщинам консультироваться у акушеров. Выше мы уже писали о том, что, будучи ахуном, Марджани по просьбе губернатора написал брошюру о необходимости защищать животных и быть милосердными к ним. Эта брошюра была издана за государственный счёт.

Одним из самых спорных вопросов среди мулл при Марджани был вопрос о начале поста и совершении праздничного намаза. Было время, когда в некоторых местах этот намаз совершали два-три дня, а в двух приходах одного города читали праздничные намазы в течение двух дней. До своего назначения ахуном Марджани не раз советовался с муллами Казани по этому поводу, но не смог выработать устраивающее всех решение. Почти ежегодно в Казани и её пригородах каждая сторона высказывала новое мнение относительно поста и праздничных намазов, приводила свои доказательства, хотя они и были слабыми. Таким образом, разногласие продолжалось из года в год. После назначения его ахуном Марджани посчитал правильным для решения этого конфликта полномочия по определению времени поста и праздничных намазов передать в руки ахунов. И по приказу муфтия он распространил указ об этом среди имамов Казани.

«Вниманию всех уважаемых имамов Казани: муфтий ислама приказывает напомнить всем имамам: пусть они придут к общему мнению по поводу месяца рамадан и совершении праздничных намазов. Несомненно, в 1290 х./1873 г. начало рамадана приходится на среду, пост следует начать именно в этот день.

Решение, в котором нет сомнений, и необходимое дело не требуется объяснять всем подробно. Поэтому во вторник вечером совершается намаз «таравих», а в среду мы станем теми, кому обязательно следует держать пост, даст Аллах. Заверьте подписью те, кто слышал это. Ва ас-салям, ахун Шихабутдин ибн Бахаутдин ал-Марджани. Понедельник, 29 шаабана 1290 х. / 22 октября 1873 г.».

Но то ли из-за того, что имамы Казани не до конца поняли цель Марджани, то ли из-за своей любви к склокам, то ли из-за недовольства тем, что Марджани стал их главой и начал отдавать приказы, они сочли этот приказ неподобающим. Возомнив, что слова Марджани противоречат шариату, они решили не следовать ему, и написали в Духовное управление рапорт следующего содержания.

«Уважаемому Собранию Уфы – Религиозному правлению, назначенному для надзора и должного исполнения шариата Мухаммада (да благословит его Аллах и да приветствует) от нижеперечисленных имамов Казани рапорт.

Мы, имамы Казани, во вторник 29 шаабана написали его

[рапорт], будучи единодушны, и поставили подписи. Мы решили: если в этот день не будет видно луны либо будут сомнения в начале месяца рамадан, мы в этот день не будем совершать «таравих», а в среду не начнём пост. Поэтому вместе с примерно двумя сотнями людей внимательно вглядывались в небо, но не увидели луны, хотя погода была ясная. Поэтому мы посчитали, что коллективное чтение «таравиха» будет нововведением, мы не начали пост в назначенный день. Так как это не соответствовало шариату, мы думаем, что поступили правильно, не совершив «таравих». И мы, имамы, обиженные и униженные, просим у вас, чтобы названный выше ахун мулла Шихабутдин не издавал таких противоречащих шариату приказов, не заставлял нас подписывать их и не сбивал с пути шариата.

Учитель и имам мечети Новотатарской слободы Казани мулла Шагиахмад ибн Баязид (Шах Ахмад ибн Байазид) Иманкулов.

Учитель и имам 2-го прихода мулла Саляхутдин ибн дамелла Исхак (Салах ад-дин ибн Исхак).

Указной имам и учитель в 5-й мечети мулла Абдулладжан ибн дамелла Габдулгаффар (Мухаммад-Йусуф ибн ‘Абд ас-Сагтар).

Указной имам и учитель в 5-й мечети мулла Мухаммад-Юсуф ибн мулла Габдуссаттар.

Указной имам Казани Мухаммад ибн Салих ал-Гумари.

Имам и учитель мечети Новотатарской слободы мулла Ху-

саин ибн мулла Амирхан.

Имам 4-й каменной голубой мечети Казани Мухаммад-Закир ибн мулла Хаммад.

Указной имам Казани мулла Габдулвали ибн Габдулгаффар.

Указной имам мечети Новотатарской слободы Казани Мухаммадшакир ибн мулла Хуснутдин (Мухаммад-Шакир ибн Хусн ад-дин).

Имам Новой каменной мечети Казани третьей степени мулла Мухаммад-Гали ибн Бикчур (Мухаммад-‘Али).

Имам мечети Новотатарской слободы Габдулгани ибн дамелла Шагиахмед Иманкулов.

Имам деревни Кшкар Исмагил Утямышев».

После этого муллы Казани попросили Духовное управление ограничить полномочия ахуна, принять какой-либо указ, объясняющий, что ахун не обладает никакими привилегиями перед муллами, а также привлечения Марджани к ответственности за распространение между муллами своего приказа.

По каким-то причинам рассмотрение этого дела Духовное управление доверило врагу Марджани – дамелле Исмагилу из Кшкара. Он же в качестве помощника взял муллу Габдулла, написавшего свою книгу «Джаруда» как критический ответ на книгу Марджани «Назурат ал-хакк». Они приняли решение, что Марджани действовал против шариата, и со-

общили об этом в Духовное управление. К этому присоединились и всяческие доносы и просьбы, таким образом, Марджани на шесть месяцев был отстранён от должности имама. Но позже стало известно, что данный приговор, одобренный Духовным управлением, не соответствует истине, и что в остальных исламских государствах поступили именно так, как сказал Марджани, начав поститься именно в тот день. Так ему был возвращён указ.

Увидев после этой ситуации всю сложность работы с народом и муллами, поняв, как трудно из-за низкого самосознания народа наладить контакт с муллами, Марджани решил действовать по-другому. Он надеялся, получив хоть какую-либо помощь от Духовного управления, религиозного управления татар, претворить некоторые идеи в жизнь. Он даже послал управлению несколько проектов. Ниже мы приводим три из них. Первый проект был посвящён экзаменам в Духовном управлении. Он был таким: «Вот что я думаю о тех, кто пришёл сдавать экзамен по шариату и исламу. Людям, ожидающим назначение на должность муэдзина, следует по памяти знать свидетельство о вере и понимать его значение, а по тюркскому языкугодились бы знания книги «Устувани». Было бы хорошо, если бы по арабскому языку они знали «Та‘лим ас-салават» («Обучение намазам») и «Мунъйат» («Желание»), а может, и «Са‘лук» («Раб»).

Желающие стать имамами вдобавок к этому должны знать и правильно читать ещё и «Акиду» и «Кудури», знать «Ка-

рабаш». «Акиду» претенденту на звание имама следует хорошо понимать и знать наизусть. Было бы хорошо, если бы условием экзамена было хорошее чтение «ал-Кудури» и объяснение содержания всех поставленных в книге вопросов.

Для должности хатиба и мударриса вдобавок к написанному выше человек должен по исламскому праву быть знаком с книгами «Мухтасар викайа», «Шарх викайа» или «Хуласат ад-далаил», по этике – с одной из книг «‘Айн ал-илм» или «Тарика Мухаммадия», по синтаксису – с «Анмузадж» и «Шарх Мулла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.